

**ВѢСТНИКЪ
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

КНИЖЕВѢДНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛЪ

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

Число 1873.

С ПЕТЕРБУРГА
ПЕЧАТАЕТСЯ ПО ПОРЯДКОВОМУ ДОГОВОРУ, В
1873.

Annotation

В конце XIX века земная наука достигла высочайших вершин: в шаре, изготовленном из особого сплава, непрозрачного для тяготения, смелые исследователи достигли пределов Луны, успешно высадились на ее поверхность и открыли новый мир...

Первый, неполный перевод классического научно-фантастического романа на русский язык (1901 г.).

- [Первые люди на Луне](#)

- [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
 - [Глава XII](#)
 - [Глава XIII](#)
 - [Глава XIV](#)
 - [Глава XV](#)
 - [Глава XVI](#)
 - [Глава XVII](#)
 - [Глава XVIII](#)
 - [Глава XIX](#)
 - [Глава XX](#)
 - [Глава XXI](#)
-

Первые люди на Луне

Новая повесть Г. Д. Уэльса

*Менипп. Три тысячи стадий от Земли до луны...
Не удивляйся, товарищ, если я буду говорить тебе о
надземных и воздушных материях. Я рассказываю по
порядку недавно совершенное мною путешествие.*

«Икароменипп» Лукиана.

Глава I

Мистер Бедфорд встречает мистера Кавора в Лимпне

Когда я сажусь писать здесь, в тени виноградных лоз, под синим небом южной Италии, мне приходит на мысль, что мое участие в изумительных приключениях м-ра Кавора было делом чистейшего случая. Я попал в эту историю в то время, когда считал себя отдаленным от малейшей возможности каких-либо отвлекающих от работы опытов. Я приехал в Лимпн, воображая это место самым безмятежным уголком в мире. «Здесь, во всяком случае, — говорил я сам себе, — я найду покой и возможность работать!».

И эта книга есть следствие моего пребывания там. Так расстраивает судьба маленькие планы людей.

Быть может, здесь уместно будет упомянуть, что недавно я прогорел в некоторых коммерческих предприятиях. Сидя теперь среди богатой обстановки, приятно вспомнить о моей бывшей нужде. Я могу допустить даже, что до некоторой степени я сам был виновником моих бедствий. Может быть, есть роды деятельности, к которым я имею некоторую способность, но ведение коммерческих операций не из их числа. В те дни я был молод, то есть я и теперь еще молод годами, но то, что со мной приключилось, несколько состарило мой ум; умудрило ли оно меня сколько-нибудь, это, пожалуй, сомнительно.

Едва ли нужно вдаваться в подробности спекуляций, приведших меня в Лимпн. Достаточно сказать, что я отчаянно рисковал. В этих делах все сводится к тому, чтобы давать и брать, и мне довелось в конце концов лишь отдать. Я пришел тогда к мысли, что мне не остается ничего более, как написать пьесу, если я не желаю трудиться всю жизнь на положении клерка. Постепенно я привык смотреть на эту ненаписанную драму, как на маленький запасец про черный день. И этот черный день настал.

Скоро оказалось, что сочинение драмы потребует большего времени, чем я предполагал, — сначала я клал дней десять на это дело; но надо было иметь «*pied-a-terre*», вот я и приехал тогда в Лимпн.

Мне посчастливилось найти маленький бенгало, который я и нанял на трехлетний срок. Я расставил там кое-какую мебель и начал сам готовить себе кушанье. Моя стряпня, конечно, шокировала бы миссис Бонд, но у

меня были две кастрюли для варки яиц и картофеля, сковородка для жаренья сосисок и кофейник. Кроме того, я запасся ящиком пива в кредит, и отпускающий на книжку булочник являлся ко мне ежедневно. Это, быть может, не было обстановкою сибарита, но у меня случались и худшие времена.

Без сомнения, если кому-нибудь нужно уединение, то Лимпн самое подходящее место. Он расположен в глинистой части графства Кент, и мой бенгал стоял на краю старого приморского утеса, откуда через равнину Ромни-Марш виднелось море. В ненастную погоду место это почти неприступно, и я слышал, что по временам почтальону приходится переправляться на лыжах через более сочные участки своего района. Перед дверьми немногих хижин и домов, составляющих нынешнюю деревню, торчат воткнутые в землю толстые пучки березовых прутьев для очистки обуви от налипшей глины. Я сомневаюсь, чтобы деревня обосновалась на этом месте, если бы она не была увядающей памятью давно минувшего. Здесь был расположен крупный порт Англии в римскую эпоху, Portus Lemanus; ныне же море находится в четырех милях отсюда. У подножья крутого холма рассеяны кучи камня и кирпича, остатки от римских построек. Я часто стоял на холме и думал о кипевшей здесь некогда жизни, — о галерах и легионах, о пленниках и чиновниках, о женщинах и торговцах, о спекулянтах, вроде меня, обо всей сутолоке и шуме, царивших когда-то здесь в гавани. А теперь несколько груд мусора на поросшем травой скате холма, пара овец да я. Там, где был порт, расстилается ныне болотистая равнина, тянущаяся широкой полосой до отдаленного Дёнгенеса и пестреющая там и сям группами деревьев да башнями церквей в старых средневековых городках, сменивших приморский Леман.

Вид на болото — один из самых красивых, какие мне случалось встречать. Дёнгенес находится отсюда милях в пятнадцати; он кажется паромом, лежащим на поверхности моря, а далее к западу виднеются холмы Гастингса. Иногда они отчетливо вырисовываются на горизонте, иногда же бывают подернуты дымкой, и часто, в туманную погоду, совсем исчезают из виду. Все ближайшие части равнины исполосованы плотинами и канавами.

Окно, у которого я работаю, обращено к линии этой гряды холмов, и из такого окна я впервые узрел Кавора. Это случилось как раз в то время, когда я корпел над моим сценарием, сосредоточившись на этой трудной работе и, естественно, Кавор остановил на себе мое внимание.

Он нахмурил брови, как будто встретил проблему.

Солнце только-что село, небо было окрашено в желтый и зеленый

цвета, и на фоне его вдруг появилась, в виде темного пятна, довольно странная фигурка.

Это был низенький, кругленький, тонконогий человечек, с нервными движениями; костюм его состоял из пальто, брюк и чулок, как у велосипедиста, а шапочка вроде той, что носят крикетисты. Зачем он так одевался — не постигаю, ибо он никогда не ездил на велосипеде и не играл в крикет. Вероятно, это было случайное соединение разнородной одежды. Он жестикулировал, мотал головой и гудел на подобие проволоки электрического телеграфа.

Перед тем шел дождь, и этот спазмодический характер его прогулки еще усиливался крайне скользкой тропинкой. Дойдя до места, откуда виден закат солнца, он остановился, вынул часы и постоял с минуту, как бы в нерешимости. Затем каким-то конвульсивным телодвижением он повернулся и поспешно пошел назад, не жестикулируя более, но широко шагая на своих относительно длинных ногах, которые казались еще длиннее от прилипшей к подошвам глины.

Это произошло в первый день моего пребывания, когда моя сочинительская энергия достигла высшей точки, и я взглянул на этот инцидент лишь как на досадную помеху — потерю пяти минут. Я возвратился к своему сценарию. Но когда на следующий день явление повторилось с замечательной точностью и стало повторяться каждый вечер, сосредоточение над сценарием потребовало больших усилий. «Проклятый человек, — говорил я про себя, — можно подумать, он готовится в марионетки», и несколько вечеров я проклинал его от всего сердца.

Затем моя досада уступила место удивлению и любопытству. Зачем ему нужно проделывать это? На четырнадцатый вечер я не вытерпел и, как только он появился, я открыл французское окно, прошел через веранду и направился к тому пункту, где он всякий раз останавливался.

Он держал в руке часы, когда я подошел к нему. У него было широкое, красное лицо, с красновато-кариими глазами, — раньше я видел его лишь против света.

— Одну минуту, сэр, — сказал я, когда он повернулся.

Он посмотрел на меня удивленно.

— Одну минуту, — промолвил он, — конечно. И если вы желаете говорить со мной дольше и не будете делать слишком много вопросов — ваша минута уже прошла, — то не угодно ли вам будет сопровождать меня?

— С удовольствием, — ответил я, становясь рядом с ним.

— Мои привычки регулярны. Мое время для бесед ограниченное.

— Теперь это, кажется, ваше время для моциона.
— Да. Я прихожу сюда любоваться закатом солнца.
— Ничуть не бывало.
— Сэр?
— Вы никогда не смотрите на закат.
— Никогда не смотрю?
— Никогда. Я наблюдал за вами тринадцать вечеров подряд, и ни разу вы не смотрели на закат солнца, ни одного разу.

— Все равно, я наслаждаюсь солнечным светом, атмосферой, я хожу вдоль этой тропинки, через вон те ворота, — он кивнул головой в их сторону, — и гуляю кругом.

— Это неправда. Вы никогда не гуляете кругом. Сегодня, например.

— Сегодня? Сегодня, видите ли, я только что взглянул на часы и, увидал, что прошло уже три минуты сверх положенного получаса, и решил, что уже некогда гулять кругом, и повернул назад.

— Но вы постоянно так делаете.

Он посмотрел на меня в раздумье.

— Может быть; итак, теперь я подумаю об этом... Но о чем вы желали поговорить со мной?

— Вот именно об этом самом.

— Об этом?

— Да. Зачем вы это делаете? Каждый вечер вы приходите сюда шуметь.

— Шуметь?

— Вы производите шум, вот в таком роде.

И я имитировал его гуденье.

Он посмотрел на меня, и было очевидно, что это гуденье вызвало у него отвращенье.

— Разве я делаю это? — спросил он.

— Каждый Божий вечер.

— Я не замечал. — Он остановился и посмотрел на меня серьезно. — Неужели, — сказал он, — у меня образовалась привычка?

— Похоже на то.

Он оттянул нижнюю губу двумя пальцами. Он глядел на лужу у его ног.

— Мой ум очень занят, — сказал он. — А вы хотите знать, почему? Уверяю вас, что не только я не знаю, почему я это делаю, но даже не знал, что я делаю это. Вы говорите правду: я никогда *не заходил* дальше этого поля... И это надоедает вам?

Я почему-то начинал смягчаться по отношению к нему.

— Не надоедает, — сказал я. — Но вообразите, что вы пишете драму!

— Не могу этого вообразить.

— Ну, так вообразите, что занимаетесь чем-нибудь таким, что требует сосредоточенности.

— Да, конечно, — сказал он в раздумье.

Он казался до того огорченным, что я смягчился еще более. К тому же, с моей стороны было довольно нахально требовать от незнакомого человека объяснения, зачем он гудит на публичной дорожке.

— Вы видите, — сказал он робко, — это привычка.

— О, я вполне признаю это.

— Я должен оставить ее.

— Зачем же, если это вас облегчает? Притом же, это не мое дело, вы вольны в своих действиях.

— Вовсе нет, — возразил он, — вовсе нет. Я чрезвычайно обязан вам. Мне следует воздержаться от этого. Впредь я и буду воздерживаться. Могу я попросить вас еще раз воспроизвести эти звуки?

— Нечто вроде вот такого звука, — сказал я, — зузу, зузу. Но знаете...

— Я очень вам обязан. Действительно, я чрезвычайно рассеян. Вы правы, сэр, совершенно правы. Да, я вам очень обязан. Это должно прекратиться. А теперь, сэр, я уже увел вас дальше, чем бы следовало.

— Надеюсь, моя дерзость...

— О, несколько, сэр, несколько!

Мы посмотрели мгновение друг на друга. Я приподнял шляпу и пожелал ему доброго вечера. Он конвульсивно ответил, и мы разошлись.

У изгороди я оглянулся на удалявшегося незнакомца. Его манеры резко изменились; он шел, прихрамывая и как-то съежившись. Этот контраст с его прежним жестикулированием, даже гудением, почему-то растрогал меня. Я наблюдал за ним, пока он не скрылся из виду, затем я вернулся в мой бенгало, к моей пьесе.

В следующие два вечера он не появлялся. Но все это время он не выходил у меня из головы, и у меня являлась мысль, что, как сентиментальный, комический характер, он мог бы явиться полезным сюжетом в развитии плана моей драмы. На третий день он сделал мне визит.

Некоторое время я недоумевал, что привело его ко мне, — он вел безразличный разговор самым официальным образом, затем вдруг неожиданно перешел к делу. Он желал купить у меня мой бенгало.

— Видите ли, — сказал он, — я несколько не сержусь на вас, но вы

разрушили мою привычку, а это расстраивает мой день. Я гулял здесь годами, да, годами. Нет сомнения, я гудел... Вы сделали все это невозможным.

Я заметил, что он мог бы использовать другое направление.

— Нет. Здесь не имеется другого направления. Это — единственное. Я производил рекогносцировку. И теперь каждые после-обеда я не знаю, куда деваться.

— Но если это так важно для вас...

— Чрезвычайно важно. Видите ли, я... я... исследователь. Я занят научным исследованием. Я живу, — продолжал он после короткой паузы. — вон в том доме с белыми трубами, который вы видите там за деревьями. И мои обстоятельства необычайны. Я близок к осуществлению *одного из важнейших открытий* и, могу вас уверить, одного из важнейших открытий, какие когда-либо были сделаны. Это требует постоянного размышления, постоянного умственного простора и деятельности. И послеобеденное время было моим самым светлым временем, возбуждающим новые идеи, новые точки зрения.

— Но почему же вам не приходиться сюда попрежнему?

— Теперь это было бы совсем не то. Вмешалось бы самосознание. Я должен бы был думать о вас с вашей пьесой, следящим за мной, раздраженным, — вместо того, чтобы думать о моей работе... Нет, мне необходимо иметь этот бенгало.

Я погрузился в размышление. Натурально, мне нужно было обдумать вопрос, прежде чем ответить что-либо решительное. Я был вообще довольно склонен к аферам в те дни, и продажа была заманчива для меня; но, во-первых, бенгало был не мой, и даже если бы я продал его ему за хорошую цену, мне было бы затруднительно сдать проданное имущество, когда бы настоящий владелец пронюхал бы об этой сделке; а во-вторых, я ведь был несостоятельным должником. Очевидно, это было очень щекотливое дело. Кроме того, возможность, что Кавор находится на пути к какому-нибудь ценному изобретению, также заинтересовала меня. Мне хотелось узнать подробнее об его исследовании, не с каким-нибудь бесчестным намерением, а просто в виду того, что ознакомление с этим исследованием было бы отдыхом от моего сочинительства. Я стал допытываться у моего собеседника.

Он охотно согласился удовлетворить моему любопытству, и наша беседа превратилась в монолог. Он говорил без умолку почти целый час, и я должен сознаться, что довольно плохо понимал его речь. В это первое свидание я очень мало уяснил себе цель в его работы. Половина его слов

состояла из технических терминов, совершенно для меня непонятных; некоторые же пункты он пояснил мне при помощи элементарной математики, делая выкладки на клочке оберточной бумаги. «Да, — говорил я, — да, — да... Продолжайте». Тем не менее, я убедился, что он не шутит, не играет словами. Несмотря на его чудаковатый вид, в нем видна была сила, делавшая невозможным подобное предположение. Он рассказывал, что у него есть мастерская и три помощника, первоначально работавших в качестве плотников, которых он приспособил к своему делу. А ведь от мастерской до патентного управления, выдающего привилегии на изобретения, всего один шаг. Он пригласил меня побывать у него в мастерской, на что я охотно согласился.

Наконец, он стал прощаться, прося извинения за продолжительность своего визита. Поговорить о своей работе, сказал он, доставляет ему удовольствие, которым он весьма редко пользуется. Ему не часто случается встретить такого интеллигентного слушателя, как я; с профессиональными же учеными он очень мало водился.

— Так много мелочности, — пояснил он мне, — такая масса интриг! И в особенности, когда имеешь идею новую, плодотворную идею... Не хочу быть жестоким, но...

Я — человек верящий в сердечные побуждения. Я сделал, может быть, необдуманное предложение. Но припомните, что я был одинок, сидел в Лимпне уже две недели над сочинением пьесы и меня еще мучила мысль о расстроенной прогулке моего собеседника.

— Так сделайте эти визиты, — предложил я, — вашей новой привычкой, вместо той, которой я лишил вас. По крайней мере, до тех пор, пока мы не решим вопроса о бенгало. Вам нужно обдумывать вашу работу, что вы делали всегда во время вашей послеобеденной прогулки. К сожалению, прогулка эта расстроилась; но почему бы вам не приходиться побеседовать о вашей работе ко мне, пользуясь мною как своего рода стеною, в которую вы можете бросать свои мысли и получать их отраженными обратно? Я не настолько сведущ, чтобы сам мог похитить вашу идею, и у меня нет знакомых ученых.

Он соображал. Очевидно, мое предложение ему понравилось.

— Но я боюсь наскучить вам, — сказал он.

— Вы думаете, я слишком туп?

— О нет, но технические подробности...

— Как бы то ни было, вы крайне заинтересовали меня сегодня.

— Конечно, это было бы большим подспорьем для меня. Ничто так не уясняет идей, как изложение их другому. До сих пор...

— Ни слова более, сэр.

— Но можете ли вы уделять мне ваше время?

— Нет лучше отдыха, как перемена в занятиях, — проговорил я с чувством глубокого убеждения.

Дело было улажено. Уходя, он заявил, что чрезвычайно мне обязан. Я издал вопросительный звук.

— Вы излечили меня от смешной привычки гуденья.

Я ответил, что радуюсь, если мог оказать ему какую-нибудь услугу.

Но, вероятно, направление мысли, вызванное нашей беседой, вновь овладело им тотчас по выходе от меня. Руки его начали размахивать прежним манером. Слабое эхо гуденья доносилось до меня по ветерку...

Ну, это было не мое дело.

Он явился на другой день и на следующий день и прочел две лекции по физике, к нашему общему удовольствию. Он говорил с видом человека, имеющего вполне ясное представление об «эфире», о «проводниках силы», о «гравитационном потенциале» и тому подобных вещах, а я сидел на другом моем кресле и приговаривал: «Да, да, продолжайте, я слежу за вашим изложением».

Это была страшно запутанная материя, но я не думаю, чтобы он подозревал, насколько основательно я его не понимаю. Бывали моменты, когда я начинал сомневаться, хорошо ли я пользуюсь своим временем, но, во всяком случае, я отдыхал от сочинения этой проклятой драмы. По временам мое внимание совсем ослабевало, и я подумывал, не лучше ли изобразить этого чудака в виде центральной фигуры великолепного фарса.

При первом удобном случае я пошел поглядеть его дом. Это было большое строение, небрежно меблированное; тут не было никакой прислуги, кроме трех его помощников; его обыденная и частная жизнь характеризовалась философской простотой. Он был приверженцем воды и растительной пищи и всего логически следующего отсюда сурового режима. Но обстановка его дома возбуждала много недоумений. Тут все имело вид лаборатории, от подвала до чердака, и являлось удивительным уголком среди глухого поселка. Комнаты нижнего этажа были наполнены станками и аппаратами, пекарня и котел судомойни превратились в печи изрядной величины; в подвале помещались динамо-машины, а в саду находился газометр. Он показывал мне все это с доверчивостью и экспансивностью человека, чересчур долго жившего в одиночестве.

Три его помощника были из числа людей, что называется, «на все руки». Добросовестные, и если не интеллигентные, то сильные, вежливые и услужливые. Один, Спаргус, готовивший кушанье и справлявший всю

металлическую работу, был прежде матросом; второй, Джибс, был столяр, третий же, экс-садовник, являлся тут главным помощником. Но это были простые работники. Весь интеллигентный труд исполнял сам Кавор. Они пребывали в глубоком невежестве, даже по сравнению с моим смутным пониманием.

Теперь о свойствах этих исследований. Тут, к несчастью, является серьезное затруднение. Я не ученый эксперт, и если бы попробовал излагать высоко-научным языком м-ра Кавора цель, к которой были направлены его опыты, то боюсь, что не только спутал бы читателя, но и сам бы запутался и, наверное, наделал бы ошибок, на которых меня поднял бы насмех любой студент, слушавший лекции математической физики. Поэтому, пожалуй, лучшее, что я могу сделать, это передавать мои впечатления своим собственным неточным языком, без всякой попытки облечься в тогу знания, носить которую я не имею ни малейшего права.

Целью изысканий м-ра Кавора было такое вещество, которое должно бы быть «непрозрачным» — он употреблял какое-то другое слово, которое я позабыл, но термин «непрозрачный» верно выражает идею — для «всех форм лучистой энергии». «Лучистая энергия», как он объяснял мне, есть нечто подобное свету, или теплоте, или рентгеновским лучам, или маркониевским электрическим волнам, или тяготению. Все эти вещи, говорил он, излучаются из центра и действуют на тела через пространство, откуда и происходит термин «лучистая энергия». Почти все вещества непрозрачны или непроницаемы для той или иной формы лучистой энергии. Стекло, например, прозрачно для света, но гораздо менее прозрачно для теплоты, так что его можно употреблять как ширму против огня, а квасцы прозрачны для света, но совершенно не пропускают тепло. С другой стороны, раствор иода в двусернистом углероде не пропускает света, но вполне тепло-прозрачен. Он скроет от нас огонь, но сообщит всю его теплоту. Металлы непрозрачны для света, но не для теплоты и электрической энергии, и так далее.

Далее — все известные нам вещества прозрачны для тяготения. Вы можете употреблять разного рода экраны, чтобы оградить что-нибудь от света или теплоты, или электрической энергии солнца, или от теплоты земли; вы можете защитить предметы металлическими листами от электрических волн Маркони, но ничто не преградит тяготения солнца или притяжения земли. Однако, почему тут должно оказаться ничто — это трудно сказать. Кавор не видел причины, почему бы не могло существовать такого преграждающего притяжение вещества, и я, конечно, не в состоянии был ему ответить. Я никогда ранее не думал о подобной возможности. Он

показал мне вычислениями на бумаге, которые лорд Кельвин, или профессор Лодж, или профессор Карл Пирсон, или какой-нибудь из великих ученых, без сомнения, уразумел бы, но в которых я ничего не понял, что не только подобное вещество возможно, но что оно должно удовлетворять известным условиям. «Да, — повторял я, — да, продолжайте», слушая его изумительные рассуждения, которые не могу здесь воспроизвести. Достаточно для предлагаемой истории сказать, что, как полагал Кавор, он может сфабриковать такое вещество, недоступное притяжению, из сложного сплава металлов и какого-то, кажется, нового элемента, называемого, если не ошибаюсь, *гелием*, которые был прислан ему из Лондона в запечатанных глиняных кувшинах. Это, несомненно, было что-то газообразное и летучее.

Как жалко, что я не делал заметок, но мог ли я тогда предвидеть, что понадобятся такие заметки?

Всякий, обладающий хоть каплей воображения, поймет необычайные свойства подобного вещества и заразится до некоторой степени тем волнением, которое начал испытывать я, когда это понимание выплыло из тумана непонятных фраз, которыми осыпал меня Кавор. Но, вероятно, никто из читателей этой истории не будет сочувствовать мне вполне, потому что из моего сухого рассказа невозможно заключить о непоколебимости моего убеждения, что это удивительное вещество будет добыто.

Я не помню, чтобы я уделял в день хотя час непрерывной работы своей пьесе после моего визита Кавору. Мое воображение было теперь занято иным. Казалось, нет предела удивительным свойствам вещества, о котором идет речь; на какой только путь я не вступал, везде я приходил с ним к чудесам и переворотам. Например, если бы вам понадобилось поднять тяжесть, какую бы громадную ни было, вам стоило бы только подложить под нее лист нового вещества, и вы могли поднять ее соломинкой. Моим первым естественным побуждением было применить этот принцип к пушкам и броненосцам, ко всему материалу и способам ведения войны, затем к судоходству, к средствам передвижения, к строительному искусству, словом, ко всевозможным формам человеческой промышленности. Случай, приведший меня к самому зарождению такой новой эпохи, — а это была эпоха, никак не менее — был один из тех, что бывают единожды в тысячу лет. Между прочим, я видел в этом открытии свое собственное возрождение в качестве дельца. Я прозревал в нем акционерные компании и их филиальные отделения, и применения всякого рода, и синдикаты и трэсты, и привилегии, и концессии, расширяющиеся и

распространяющиеся все дальше и дальше, пока единая обширная, огромная каворитная компания не овладеет всем миром.

И я участвую в этом!

— Мы у величайшего изобретения, какое когда-либо было сделано, — сказал я и сделал ударение на слове «мы». — Я приду завтра же, чтобы работать в качестве вашего четвертого помощника.

Мой восторг как будто удивил его, но не возбудил никаких подозрений или враждебного чувства. Скорее он ценил себя ниже, чем следовало.

Он посмотрел на меня с сомнением.

— Вы серьезно думаете? — спросил он. — А ваша пьеса? Как же вы с пьесой?

— К чорту пьесу! — воскликнул я. — Дорогой сэр, разве вы не видите, что вы изобрели? Разве вы не видите, к чему ведет ваша работа?

Но это был лишь риторический оборот речи: он действительно ничего не видал. Этот чудак работал все время на чисто теоретической почве! Если он и говорил о своем исследовании, как о «важнейшем из всех, какие когда-либо бывали в мире», то он просто разумел под этим, что его исследование подводит итог множеству теорий, разрешает бесчисленные сомнения, но нимало не думал о практическом применении искомого вещества. Такое вещество возможно, и он пытался добыть его. *V`la tout*, как говорят французы.

Вне этого он был сущий ребенок. Если ему удастся достигнуть цели, найденное вещество перейдет в потомство под именем каворита или каворина, он сделается членом королевского общества и портрет его будет помещен в журнале «Nature». Вот и все, что он видел. Он метнул бы в свет эту бомбу с таким же простодушием, как если бы открыл новый вид комара, когда бы только я случайно не познакомился с ним. И бомба лежала бы лишь и шипела, подобно прочим мелким открытиям ученых.

Когда я сообразил все это, настала моя очередь говорить, а Кавору пришлось слушать и лишь поддакивать. Я прыгал от восторга, быстро шагал по комнате, жестикулируя, как двадцатилетний юноша. Я старался выяснить ему его обязанности и ответственность в этом деле, *наши* обязанности и ответственность. Как я уверял его, мы сможем приобрести столько богатств, что в состоянии будем произвести всякого рода социальный переворот, какой лишь пожелаем; мы можем владычествовать и повелевать всем миром. Я толковал ему о компаниях и привилегиях и о шкапе для секретных процессов; но все эти вещи, кажется, интересовали его столько же, сколько меня интересовала его математика. Его красноватое лицо выражало смущение. Он пробормотал что-то о равнодушии к

богатству, но я горячо стал возражать ему. Я дал ему понять, какого я сорта человек, и что я обладаю значительной деловой опытностью. Я умолчал о том, что я банкрот, ведь это было мое временное состояние, и постарался примирить мою явную бедность с моими финансовыми претензиями. Совсем нечувствительно по мере того, как разрастались эти проекты, мы пришли к заключению о возможности создать каворитную монополию. Кавор будет выделять вещество, я же буду его рекламировать.

Я все время употреблял местоимения «мы», «вы», слова «я» как будто бы не существовало для меня.

Его идея была та, чтобы прибыли, о которых я говорил, употреблялись на дальнейшие изыскания, но это, конечно, можно было решить лишь впоследствии.

— Хорошо, хорошо, — говорил я. — Главное, — настаивал я, — надо, чтобы нам удалось добыть это вещество.

— Ведь это такое вещество, — восклицал я восторженно, — без которого не может обойтись ни один дом, ни одна фабрика, ни одна крепость, ни одно судно, вещество более универсальное, чем патентованное медицинское средство! Нет ни одной формы, ни одной из тысячи возможных применений, которые не обогатили бы нас, Кавор, и в такой степени, которая превосходит самые смелые мечты скряги!

— Верно! — подтвердил Кавор, — я начинаю прозревать. Удивительно, как приобретаешь новые точки зрения, беседуя с кем-нибудь о предмете!

— В особенности когда случится поговорить, как это случилось теперь вам, с человеком вполне подходящим.

— Полагаю, никто, — сказал Кавор, — не питает *отвращения* к огромному богатству. Одно только... — он остановился, как бы колеблясь высказаться. — Знаете, весьма возможно, что нам не удастся приготовить это вещество. Пожалуй, это одна из тех вещей, которые возможны в теории, но на практике оказываются абсурдом. Или, когда мы станем готовить его, встретится неожиданно какое-нибудь мелкое препятствие!..

— Ну, так что ж! Когда препятствие встретится, мы преодолеем его! — воскликнул я.

Глава II

Первая выделка каворита

Но опасения Кавора были неосновательны, поскольку они касались действительного изготовления вещества. В день 14 октября 1899 года это невероятное вещество было готово.

Курьезно, но оно было добыто в конце концов случайно, когда Кавор всего менее рассчитывал на это. Он сплавил вместе несколько металлов и еще что-то — подробностей я не знаю — и намеревался оставить эту смесь на неделю в покое, чтобы дать ей медленно остынуть. Если только он не ошибся в своих вычислениях, последняя стадия его комбинации должна была наступить, когда температура приготавливаемого вещества понизится до 60° Фаренгейта. Но случилось, что, без ведома Кавора, возник спор между его людьми относительно ухода за печью. Джибс, смотревший за ней до сих пор, вдруг вздумал свалить эту обязанность на своего сослуживца, бывшего садовника, ссылаясь именно на то, что каменный уголь водится в земле и, следовательно, не может входить в круг ведения столяра; экс-садовник, однако, возражал на это, что каменный уголь — металл или вроде руды и потому относится к поварской области. Но Спаргус настаивал на том, что это дело Джибса, ввиду того, что, как всем известно, уголь есть ископаемое дерево. Вследствие того Джибс перестал подваливать уголь в печь, и никто другой этого не делал, а Кавор был слишком погружен в разрешение некоторых интересных проблем, касающихся летательной каворитной машины (пренебрегая сопротивлением воздуха и некоторыми другими условиями), и потому не заметил, что в его лаборатории не совсем ладно. И преждевременное рождение его изобретения произошло как раз в тот момент, когда он шел через поле к своему бенгалу для нашей послеобеденной беседы и чаепития.

Я очень живо помню это происшествие. Вода для чая уже кипела, и все было приготовлено, когда, услышав звуки каворовского гуденья «зузу», я вышел на веранду. Его подвижная фигурка рисовалась темным пятном против заходившего осеннего солнца, а вправо из-за группы деревьев, великолепно окрашенной лучами заката, выглядывали белые трубы его дома. Вдали на горизонте тонули подернутые синеватой дымкой холмы Вильден; влево расстилалась обширная, окутываемая туманом равнина Ромни-Марш. И вдруг!..

Печные трубы взлетели к поднебесью, рассыпавшись целым дождем кирпичей, крыша, и разная мебель, и утварь последовали за ними. Затем все было охвачено огромным белым пламенем. Деревья вокруг трещали, раскалывались в щепы, летевшие к огню. Страшный громовой удар оглушил меня так сильно, что я на всю жизнь остался глух на одно ухо.

Я сделал несколько шагов от веранды по направлению к дому Кавора, как вдруг поднялся сильнейший вихрь.

Мгновенно фалды моего сюртука завернуло мне на голову, и я помчался вперед большими прыжками, совершенно против своей воли. В тот же самый момент изобретатель также был подхвачен ветром, закружился и покатился в завывающем вихре. Я увидел, как колпак от одной из моих печных труб ударился о землю в шести ярдах от меня и затем был унесен к центру разгрома. Кавор катился все далее и далее по земле, затем был приподнят и унесен с быстротой ветра, пока, наконец, не исчез между корчившимися от жара деревьями.

Масса дыма и пепла и полоса какой-то синеватой блестящей материи поднялись к зениту. Крупный кусок забора промелькнул мимо меня и воткнулся в землю. После этого вихрь постепенно улегся, продолжался лишь резкий ветер, и я испытывал немалую радость, видя себя целым и невредимым.

В этот миг весь мировой облик преобразился. Мягкий отблеск заката исчез, небо задернулось черными тучами, все было сметено бушевавшей бурей. Я оглянулся, чтобы посмотреть, стоит ли мой бенгало, затем поплелся к деревьям, среди которых пропал из виду Кавор; сквозь тонкие, обнаженные от листвы ветви их блестело пламя его горевшего дома. Я долго тщетно искал его; наконец, среди кучи поломанных ветвей и досок обвалившегося забора я увидел что-то, копошащееся на земле. Прежде чем я успел подойти ближе, какая-то темная фигура встала и протянула свои окровавленные руки. Платье на ней было изодрано, и лоскутья развевались по ветру.

В первую минуту я не узнал этой темной глыбы, потом разглядел, что это был Кавор, сплошь облепленный грязью, в которой он катался. Счищая грязь с лица, он сделал несколько шагов в мою сторону. Он имел невыразимо жалкий вид, и потому его замечание до крайности удивило меня.

— Поздравьте меня, — говорил он прерывающимся от волнения голосом, — поздравьте меня!

— Поздравить вас? О, Боже, с чем?

— Я сделал это.

— Вы *сделали*? Отчего произошел этот взрыв?

Порыв ветра унес его слова. Я понял только, что, по его заявлению, никакого взрыва и не было.

— Постараемся вернуться в мой бенгало! — крикнул я ему над самым ухом.

Он не расслышал и бормотал что-то о трех «мучениках науки». Вероятно, его мучила мысль, что три его помощника погибли в этом урагане. По счастью, он ошибался: как только он ушел ко мне, в бенгало, они, в свою очередь, отправились в ближайший шинок обсуждать вопрос о печах за приличной выпивкою.

Я повторил Кавору мое предложение вернуться в бенгало, и на этот раз он расслышал. Мы пошли под-руку искать приюта под остатками моей крыши. Оказалось, что все окна у меня были разбиты и более легкие предметы обстановки разбросаны в беспорядке, но непоправимого вреда не было причинено. По счастью, кухонная дверь устояла против действовавшего на нее давления, так что вся моя посуда и утварь уцелели. Керосиновая печка еще горела, и я поставил на нее воду для чая. Сделав все нужные приготовления, я вернулся к Кавору слушать его объяснения.

— Совершенно верно, — настаивал он, — совершенно верно. Я сделал это, и все идет превосходно.

— Но, — возразил я, — как все идет превосходно? Ведь, наверное, нет ни одного стога сена, ни одного забора, ни одной соломенной кровли, которые бы не сгорели или не были повреждены на двадцать миль кругом.

— Ей Богу же, все идет превосходно! Я конечно, не предвидел этого маленького разгрома. Мой ум был занят другой проблемой, и я способен не обращать внимания на эти побочные практические результаты. Но все идет превосходно!

— Но, дорогой сэр, — воскликнул я, — разве вы не видите, что вы причинили убытков на тысячи фунтов стерлингов?

— Конечно, я не практик; но не думаете ли вы, что они посмотрят на это как на циклон?

— Однако, взрыв?

— Это был не взрыв. Дело произошло очень просто. Только, как я сказал, я способен не досмотреть таких мелочей. Это тоже «гуденье» в широких размерах. По недосмотру, я приготовил это новое вещество, этот каворит, в виде тонкого и большого листа... — Он остановился на минуту. — Вам вполне ясно, что вещество это непрозрачно для тяготения, что оно преграждает взаимное притяжение между телами?..

— Да, — промолвил я, — да.

— Так вот, как только оно достигает температуры 60° Фаренгейта и процесс его выработки заканчивается, воздух, часть кровли и потолок, и пол над ним перестают иметь вес. Предполагаю, что вам известно, это теперь всякий знает, что воздух *имеет вес*, что он производит давление на всякий предмет, находящийся на поверхности земли, производит давление по всем направлениям с тяжестью, равной 14 ½ английским фунтам на квадратный дюйм?

— Знаю, — сказал я. — Продолжайте!

— И я тоже знаю, — заметил он. — Только это показывает нам, как бесполезно знание, если вы не применяете его на практике. Вы видите, над нашим каворитом это действие прекратилось; воздух тут перестал производить какое бы то ни было давление, воздух же, находящийся по сторонам каворита, продолжал производить давление, равное 14 ½ фунтам на каждый квадратный дюйм того воздуха, вдруг сделавшегося невесомым. Ага, вы начинаете соображать! Воздух, окружающий каворит, сдавливал воздух над ним с непреодолимой силой. Воздух над каворитом, насильственно вытесняемый, должен был подниматься, притекавший же ему на смену воздух с боков тотчас же терял вес, переставал производить давление, следовал за предыдущим кверху, пробил потолок, сбросил крышу... Вы понимаете, — продолжал он, — образовался своего рода атмосферный фонтан, какая-то печная труба в атмосфере. И если бы сам каворит не был подвижным, неприкрепленным, а воздух продолжал бы все время втягиваться в трубу, то как вы думаете, что произошло бы?

Я подумал.

— Полагаю, что воздух устремлялся бы все выше и выше над этим адским листом, уничтожающим притяжение вещества.

— Именно так, — подтвердил он, — исполинский фонтан...

— Бьющий в небесное пространство! Ведь через него улетучилась бы вся земная атмосфера! Он лишил бы мир воздуха. Последствием была бы смерть всего человеческого рода! И все это наделал бы кусок этого вещества.

— Не совсем так: атмосфера не рассеялась бы в небесном пространстве, — сказал Кавор, — но все равно было бы нехорошо. Воздух был бы прогнан с земли и улетел бы за тысячи миль, потом он вернулся бы обратно, но уже на задохшийся мир! С нашей точки зрения, это было бы немногим лучше, чем если бы он вовсе не вернулся.

Я был пока еще слишком ошеломлен, чтобы ясно осознавать, что все мои надежды разрушены.

— Что вы намерены делать теперь? — спросил я.

— Прежде всего хорошо бы достать садовую лопату; я бы немного очистил облепившую меня грязь, а потом, если позволите воспользоваться вашими домашними удобствами, мне бы хотелось взять ванну. После этой операции нам будет привольней побеседовать. Мне кажется, — продолжал он, положив свою грязную руку мне на плечо, — не следует ничего говорить об этом деле посторонним. Знаю, что я причинил много вреда — вероятно, даже и жилые дома пострадали кое-где тут в окрестностях. Но, с другой стороны, я не в состоянии заплатить за сделанный мною вред, и если действительная причина катастрофы будет оглашена, это поведет только к озлоблению и к остановке в моей работе. Человек не может предвидеть всего, а я ни на минуту не могу согласиться прибавить бремя практических соображений к моим теоретическим исследованиям. Впоследствии, когда вы примете участие в деле с вашим практическим умом, когда каворит пойдет в ход и осуществляться все наши предположения, мы в состоянии будем уладить дело с этими людьми. Но не теперь, не теперь. Если не будет предложено никакого иного объяснения, публика при современном неудовлетворительном состоянии метеорологии припишет все циклону; быть может, устроят еще публичную подписку, и так как мой дом сгорел, то я должен буду получить порядочную долю вознаграждения, которая очень пригодится для продолжения наших опытов. Но если узнают, что именно я виновник, то, конечно, не будет никакой подписки, и у меня уже никогда не явится шансов работать спокойно. Мои три помощника могли погибнуть или не погибнуть. Это — деталь. Если погибли — не велика потеря; они были более усердны, чем способны, и преждевременное событие должно быть в значительной мере приписано их совместной небрежности в уходе за печью. Если же не погибли, то едва ли они настолько сведущи, чтобы могли объяснить дело. Они поверят рассказам о циклоне. И если бы на время непригодности моего дома для занятий мне можно было поселиться в одной из несданных еще комнат этого бенгало...

Он приостановился и посмотрел на меня вопросительно.

«Человек с такими способностями, — подумал я, — был бы не совсем обыкновенным жильцом».

— Может быть, — сказал я, вставая, — нам лучше всего будет начать с приискания лопаты, — и я повел его к разбросанным обломкам оранжереи.

Пока он брал ванну, я обдумывал и разбирал весь вопрос. Ясно было, что общество мистера Кавора имеет свои неудобства, которых я не предвидел. Рассеянность, которая чуть было не обезлюдилась земной шар, может во всякую минуту привести к какой-нибудь новой беде. С другой стороны, я был молод, мои дела крайне запутаны, и я склонялся в пользу

смелого предприятия, с шансом хорошего исхода. Я твердо решил в своем уме, что мне должна достаться, по крайней мере, половина выгоды в случае благоприятного окончания дела. К счастью, я снял в наймы мой бенгало на три года, не будучи ответственным за поправки, а моя мебель была куплена на скорую руку, в долг, и вся застрахована. В конце концов я решил продолжать мои сношения с Кавором и посмотреть, чем все это кончится.

Конечно, положение дел теперь сильно изменилось. Я не сомневался более в удивительных свойствах его вещества, но у меня начало закрадываться сомнение насчет пушечного станка и патентованных сапог.

Мы дружно принялись за восстановление его лаборатории, чтобы скорей было можно приступить к нашим опытам. Кавор теперь больше, чем прежде, стал применяться к уровню моих знаний, когда явился вопрос, как должно впредь изготовляться это вещество.

— Разумеется, мы должны опять изготовить его, — заявил он веселым тоном. — Мы, может быть, потерпели неудачу, но теоретическая сторона осталась теперь уже за нами. Если можно будет избежать крушения всей нашей маленькой планеты, так мы избежим. Но тут *должен быть* риск. В экспериментальной работе всегда бывает риск. И в этом случае вы должны выступить на сцену, как практический человек. Что касается меня, то мне сдается, что вещество можно бы устроить в виде очень узкой полоски, с каймами по краям. Впрочем, я еще не знаю. У меня есть смутное представление о другом способе, которое я пока еще затрудняюсь объяснить. Но любопытно, что он пришел мне на ум, в тот самый момент, когда я катился по грязи, подталкиваемый ветром, как вещь, которую мне безусловно следовало бы сделать, когда бы я догадался пораньше.

Даже при моем содействии мы встретили кое-какие маленькие затруднения, продолжая тем временем работать над реставрацией лаборатории. Нужно было вдоволь потрудиться, пока настала наконец пора окончательно решить вопрос о точной форме и методе нашей второй попытки. Единственной задержкой теперь была стачка трех рабочих, которые протестовали против моей деятельности в качестве старшего над ними. Но дело это нам удалось уладить после двухдневного перерыва в работе.

Глава III

Сооружение шара

Помню отчетливо тот случай, когда Кавор сообщил мне свою идею о шаре. Мысль эта мимолетно появлялась у него и ранее, но в это время она, казалось, вдруг осенила его в совершенно определенной форме. Мы возвращались в бенгало пить чай, и на пути он что-то бормотал про себя. Вдруг он воскликнул:

— Это так! Кончено дело!

— Что кончено? — спросил я.

— Пространство какое бы то ни было! Луна!

— Что вы хотите сказать?

— Что хочу сказать? Да то, что это должен быть шар! Вот что я хочу сказать!

Я увидел, что теперь от него не добиться толку, и дал ему волю болтать. Я не имел тогда ни малейшего представления о его плане. Но, напившись чаю, он начал объяснять мне, в чем дело.

— В прошлый раз, — сказал он, — я вылил это вещество, преграждающее притяжение, в плоский резервуар, с крышкой, которая придерживала его. Едва только оно охладилось и процесс выделения закончился, как произошел весь этот разгром; ничто над ним не имело весу: воздух устремился кверху, дом тоже взлетел, и если бы самое вещество не взлетело также, то Бог знает, что бы вышло! Но предположите, что вещество это ничем не прикреплено и может совершенно свободно подниматься.

— Оно тотчас летело бы.

— Верно. И это произвело бы не больше смятения, чем какой-нибудь выстрел из пушки.

— Но какая была бы от этого польза?

— И я бы полетел вместе с ним!

Я отодвинул стакан с чаем и с изумлением смотрел на моего собеседника.

— Вообразите шар, — пояснял он, — довольно большой, чтобы вместить двух пассажиров с их багажом. Он будет сделан из стали и выложен толстым стеклом; в нем будут содержаться достаточные запасы твердого воздуха, концентрированной пищи, воды, опреснительный

аппарат и т. д., а на наружной стальной оболочке он будет покрыт глазурью из...

— Каворита?

— Да.

— Но как же вы войдете внутрь этого шара?

— Это очень легко. Герметически закрывающаяся горловина, как у парового котла — вот и все, что нужно. Тут это будет, конечно, несколько сложнее; придется устроить клапан, для того чтоб можно было, в случае надобности, выбрасывать вещи без лишней потери воздуха.

— Подобно тому, как это описано у Жюль Верна в его «Путешествии на луну»?

Но Кавор не читал произведений, основанных на фантазии.

— Начинаю понимать, — сказал я. — И вы могли бы влезть туда и подвинтиться, пока еще каворит горячий; когда же он остынет, он сделается непроницаем для притяжения, и вы полетели бы.

— По касательной.

— Вы полетели бы по прямой линии... — Я вдруг остановился. — Однако, что же помешало бы этому полету по прямой линии в пространстве продолжаться вечно? — спросил я. — Вы не можете быть уверены, что попадете куда-нибудь, а если и попадете, то как вы вернетесь обратно?

— Я только что думал об этом, — сказал Кавор, — Это-то я и подразумевал, когда воскликнул, что кончено дело. Внутреннюю стеклянную оболочку шара можно устроить непроницаемою для воздуха и, за исключением горловины, сплошною, стальную же оболочку составною, сложенную из отдельных кусочков или секций, причем каждая секция может передвигаться. Ими не трудно будет распоряжаться при помощи пружин и закреплять их или ослаблять посредством электричества, проводимого платиновыми проволоками, пронизывающими стекло. Все это вопрос деталей. Вы видите, что внешняя каворитная оболочка шара будет состоять из окон или заслонов, — называйте их, как хотите. Вот когда все эти окна будут закрыты, то никакой свет, никакая теплота, никакое притяжение или лучистая энергия не в состоянии будут проникать внутрь шара, и он полетит чрез пространство по прямой линии, как вы говорите. Но откройте окошко, вообразите, что одно из окошек открыто! Тогда всякое тяжелое тело, которое случайно встретится на нашем пути, притянет нас.

Я сидел, стараясь вникнуть в смысл его речи.

— Вы понимаете? — спросил он.

— О, да, *понимаю*.

— Так что мы можем лавировать в пространстве по желанию, поддаваясь притяжению то одного, то другого тела.

— О, да. *Это* довольно ясно. Только...

— Что?

— Только я не совсем понимаю, зачем мы будем делать это? Ведь это будет только прыганье с земли и обратно на землю.

— Не совсем. Можно, например, слетать на луну.

— Но если мы и попадем туда, что мы там найдем?

— Тогда увидим!.. Примите в соображение новейшие исследования.

— Есть ли еще там воздух?

— Может быть, и есть.

— Это великолепная идея, — сказал я, — но меня все-таки поражает грандиозность замысла. Луна! Я предпочел бы не шагать сразу так далеко.

— Об этом не может быть и речи, тут воздух был бы помехой.

— Почему бы не применить эту мысль о пружинных заслонах — каворитных заслонах в крепких стальных ящиках к подниманию тяжестей?

— Этого нельзя сделать, — упорствовал Кавор. — И что ни говорите, отправиться в небесное пространство менее опасно, если даже и опасно, нежели в полярную экспедицию; а ведь ездят же люди на разыскание полюса.

— Не деловые люди. И, кроме того, им платят за полярные экспедиции. Вдобавок, если что случится неладно, там все-таки есть способ извернуться. А тут мы взлетим в небесное пространство, и вся недолга.

— Назовите это изысканием.

— Может быть, можно было бы написать книгу в таком роде, — заметил я.

— Я не сомневаюсь, что там есть минералы, — заметил Кавор.

— Например?

— Сера, различные руды, золото, может быть, даже новые элементы...

— Да, но стоимость перевозки... — сказал я. — Знаете, вы не практический человек. Ведь до луны четверть миллиона миль.

— Мне кажется, не дорого бы стоило перевезти любую тяжесть куда угодно, если запаковать ее в каворитный ящик.

Я не подумал об этом.

— Со сдачей франко на голову покупателя, не так ли?

— Мы можем не ограничиться одной луной, — продолжал развивать свою идею Кавор.

— Что вы хотите сказать? — спросил я.

— Есть еще Марс, прозрачная атмосфера, новая обстановка, веселящее чувство легкости. Приятно было бы побывать там.

— А воздух есть на Марсе?

— О, да!

— Вы, кажется, желали бы отправиться туда как в санаторию? А кстати, как далеко до Марса?

— Двести миллионов миль в настоящее время, — отвечал Кавор веселым тоном, — и вы промчитесь неподалеку от солнца.

У меня опять разыгралась фантазия.

— Во всяком случае, — сказал я, — это очень интересно. Подобное путешествие...

Я вдруг увидал, как в сновидении, всю солнечную систему пронизанной каворитными пароходами, аэростатами de luxe. Права патента первенства в изобретении мелькнули в моем уме — планетные привилегии. Я вспомнил старую испанскую монополию на американское золото. И не то, чтобы в той или другой планете, но во всех планетах сразу. Я пристально смотрел на красное лицо Кавора, и воображение у меня все более и более разгоралось. Я быстро шагнул по комнате взад и вперед; язык мой совсем развязался.

— Я начинаю вникать, — сказал я, — начинаю постигать! — Переход от сомнения к энтузиазму совершился у меня как-то необычайно быстро. — Но это ужасно! — восклицал я. — Это грандиозно! Мне и во сне не снилось ничего подобного.

Раз мое охлаждающее противодействие было устранено, его собственное дотолер сдерживаемое возбуждение вспыхнуло во всей силе. Кавор тоже забегал по комнате, жестикулируя и восклицая. Мы вели себя как люди, осененные вдохновением. Мы и в самом деле были вдохновлены.

— Мы уладим все это! — сказал он в ответ на указанное мною какое-то побочное затруднение. — Мы живо уладим все это. Сегодня же вечером мы примемся за чертежи для литейных форм.

— Отлично, — отозвался я, и мы поспешили в лабораторию, чтобы тотчас же приступить к этой работе.

Я был как ребенок, очутившийся в сказочном мире, во всю эту ночь. Утренняя заря застала нас обоих еще за работой, при электрическом свете. Я припоминаю теперь, как выглядели эти чертежи — я затушевывал и раскрашивал их, в то время как Кавор чертил; они были перемараны, исполнены все торопливо, но составлены с замечательной точностью. Мы послали заказы на стальные заслоны и рамы, понадобившиеся в результате этой ночной работы, а план стеклянного шара был изготовлен в неделю.

Мы прекратили наши послеобеденные беседы и вообще изменили всю старую рутину. Мы усердно работали, а спали и ели только тогда, когда уже не в состоянии были дольше работать от голода или усталости. Наш энтузиазм заразил и наших троих рабочих, хотя они не знали, для какой цели предназначался шар. В эти дни Джибс отказался от прогулок и ходил всюду, даже через комнату, торопливой походкой.

А он постепенно все рос, этот шар. Декабрь прошел, январь. Я потратил целый день на расчистку снега и прокладку дорожки от бенгало к лаборатории. Февраль, март. В конце марта и конец работы был уже в виду. В январе привезли на нескольких лошадях огромный ящик: это был наш шар из массивного стекла; его положили у крана, устроенного для подъема шара и помещения его в стальную оболочку. Все принадлежности этой оболочки — она была собственно не сферическая, а многогранная, с валиком на каждой грани — прибыли в феврале, и нижняя половина ее была уже скреплена болтами.

Каворит оказался наполовину изготовлен в марте месяце, металлическое тесто прошло уже две стадии своей фабрикации, и ровно половину его мы наложили, в виде пластыря, на стальные бруски и заслоны. Когда скрепление шара было окончено, Кавор предложил снять грубую крышу с временной лаборатории, где производилась работа, и построить печь подле лаборатории. Таким образом последней стадии изготовления каворита, в которой тесто нагревается до красного каления в струе гелия, предстояло совершиться тогда, когда сплав уже будет находиться на шаре.

А затем нам следовало обсудить и решить, какую провизию взять с собой: прессованную пищу, концентрированные эссенции, стальные цилиндры, содержащие запасной кислород, аппараты для удаления углекислоты и пыли из воздуха и для восстановления кислорода посредством перекиси соды, холодильники, и т. д. Припоминаю, какую грудку они образовали в углу комнаты, все эти жестянки, свертки, коробки.

То было горячее время, и некогда было предаваться раздумью. Но в один прекрасный день, когда дело уже подходило к концу, мне что-то взгрустнулось. Проработав все утро над кладкой кирпича в возводимой нами печи, я присел отдохнуть, утомившись до полусмерти. Все мне представилось сумасбродным и невероятным.

— Подумайте-ка, Кавор, — сказал я. — здраво рассуждая, к чему все это?

Он улыбнулся.

— Теперь время готовиться в путь.

— На луну, — размышлял я вслух. — Но чего вы там ждете? Я полагаю, что луна — мертвый мир.

Он пожал плечами.

— Чего вы от нее ожидаете?

— Там увидим.

— *Увидим ли?* — спросил я и устремил взор в пространство.

— Вы утомлены, — заметил он. — Вам бы лучше прогуляться сегодня после обеда.

— Нет, — сказал я упрямо. — Я кончу эту кладку кирпича.

И действительно, я кончил, и обеспечил себе бессонную ночь.

Никогда еще, помнится, у меня не бывало такой скверной ночи. Было, правда, несколько худых ночей перед моим крахом, но даже самая худшая из них была сладкой дремотой в сравнении с этой бесконечной тревожной бессонницей. Мною вдруг овладел сильный страх при мысли о нашей затеи.

До этой ночи я, кажется, ни разу и не думал о рисках, которым мы подвергаемся. Теперь они предстали, как полчище привидений, осаждавших некогда Прагу, и выстроились все передо мной. Странность нашего предприятия, его надземный характер ошеломили меня. Я был подобен человеку, пробудившемуся от сладких грез к мрачной действительности. Я лежал с широко раскрытыми глазами, и каждую минуту шар представлялся моему воображению все более и более хрупким и слабым, а Кавор — все более и более нереальным, фантастическим существом, и предприятие — все более и более безумным.

Я встал с кровати и начал ходить по комнате; затем сел у окна и вперил взоры в бесконечное пространство. Между звездами пустота, непроницаемый мрак. Я старался припомнить отрывочные сведения из астрономии, которые я приобрел в своем не систематическом чтении, но все это было слишком смутно, чтобы дать какое-нибудь понятие о вещах, которые мы могли ожидать. Наконец, я опять лег в постель и поймал несколько минут сна, вернее кошмара, в котором мне грезилось, будто я падаю, падаю все ниже, лечу все глубже и глубже, лечу вечно в небесную пропасть.

Я немало удивил Кавора, объяснив ему за завтраком, что не намерен отправляться с ним в шар.

На все его убеждения я упорно отвечал:

— Затея чересчур безрассудная, и я не желаю в ней участвовать. Затея слишком безумна.

Я не пошел с ним в лабораторию и, побродив немного вокруг моего

бенгало, взял шляпу и палку и пошел куда глаза глядят. Утро было великолепное; теплый ветер и темносинее небо, первая зелень весны и пение сонма птиц. Я позавтракал бифштексом и пивом в харчевне близ Фульгама и привел в восторг хозяина харчевни замечанием по поводу погоды:

— Человек, покидающий здешний мир при наступлении таких чудных дней, поступает до крайности глупо!

— Вот это самое и я говорю, как услышал про это, — сказал хозяин.

Я понял, что для одной бедной души, по крайней мере, наш мир оказался слишком тесен, и последовало самоубийство. Я пошел далее с новой нитью для своих размышлений.

В послеобеденное время я приятно соснул на солнечном припеке, затем, освеженный, продолжал свой путь дальше.

Не доходя Кентербэри, я зашел в комфортабельно выглядевший трактир. Хозяйка была приличная, чистенькая старушка. У меня было еще достаточно денег, чтобы заплатить за номер, и я решил переночевать здесь. Хозяйка была разговорчивая особа, и между многими прочими сведениями и подробностями я узнал, что она никогда не бывала в Лондоне.

— Дальше Кентербэри нигде не бывала, — повторяла она. — Грех сказать, чтобы я была непоседа.

— А не хотели ли бы вы совершить вояж на луну? — спросил я.

— Нет, ни за что бы я не села в воздушный шар, ни за что на свете, — быстро возразила она, полагая, очевидно, что это была довольно обыкновенная прогулка.

После ужина я сел на скамейку у двери гостиницы, болтая с двумя рабочими о выделке кирпичей, об автомобилях, о прошлогоднем крикете. А на небе красовался бледный новый месяц, голубоватый, без всяких резких очертаний, словно далекая горная вершина, и медленно плыл к западу над скрывшимся недавно солнцем.

На следующий день я вернулся к Кавору.

— Вот и я, — сказал я, — я был немного не в духе. Вот и все.

Это был единственный раз, когда я почувствовал мало-мальски серьезное сомнение насчет нашего предприятия. Просто нервы разыгрались. После этого я работал немного сдержаннее и совершал каждый день часовую прогулку.

Наконец, кроме отложенного на время накаливания сплава в печи, все наши хлопоты были покончены.

Глава IV

Внутри шара

— Влезайте! — сказал Кавор, когда я сидел на краю горловины и смотрел в темную внутренность шара.

Мы были одни. Дело шло к вечеру, солнце только что закатилось, и на всем был разлит тихий полусвет сумерек.

Я всунул и другую ногу в отверстие и соскользнул по гладкому стеклу на дно шара; затем приподнялся, чтобы принять от Кавора жестянки с пищей и другие снаряды. Внутри было жарко — термометр стоял на отметке 80° Фаренгейта, — и так как нужно было уменьшить по возможности потерю теплоты лучеиспусканием, то мы были одеты в туфли и костюм из тонкой фланели. Впрочем, у нас был с собой узел толстой шерстяной одежды и шерстяных одеял на случай холода. Под руководством Кавора я расставлял этот багаж, цилиндры с кислородом и прочее вокруг моих ног, и вскоре все нужное в дорогу было уложено. Он обошел еще раз нашу непокрытую лабораторию, чтобы посмотреть, не забыли ли чего-нибудь, затем влез вслед за мной. Я заметил, что он держит что-то в руке.

— Что это у вас? — спросил я.

— Взяли ли вы что-нибудь для чтения?

— Ах, Боже мой, *ничего* не взял!

— Я забыл сказать вам. Наше путешествие может продлиться... мы, может быть, будем странствовать не одну неделю.

— Но...

— Мы будем летать в этом шаре совершенно без всякого занятия.

— Как жаль, что я не знал!

Он высунулся из отверстия.

— Посмотрите, — сказал он, — тут есть кое-что!

— Есть еще время?

— Мы имеем еще час в своем распоряжении.

Я взглянул. Это был старый нумер газеты «Tit-Bits», вероятно, принесенный кем-нибудь из наших людей. Далее, в углу, я увидел разорванные листы «Lloyd's News», и, забрав их, спустился обратно в шар.

— Что вы достали? — спросил я.

Я взял книгу из его рук и прочел: «Собрание произведений Вильяма Шекспира».

Он слегка покраснел.

— Мое воспитание было чисто научное, — сказал он, как бы извиняясь.

— И вы никогда не читали его?

— Никогда.

— Это такая вещь, которую должно знать наизусть, хотя, признаюсь, я и сам мало читал Шекспира, и, сомневаюсь, чтобы много нашлось охотников читать его.

Я помог Кавору завинтить стеклянную крышку горловины, затем он нажал пуговку, чтобы закрыть соответствующий заслон в наружной оболочке. Полоса полусвета, проникавшая в отверстие, исчезла, и мы остались во мраке.

Некоторое время мы хранили молчание. Хотя наш шар не был непроницаем для звука, все было совершенно тихо. Я заметил, что нет ничего, за что бы можно было ухватиться, когда произойдет толчек при нашем старте, и сообразил, что должен буду испытывать большое неудобство по отсутствию какого бы то ни было сиденья.

— Отчего у нас нет стульев? — спросил я.

— Я уладил все это, — сказал Кавор. — Стулья нам не понадобятся.

— Почему же?

— Увидите, — отвечал он тоном человека, не желающего продолжать разговор.

Я замолчал. Мне вдруг ясно и живо представилось, что я поступил крайне глупо, согласившись сесть в этот шар. «Не лучше ли, — задавал я себе вопрос, — убраться отсюда по добру по здорову, пока еще не поздно?» Я знал, что мир вне этого шара будет довольно холоден и негостеприимен для меня — уже несколько недель я жил исключительно на субсидии от Кавора, — но все же мир этот будет не так холоден, как абсолютный нуль, и не так негостеприимен, как пустое пространство. Когда бы не боязнь показаться трусом, думаю, что даже и в эту минуту я еще мог бы добиться того, чтобы он выпустил меня. Но я все колебался на этот счет, обуявшая меня щепетильность все более и более усиливалась, а время уходило.

Последовал легкий толчок, послышался шум, похожий на то, как будто откупорили бутылку шампанского в соседней комнате, и слабый свистящий звук. На мгновение я почувствовал огромное напряжение; мне показалось, что ноги у меня точно налиты свинцом. Но это ощущение продолжалось бесконечно малое время.

Однако, оно вывело меня из оцепенения.

— Кавор, — проговорил я во мраке, — мои нервы не выдерживают

долее. Я не думаю, чтобы...

Я остановился. Он ничего не отвечал.

— Будь проклята вся эта затея! — вскричал я. — Я безумец! Что мне здесь делать? Я не иду, Кавор; предприятие это слишком рискованное; я ухожу!

— Вы не можете это сделать, — сказал он.

— Не могу? А вот увидим!

Он ничего не отвечал несколько секунд.

— Теперь слишком поздно нам препираться, Бедфорд, — сказал он после этой паузы, — легкий толчок — это был старт. Мы уже летим, летим так же плавно, как бомба, пущенная в бесконечное пространство.

Некоторое время я был ошеломлен случившимся. Мне нечего было сказать, как будто я никогда ранее не слышал об этой идее покинуть наш мир. Затем я заметил неизъяснимую перемену в своих физических ощущениях. Это было необычайное чувство легкости, нереальности. К нему присоединилось какое-то странное ощущение в голове, почти апоплексического характера, и сильный шум в ушах. Ни одно из этих ощущений не ослабевало с течением времени, но, наконец, я так привык к ним, что не испытывал ни малейшего неудобства.

Я услышал, как что-то щелкнуло, и электрическая лампочка засветилась.

Я взглянул на лицо Кавора, оно было белое, такое же, как чувствовалось мне, и мое собственное. Мы молча смотрели друг на друга. От действия прозрачной темной поверхности стекла позади Кавора, в которой отражалась, как в зеркале, его фигура, он казался как бы летящим в пустоте.

— Итак, мы взаперти! — сказал я наконец.

— Да, — подтвердил он, — мы взаперти! Не шевелитесь! — воскликнул он, заметив какой-то жест с моей стороны. — Оставьте ваши мускулы в совершенном покое, в бездействии, как если бы вы лежали в постели. Мы находимся в своем собственном целом мире. Поглядите на эти вещи!

Он показал на ящики и узлы, лежавшие поверх одеял на дне шара. Я с удивлением увидел, что они теперь плыли, приподнятые почти на фут от сферической стены. Затем я увидал по тени Кавора, что он не опирается более о поверхность стекла. Протянув руку назад, я убедился, что и мое тело тоже висит в пространстве, отделенное от стекла.

Я не кричал, не жестикулировал, но на меня напал страх. Казалось, будто какая-то неведомая сила держит и увлекает нас кверху. Простое

прикосновение руки к стеклу быстро приводило меня в движение. Я понимал, что происходит, но это не успокоило меня. Мы были отрезаны от всякого внешнего притяжения, действовало только притяжение предметов, находившихся внутри нашего шара. Вследствие этого всякая вещь, не прикрепленная к стеклу, падала медленно, по причине незначительности наших масс, к центру нашего шара.

— Мы должны кружиться, — сказал Кавор, — и носиться по воздуху, бок о бок с вертящимися между нами вещами.

Это было до крайности странное ощущение, витать таким образом свободно в пространстве, сначала, правда, ужасно жуткое ощущение, но когда страх прошел, не лишенное вовсе приятности, очень покойное; действительно, всего ближе в земном кругу подходит к этому ощущению лежание на мягком пуховике. Но тут совершенная отчужденность от мира и независимость! Я не рассчитывал на что-либо подобное. Я ожидал сильного толчка вначале и головокружительной быстроты полета. Вместо этого я почувствовал себя как бы бесплотным. Это не было похоже на начало путешествия, скорее на начало сновидения.

Глава V

Путешествие на Луну

Кавор тотчас погасил свет, сказав, что у нас не слишком большой запас электрической энергии и что нам надо беречь его для чтения. В продолжение некоторого времени, долгого или короткого — не знаю, господствовал полумрак.

Один вопрос выплыл из пустоты.

— Куда мы летим? В каком направлении? — спросил я.

— Мы летим от земли по касательной, и так как луна теперь близка к своей третьей четверти, то мы направимся к ней. Я открою окно.

Щелкнула пружина, и одно из окон в наружной оболочке шара открылось. Небо было черное, как мгла внутри шара, но фигура открытого окна обозначилась бесчисленным множеством звезд.

Кто видел звездное небо только с земли, не может вообразить себе, какой вид оно имеет, когда полу-прозрачная вуаль нашего воздуха отдернута. Звезды, которые мы видим на земле, это не более как рассыпанные по небу призраки, проникающие в нашу туманную атмосферу. Много чудного пришлось нам увидеть, но ничто так не поразило меня, как это безвоздушное, усеянное мириадами звезд небо.

Маленькое оконце захлопнулось с треском, другое, соседнее, открылось и через мгновение захлопнулось также, затем третье, и на минуту я должен был зажмурить глаза от ослепительного блеска луны.

Некоторое время я должен был пристально смотреть на Кавора и на окружающие меня предметы, чтобы снова приучить мои глаза к свету, прежде чем мог повернуть их к этому сверкающему блеску.

Четыре оконца были открыты для того, чтобы притяжение луны могло действовать на все предметы в нашем шаре. Теперь оказалось, что уже я не витаю свободно в пространстве, но что мои ноги покоятся на стекле, в стороне шара, обращенной к луне. Одежда и ящики с провизией также сползли медленно к стеклянной стенке и расположились там, заслонив часть небесного пейзажа. Мне казалось, что я смотрю «вниз», когда я глядел на луну. На земле «вниз» значит к земной поверхности, по направлению падения тел, а «вверх» — в обратном направлении. Теперь же сила притяжения влекла нас к луне, а наша земля была у нас над головой. Само собой разумеется, когда же все каворитные окошки были закрыты,

«вниз» означало к центру нашего шара, а «вверх» — к его наружной стенке.

Точно также, в противоположность земному опыту, мы получали свет, идущий снизу вверх. На земле свет падает сверху или косвенно с боков; здесь же он врывался из под наших ног, и чтобы увидеть наши тени, мы должны были глядеть вверх.

На первых порах я испытывал нечто вроде головокружения, стоя на одном только толстом стекле и глядя вниз на луну через сотни тысяч миль пустого пространства; но это болезненное ощущение вскоре рассеялось. А затем, какой блеск и великолепие вида!

Читатель всего лучше может вообразить это, если он теплой летней ночью ляжет на землю и, подняв ноги кверху, будет смотреть меж ними на луну; только по какой-то причине, вероятно, потому, что отсутствие воздуха делало ее гораздо более блестящей, луна казалась нам уже значительно крупнее, сравнительно с тем, как она представляется с земли. Малейшие детали ее поверхности были отчетливо видны. С тех пор, как мы стали видеть ее не через воздух, контуры ее представлялись резко очерченными, не было никакого сияния или кольца вокруг нее; лишь звездная пыль, покрывавшая небо, обрамляла ее края и обозначала очертания ее неосвещенной части.

И когда я стоял таким образом и глядел на луну между ног, то предчувствие невозможного, часто являвшееся у меня со времени нашего старта, опять вернулось с удесятеренною силою.

— Кавор, — сказал я, — а эти компании, которые мы собирались устроить, и все остальное насчет минералов...

— Что такое?

— Я не вижу их здесь.

— Ну, так что ж, — отвечал Кавор, — вы утешитесь в этом.

— Однако...

В эту минуту я был почти уверен, что тут никогда не было никакого мира.

— Этот экземпляр «Lloyd's News» может помочь вам.

Я взял газету, поднял ее над головой и нашел, что в этом положении можно читать совершенно удобно. Мне бросился в глаза столбец мелких объявлений. «Один джентльмэн дает деньги взаймы», прочел я. Я знал этого джентльмена. Далее, какой-то чудака предлагал велосипед, «новехонький и стоящий 15 фунтов», за пять фунтов стерлингов; затем какая-то дама, очутившаяся в бедственном положении, желала продать несколько рыбных ножей и вилок, свой «свадебный подарок». Без

сомнения, кто-нибудь тщательно рассматривал эти ножи и вилки, кто-нибудь другой пробовал этот велосипед, а третий доверчиво вступил в переговоры с благодетелем, ссужающим деньги, в ту самую минуту, когда я пробежал глазами эти объявления.

Я рассмеялся и выпустил газету из рук.

— Видимы ли мы с земли? — спросил я.

— А что?

— Я знал одного господина, очень интересующегося астрономией, и мне пришло на ум, что, быть может, он как раз теперь смотрит на нас в телескоп.

— Нужен бы был самый сильный телескоп, какой только имеется на земле, чтобы увидеть нас теперь, даже как самое ничтожное пятнышко.

Некоторое время я молча созерцал луну.

— Это целый мир, — сказал я, — здесь это чувствуешь гораздо сильнее, чем на земле. Жители, пожалуй...

— Жители! — воскликнул Кавор. — Нет, выкиньте это из головы. Вообразите себя ультра-арктическим путешественником, исследующим пустынные безжизненные пространства. Взгляните сюда! — Он показал рукой на бледное сияние луны. — Это мертвый мир! Мертвый!

Огромные потухшие вулканы, необозримые пространства застывшей лавы, равнины, покрытые снегом, замерзшей углекислотой или обледенелым воздухом; всюду обвалы, ущелья и пропасти. Никакой жизни, никакого движения! Люди наблюдали эту планету систематически в телескопы около двухсот лет, и много ли перемен они заметили, как вы думаете?

— Никаких.

— Они отметили два бесспорных обвала, одну сомнительную трещину и незначительное периодическое изменение окраски, вот и все.

— Я не знал, что они отметили даже это.

— О, да! Но что касается жителей...

— Кстати, — спросил я, — какой наименьший предмет покажут самые сильные телескопы на луне?

— Можно было бы увидеть церковь порядочных размеров. Наверно увидели бы города, или строения, или что-нибудь подобное человеческим сооружениям. Пожалуй, там есть какие-нибудь насекомые, вроде муравьев, например, которые могут скрываться в глубокие норы от лунной ночи, или какие-нибудь новые неведомые существа, не имеющие себе подобных на земле. Это самое вероятное, если мы вообще встретим там какую-либо жизнь. Подумайте только о различии условий. Жизнь там должна

приспособляться ко дню, в четырнадцать раз более продолжительному, чем наши дни: непрерывный двухнедельный солнечный блеск и зной при безоблачном небе, и затем ночь, такой же продолжительности, становящаяся все холоднее и холоднее под этими студеными, резко очерченными звездами. В эту длинную ночь там должен царить страшный холод, доходящий до абсолютного нуля, до 273° Цельсия ниже земной точки замерзания. Какая бы жизнь там не была, ей надо перезимовать эту морозную ночь, и ежедневно снова пробуждаться.

Он задумался.

— Можно, пожалуй, вообразить себе червеподобные существа, питающиеся твердым воздухом, точно так же как дождевой червяк питается землей или какие-нибудь толстокожие чудовища...

— Кстати, — сказал я, — отчего мы не захватили с собой пушки?

Кавор ничего не сказал на этот вопрос.

— Нет, — сказал он, наконец, — нам надо продолжать наш путь. Увидим, когда доберемся до места.

У меня же все было свое на уме.

— Конечно, — вспомнил я, — где-нибудь да найдутся мои минералы, какие бы ни были там условия.

Затем Кавор сказал мне, что желает несколько переменить наш курс, отдавшись на минуту действию земного притяжения; для этого он намерен был открыть на тридцать секунд одно из обращенных к земле окошек. Он предупредил, что от этого у меня закружится голова, и советовал мне протянуть руки к стеклу, чтобы ослабить падение. Я последовал его указанию и уперся ногами в ящики с провизией и цилиндры с воздухом, желая предупредить их падение на меня. Затем ручка щелкнула и окошко раскрылось. Я неуклюже упал на руки и лицо и на мгновение увидел между моими темными, растопыренными пальцами нашу родную землю, в виде планеты на нижней части небесного свода.

Мы были еще очень недалеко от земли, по словам Кавора, всего, пожалуй, в каких-нибудь восьмистах милях, и огромный земной диск застилал все небо. Но уже отсюда ясно было видно, что наша планета имеет шарообразную форму. Материк под нами рисовался смутными очертаниями в вечернем полумраке, а к западу широкая серая полоса Атлантического океана блестела, как расплавленное серебро, озаряемая заходящим солнцем. Я различил, как мне казалось, тусклые, подернутые дымкой береговые линии Испании, Франции и южной Англии... В эту минуту ставень закрылся, и я очутился в странном положении, медленно скользя по гладкой поверхности стекла.

Когда, наконец, все в моем уме пришло в порядок, опять оказалось вне всякого сомнения, что луна находится «внизу», у меня под ногами, а земля где-то далеко, на краю горизонта, та самая земля, которая всегда была «внизу» и для меня и для всех людей с самого сотворения мира.

Так слабы были требовавшиеся от нас усилия, так легко все нам давалось, благодаря уничтожению веса, что мы не чувствовали ни малейшей потребности в подкреплении сил за все время, протекшее с момента нашего отправления в путь (около течение шести часов по хронометру Кавора). Кавор осмотрел аппарат для поглощения углекислоты и воды и нашел его в удовлетворительном состоянии, благодаря, конечно, тому, что наше потребление кислорода было чрезвычайно мало; так как тема для разговора пока истощилась и нам нечего было более делать, то нами овладела дремота; разостлав наши одеяла на дне шара таким образом, чтобы укрыться как можно надежней от лунного света, мы пожелали друг другу «покойной ночи» и почти мгновенно заснули.

Таким образом мы то почивали, то разговаривали или читали что-нибудь, по временам закусывали, хотя без особенно большого аппетита (любопытно, что во все время пребывания в шаре мы не чувствовали ни малейшей потребности в пище; сначала мы принуждали себя есть, но потом постились, так что не извели и двадцатой части взятой с собою провизии; количество выдыхаемой углекислоты также было ничтожно; но почему — не сумею объяснить); по большей же части мы пребывали в состоянии покоя, которое не было ни сном, ни бодрствованием, и падали, падали все время, не имевшее в себе ни дня, ни ночи, бесшумно, плавно и быстро, по направлению к луне.

Глава VI

Высадка на Луну

Помню, как в один прекрасный день Кавор вдруг открыл разом шесть окошек и так ослепил меня светом, что я вскрикнул от боли в глазах и выругался.

Все видимое пространство занимала луна, — исполинская шашка с блестящим лезвием, иззубренным темными выемками: постепенно вырисовывающийся из мрака берег, где там и сям выглядывали на яркий солнечный свет остроконечные вершины гор. Предполагаю, что читатель видал рисунки или фотографии луны, так что мне нет надобности описывать очертания лунного ландшафта: эти колоссальные кольцообразные лунные цепи, более обширные, чем наши земные горы, вершины, ярко освещенные днем и отбрасывающие резко очерченные тени; эти серые, беспорядочные равнины, кряжи, холмы, кратеры — все детали лунной поверхности, то залитые ослепительным светом, то погруженные в таинственный сумрак. Мы витали близ этого мира, всего в какой-нибудь сотне миль над его хребтами и остроконечными вершинами. Теперь мы могли наблюдать то, чего ни один глаз на земле никогда не увидит. Среди белого дня резкие очертания лунных скал и оврагов, лощин и дна кратеров заволакивались туманом; белизна их освещенных поверхностей разрывалась на полосы и лоскутья, суживалась и исчезала; лишь там и сям появлялись и расширялись пятна бурого и оливкового цвета.

Недолго, однако, пришлось нам наблюдать эти явления, так как теперь наступал опасный момент нашего путешествия: нам приходилось спускаться все ближе и ближе к луне, около которой мы кружились; замедлять наше движение и высматривать место, где бы поудобнее можно было, наконец, опуститься на ее поверхность.

Для Кавора это было время напряженного внимания и усиленной работы, для меня же время тревожного бездействия. Он прыгал вокруг шара от одной точки к другой с проворством, какое было немыслимо на земле. Он то и дело отпирал и запирал каворитные форточки, делая при этом вычисления и посматривая на свой хронометр при свете электрической лампочки. Долгое время наши окна оставались закрытыми, и мы безмолвно висели во мраке, кружась в бесконечном пространстве.

Затем Кавор стал ощупью искать пуговики от ставен, и вдруг открылись

разом четыре окна. Я зашатался и прикрыл глаза, опаленные и ослепленные непривычным сиянием солнца, блиставшего у меня под ногами. Затем ставни снова захлопнулись, и у меня закружилась голова среди внезапно наступившего мрака.

По прошествии некоторого времени Кавор осветил наше жилище электричеством и сказал, что надо связать весь наш багаж вместе и завернуть его в одеяла, чтобы избежать сотрясения при спуске нашего шара. Мы делали это при закрытых окнах, потому что при этом условии наши вещи естественно расположились в центре шара. Это была курьезная работа: вообразите, если можете, двух человек, свободно плававших в этом сферическом пространстве, упаковывая и увязывая свои пожитки. Всякое усилие обращалось в неожиданные движения. То меня прижимало к стеклянной стенке вследствие толчка от налетевшего на меня со всей силы Кавора, то я беспомощно барахтался в пустоте; звезда электрического света была у нас то над головой, то под ногами; то ноги Кавора чуть не задевали меня по лицу, то мы сталкивались на пути друг с другом. Но в конце концов вещи наши были благополучно связаны в большой мягкий тюк, — все вещи, за исключением двух одеял с дырой для просовывания головы, которые мы оставили, чтобы надеть их на себя.

Затем Кавор мигом открыл одно окно со стороны луны, и мы увидели, что спускались к огромному центральному кратеру, с несколькими меньшими кратерами, расположенными вокруг него крестообразно. Потом Кавор открыл наш маленький шар со стороны ослепительно яркого солнца. Вероятно, он хотел воспользоваться притяжением солнца как тормоза.

— Покройтесь одеялом! — вскричал он, отскакивая от меня в сторону.

Я вытащил одеяло из-под ног и закутался с головою. Кавор быстро закрыл ставни, потом опять открыл одно окно и так же быстро захлопнул его, потом началось открывание поочередно всех окон. Шар наш пришел в колебательное состояние, и мы внутри его кружились, ударяясь о стеклянные стенки и о толстый тюк нашего багажа или же сталкиваясь друг с другом, а снаружи какое-то белое вещество обдавало брызгами наш шар, как будто мы катились вниз по снежному откосу...

Последовал сильный толчок, — я наполовину был погребен под тюком из наших пожитков и на некоторое время все стихло. Затем я мог расслышать пыхтенье Кавора и хлопанье ставней в оконных рамах. Я сделал усилие, сбросил с себя наш завернутый в одеяла багаж и вынырнул из под него. Наши открытые окошки зияли как темные отверстия, усеянные звездами.

Мы были еще живы и лежали во мраке, в тени, отбрасываемой

большим кратером, на дно которого свалился наш шар.

Мы сидели, переводя дух и ощупывая шишки на теле от ушибов. Ни один из нас не предвидел такого грубого обхождения, какому мы подверглись, вступая в лунный мир. Я с трудом поднялся на ноги.

— Теперь посмотрим на лунный пейзаж! — сказал я. — Но темень, Кавор, хоть глаз выколи.

Стеклянная поверхность шара запотела, и, разговаривая, я вытирал ее одеялом.

— Остается полчаса или около того до наступления дня, — сказал Кавор. — Надо подождать.

Невозможно было разглядеть что-либо в царившей густой темноте, мы словно были заключены в стальном шаре. Мое вытиранье одеялом было только размазываньем стекла: едва успеешь вытереть стеклянную стенку, как она тотчас опять тускнела от вновь сгустившегося пара и от прилипавших волосков шерстяного одеяла. Разумеется, надо было применять для этой операции чего-нибудь другое, а никак не одеяло.

В моих усилиях протереть стекло я нечаянно соскользнул по влажной поверхности и ударился коленом об один из цилиндров с кислородом, торчавших из нашего тюка.

Положение было отчаянное и нелепое. После долгого странствования мы очутились на луне, среди неведомых чудес, и все, что мы могли видеть теперь — это была тусклая, струящаяся стенка стеклянного пузыря, в котором мы прибыли!

— Чорт возьми, — воскликнул я, — для этого не стоило трогаться с места.

Я присел на тюк, дрожа от холода и закутываясь плотней в одеяло.

Вдруг мокрая поверхность стекла замерзла и изукрасилась узорами.

— Не можете ли вы достать из тюка электрический нагреватель? — сказал Кавор. — Иначе мы рискуем замерзнуть.

Я поспешил вытащить требуемый прибор.

— А теперь, — спросил я, — что нам делать?

— Ждать, — отвечал он.

— Ждать?

— Конечно. Надо подождать, чтобы воздух у нас снова отогрелся, и тогда это стекло прояснеет. До тех пор нам нечего делать. Здесь еще ночь — надо выждать наступления дня. А пока не хотите ли закусить?

Некоторое время я ничего не отвечал и сидел, дрожа от холода. Я с досадой отвернулся от мутной стеклянной стенки и смотрел во все глаза на лицо Кавора.

— Да, — сказал я после короткой паузы, — я проголодался. Я чувствую себя сильно разочарованным. Я ожидал... Не знаю, чего я ожидал, только во всяком случае не этого!

Я призвал на помощь всю свою философию; поправив на себе импровизированный плед, я снова уселся на тюке и приступил к моей первой трапезе на луне. Не помню, кончил ли я ее, как вдруг стеклянная поверхность стала проясняться, сначала отдельными полосками, но, быстро расширявшимися и сливавшимися, пока тусклая вуаль, скрывавшая лунный мир от наших взоров, исчезла.

Мы с любопытством глядели на ландшафт луны.

Глава VII

Восход Солнца на Луне

Вид, представившийся нашим взорам, носил чрезвычайно дикий, угрюмый характер. Мы находились в громадном амфитеатре, среди обширной круглой равнины, на дне исполинского кратера. Его крутые скалистые стены замыкали нас со всех сторон. С западной стороны падал на них свет еще невидимого солнца, достигая самой подошвы утеса, и показывал беспорядочно нагроможденные друг на друга темные и серые скалы, испещренные там и сям снежными полосами. Скалы эти находились от нас милях в десяти или более, но сначала, при отсутствии атмосферы, очертания их были отчетливо видны до мельчайших подробностей. Они стояли ярко освещенные против заднего, погруженного во мрак плана картины, который представлялся нашим земным глазам скорее великолепным, усеянным блестками, бархатным занавесом, чем обширным небосводом.

Восточные утесы сначала представлялись нам в виде простой каймы к усеянному звездами небесному куполу. Ни румянца зари, ни чуть брезжащего рассвета, ничего, что возвещало бы скорое наступление утра! Только Корона, зодиакальный свет, направляющийся к блестящей утренней звезде, предупреждали о близком появлении солнца.

Разлитый вокруг нас слабый свет происходил от отражения световых лучей западными скалами. Он озарял обширную, волнообразную равнину, серую и холодную, — серый колорит постепенно сгущался по направлению к скалам восточной окраины и, наконец, переходил в совершенную тьму на границе этих сумрачных скал; бесчисленные круглые, серые горы и горки, валы из белого, напоминающего снег, вещества, соединявшие и продолжавшие горные хребты вплоть до глубокого мрака, дали нам первое понятие о расстоянии стены кратера. В первое время я принял их за сугробы обыкновенного снега; но на самом деле то были бугры и массы замерзшего воздуха.

Так было вначале; затем внезапно, изумительно быстро наступил лунный день.

Солнечный свет скользнул по бокам скал, коснулся у их подошвы глыб осыпавшегося камня и, шагая в семимильных сапогах, мигом добрался до нас. Отдаленные утесы как будто зашевелились, задрожали, и со дна

кратера стал подниматься серый пар, клубы его становились все шире и гуще, пока, наконец, вся западная сторона равнины не задымилась, как мокрый платок, повешенный перед огнем сушиться.

— Это воздух, — сказал Кавор, — это, наверное, воздух, иначе не поднимался бы пар при первом прикосновении солнечного луча...

Он устремил взгляд вверх.

— Поглядите! — воскликнул он.

— Куда? — спросил я.

— На небо. Уже. На черном фоне голубая полоска! Звезды кажутся больше, а маленькие звездочки и все туманности, которые мы видели в небесном пространстве, исчезли.

День быстро приближался. Серые вершины гор одна за другой охватывались ярким светом и затем покрывались дымящимся паром. Наконец, все видимое пространство на западе от нас заволокло постепенно сгущавшимся и расширявшимся туманом. Отдаленные скалы отступали все более и более в глубь, тускнели, теряли свои очертания среди клубящегося пара, тонули и, наконец, исчезали во мгле.

Все ближе и ближе подходил слой туманов, надвигаясь так же быстро, как бегущая по земле тень облака, гонимого юго-западным ветром. Нас охватывал легкий сумрак.

Кавор схватил меня за руку.

— Что такое? — спросил я.

— Посмотрите! Солнечный восход! Солнце!

Он повернул меня к вершине одного из восточных утесов, выступавшей в смутных очертаниях из окружающей мглы и немного более светлой в сравнении с темным небосводом. Но теперь контуры ее обозначались странными красноватыми фигурами — настоящими языками алого пламени, извивавшимся и плясавшим на небе. Я объяснил себе это явление прохождением света сквозь клубы пара, но на самом деле это были солнечные выступы, огненная корона вокруг солнца, которая всегда закрыта от земных глаз нашей атмосферной вуалью.

И затем — солнце!

Сверкнула блестящая линия, — тонкая полоска невыносимо яркого света, скоро принявшая изогнутую форму, — и метнула к нам столб знойного тепла, пронзивший нас, как острие.

Я вскрикнул от боли в глазах и отвернулся, почти ослепленный, разыскивая ощупью мое одеяло под тюком.

И вместе с этим жгучим светом раздался звук, первый звук, достигший нашего слуха с тех пор, как мы покинули землю, — свист и шелест, резкий

шорох, производимый воздушным платьем наступающего дня. С появлением света и звука шар наш накренился, и, ослепленные и опаленные, мы беспомощно зашатались, толкаясь друг о дружку. Шар снова накренило; свистящие и шипящие звуки становились все громче. Я невольно зажмурил глаза, делая неловкие усилия закрыть голову одеялом, но еще одно накренение шара свалило меня с ног. Я упал на тюк, и когда открыл глаза, увидел мельком воздух на наружной стороне нашего стекла. Он был жидкий, кипящий, подобно снегу, в который воткнули раскаленный до-бела железный прут. То, что было твердым воздухом, вдруг при первом прикосновении солнечных лучей превратилось в тесто, в кашу, в клокочущую жижу, которая шипела и пузырилась.

Последовало еще более сильное качание нашего шара, бросившее нас в объятия друг друга. Через миг нас завертело, швырнуло кверху, и затем я свалился на четвереньки. Лунный рассвет играл нами, как мячиком. Луна хотела показать нам, слабым людям, что она может с нами сделать.

Передо мной вновь промелькнуло, что делалось снаружи — какие-то клубы пара, полужидкая грязь или сало, скользящая и падающая вниз. Нас кидало из стороны в сторону. Я очутился на дне шара, и колени Кавора упирались мне в грудь. Затем он словно улетел от меня; некоторое время я лежал, едва переводя дух и безнадежно глядя вверх. Огромная лавина полужидкого вещества хлынула на наш шар и погребла нас под собой; теперь вещество это разрежалось и страшно бурлило. Я видел пузыри, прыгавшие на поверхности стекла. Слышались слабые восклицания Кавора.

Затем другая громадная лавина тающего воздуха подхватила нас, и мы покатались вниз по откосу с непрерывно-возрастающей быстротой, прыгая через расселины, срываясь с уступов, покатались на запад, в кипучую сумятицу лунного дня.

Хватаясь друг за друга, мы кружились внутри шара; нас кидало из стороны в сторону; наш тюк багажа скакал через нас, толкался между нами. Мы сталкивались, стукались головами, опять разлетались в различные стороны, а между тем вся вселенная озарилась роскошным ярким светом! На земле мы уже десять раз раздавили бы друг друга, но на луне, к счастью для нас, наш вес составлял всего одну шестую земного веса, и мы падали довольно благополучно. Припоминаю чувство сильнейшей боли, такое ощущение, как будто мозг перевернулся у меня в черепе, и затем...

Что-то работало у меня на лице; какие-то тонкие щупальца терзали мои уши. Потом я увидел, что яркое освещение окружающего ландшафта ослабляется синими очками, очутившимся каким-то образом у меня на

носу. Кавор стоял, склонившись надо мною, я видел его лицо снизу вверх; глаза его тоже были защищены синими окулярами. Дыхание у него было неровное и порывистое, губа у него была окровавлена от ушиба.

— Теперь лучше? — спросил он, отирая кровь рукой.

Все еще мне казалось качающимся, но это уже было просто головокружение. Я заметил, что Кавор закрыл некоторые из ставней в оболочке шара, чтобы защитить меня от прямо падавших лучей солнца. Я увидал, что все вокруг нас было залито ярким светом.

— Боже, — вздохнул я, — только этого не доставало!..

Я приподнял шею, чтобы посмотреть на внешний мир: там был ослепительный блеск, полный контраст с унылым мраком наших первых впечатлений.

— Долго я был без чувств? — спросил я.

— Не знаю, хронометр разбился. Должно быть, недолго, мой дорогой. Я было испугался...

Я лежал некоторое время, ничего не говоря и стараясь вникнуть в смысл его слов. На лице его еще были заметны следы душевного волнения. Я ощупывал рукой свои контузии и обзирал физиономию Кавора, отыскивая и на ней подобные же повреждения. Всего более пострадала у меня правая рука, на которой была содрана кожа; лицо тоже было поцарапано и в крови. Кавор дал мне маленькую дозу какого-то укрепляющего средства, которым он запасся в дорогу, — забыл, как оно называется. Через некоторое время я почувствовал себя немного лучше и начал бережно расправлять свои члены. Вскоре я мог уже разговаривать.

— Еще не кончилось? — спросил я, как будто не было ни малейшего перерыва.

— Нет, не кончилось!

Он сидел в раздумьи, поглядывая то через стекло, потом на меня.

— Что случилось? — спросил я после небольшой паузы. — Мы спрыгнули под тропики?

— Случилось то, чего я ожидал. Этот воздух испарился... если, впрочем, то был воздух. Во всяком случае, вещество это, какое бы ни было, испарилось, и поверхность луны сделалась видна. Мы лежим на бугре какого-то землистого возвышения. Там и сям обнажилась и самая почва, — довольно странного вида эта почва.

Ему показалось излишним вдаваться в дальнейшие объяснения. Он помог мне сесть, и я в состоянии был увидеть все собственными глазами.

Глава VIII

Лунное утро

Резкие контрасты, разительные переходы от белого к черному в окружающем пейзаже совершенно исчезли. Солнечный свет придал всему янтарный оттенок; тени на скалистой стене кратера представлялись пурпурными. К востоку от нас темный слой тумана все еще полз, укрываясь от солнечного восхода, но на западе небо было голубое и чистое. Я начинал постигать продолжительность моего обморока.

Мы были уже не в пустом пространстве. Вокруг нас поднялась атмосфера. Очертания предметов обрисовывались отчетливее, сделались резче и разнообразнее, за исключением рассеянных там и сям полос белого вещества, которое было уже не воздух, а снег; арктический вид местности также исчез. Повсюду расстилались ярко освещенные солнцем широкие, ржаво-бурые пространства голой, изрытой почвы. Там и сям по краям снежных сугробов виднелись наскоро образовавшиеся прудки и струящиеся ручейки, единственные шевелящиеся предметы среди этой обширной голой пустыни. Солнечный свет обливал верхние три четверти нашего шара, давал нам тут жаркое лето, но наши ноги оставались еще в тени, и шар помещался на снежном сугробе.

На скате бугра виднелись разбросанные то там, то сям, обрамленные белыми нитями еще нарастающего снега, какие-то палочки, вроде сучков или прутьев, сухие, искривленные хворостинки, такой же рыжеватой окраски, как и скала, на которой мы лежали. Это сильно заинтересовало меня. Прутики! В безжизненном мире? Но когда мой глаз несколько пригляделся к их строению, я заметил, что вся лунная поверхность имеет волокнистый вид, подобный ковру из опавших бурых хвой, какой бывает в тени сосен.

— Кавор! — сказал я.

— Ну?

— Теперь это, может быть, и мертвый мир, но прежде...

Нечто новое остановило на себе мое внимание. Я увидел между опавшими иглами множество маленьких круглых предметов, и мне показалось, что один из них шевелится.

— Кавор! — проговорил я шепотом.

— Что?

Но я ответил не сразу. Я пристально глядел на поразившие меня предметы. В первую минуту я не поверил глазам. Я издал какой-то нечленораздельный звук и схватил Кавора за руку.

— Посмотрите, — вскричал я, когда язык у меня, наконец, зашевелился. — Вон там! Да!.. И там!

Он последовал взглядом за моим указательным пальцем.

Как описать то, что я увидел? Это была крохотная вещь и, однако, она казалась такой чудесной, такой жизненной... Я сказал, что между хвоями, устилавшими почву, были рассеяны какие-то круглые или овальные тельца, которые можно было принять за крошечные камешки. И вот, сначала одно из них, потом другое зашевелилось, вдруг покатилося и раскололось, причем из каждого выглянула зеленовато-желтая тень, как бы вырываясь наружу к теплым животворным лучам восходящего солнца. Через минуту зашевелилось и лопнуло третье такое же тельце.

— Это семена, — сказал Кавор, и затем я услышал, как он тихонько прошептал: — Жизнь!

«Жизнь!»... И тотчас же у нас мелькнула мысль, что, значит, наше далекое путешествие совершено не напрасно, что мы прибыли не в бесплодную каменистую пустыню, а в мир, который живет и движется! Мы наблюдали с напряженным вниманием. Помню, как старательно протирали я с помощью слюны находившийся передо мной просвет в стеклянной стенке шара, заботясь, чтобы не было на нем на малейшего следа тусклости.

Но картина была ясною и живою лишь в середине поля зрения. Вокруг же этого центра мертвые хвои и семена являлись в преувеличенном и искаженном виде, вследствие кривизны стекла. Все-таки мы могли видеть достаточно! По всему освещенному солнцем скату пригорка, одно за другим, эти чудесные бурые тельца растрескивались, как оболочки семян или стручья, жадно раскрывая уста, чтобы упиться теплом и светом, лившимся целым каскадом от только что взошедшего на небе солнца.

Ежесекундно все большее и большее количество этих зернышек лопалось в то время, как их передовые застрельщики уже выползали из расколовшихся скорлупок и переходили во вторую стадию прозябания. С полной уверенностью и быстрой сообразительностью, эти удивительные семечки пускали из себя корешок в землю и маленький, скорченный, в виде клубочка, росток на воздух. В короткий промежуток времени весь скат бугра покрылся крохотными растеньицами, вылупившимися при ярком солнечном свете.

Недолго оставались они в этом состоянии. Почкообразные ростки надулись, разбухли и раскрылись, высунув наружу кончики крошечных,

остроконечных, буроватых листочков, которые мгновенно стали удлиняться, так быстро, что мы могли видеть их рост. Движение это было медленнее, нежели движение какого-нибудь животного, но быстрее виденных мною доселе движений растений. Как бы нагляднее передать вам ход этого произрастания? Кончики листьев вытягивались приметно на глаз. Скорлупки морщились, съеживались и уничтожались с такой же быстротой. Случалось ли вам в холодный день взять термометр в вашу теплую руку и наблюдать, как тоненький столбик ртути заметно поднимается в трубке? Вот и эти лунные растеньица развивались так же скоро, — прямо на наших глазах.

В несколько минут, как нам показалось, ростки более развившихся растений вытянулись в стебелек и пустили из себя второй круг листьев, и весь пригорок, еще так недавно казавшийся безжизненным, усыпанным лишь опавшей хвоей, пространством, покрылся темной, оливково-зеленой травянистой растительностью из колючих колосьев, поражавших мощью своего роста.

Я повернул лицо к востоку и там тоже вдоль всего верхнего края скалы тянулась подобная же бахрома растительности, хотя на несколько низшей ступени развития, казавшейся черной от контраста с ослепительным блеском солнца. А за этой бахромой виднелся силуэт массивного растения, неуклюже вытянувшегося, на подобие кактуса, и приметно пучившегося, надувшегося, как пузырь, наполняемый воздухом.

Затем, обратив взоры на запад, я увидал, что другое такое же раздувшееся растение поднимается на лугу. Но тут свет падал на его гладкие бока, и я мог разглядеть, что они были окрашены в яркооранжевый цвет. Махина вырастала на наших глазах; стоило отвернуться на минутку и затем снова взглянуть на нее, как контуры ее уже были иные; она выпускала из себя толстые, мясистые ветви и в короткое время преобразилась в кораллообразное деревцо, вышиной в несколько футов. В сравнении с этим быстрым ростом развитие земного гриба-дождевика, который, как говорят, иногда в одну ночь достигает фута в диаметре, показалось бы очень медленным. Но дождевик растет, парализуемый притягательной силой, в шесть раз превосходящей притяжение луны.

Далее, из оврагов и равнин, которые были скрыты от наших взоров, но не от живительных лучей солнца, над рифами и мелями сияющих скал, высунулись новые колючие стержни трав и массивных растений, спешивших воспользоваться коротким днем, в продолжение которого они должны распуститься, отцвести, принести плод и семя — и сгибнуть. Он походил на чудо, этот поразительно-быстрый рост лунной растительности.

Так, надо думать, появились первые деревья и растения при сотворении мира и покрыли уныло пустынную поверхность ново-созданной земли.

Вообразите себе этот лунный рассвет! Вообразите это оттаивание мерзлого воздуха, эту оживающую и шевелящуюся почву и затем этот бесшумный рост злаков, этот быстрый не по земному, выгон массивных растений и колючих колосьев. Представьте себе все это залитым ослепительно-ярким блеском, в сравнении с которым самый сильный солнечный свет на земле показался бы слабым и тусклым. И среди этого шевелящегося луга виднеются еще то там, то сям полосы синеватого снега. Чтобы составить себе полное понятие о нашем впечатлении, вы должны еще помнить, что мы видели все это через толстое изогнутое стекло, дающее, подобно чечевице, лишь в центре ясные и верные изображения предметов, к краям же изображения являлись в увеличенном и искаженном виде.

Глава IX

Разведки начинаются

Мы перестали наблюдать через стекло и повернулись друг к другу с одной и той же мыслью, с одним и тем же вопросом в наших глазах. Для того, чтобы эти растения могли расти, там должен быть какой-нибудь воздух, хотя бы разреженный, воздух, которым и мы могли бы дышать.

— Открыть отверстие? — предложил я.

— Да, — ответил Кавор. — Если только это воздух, что мы сейчас видим.

— Через короткое время, — заметил я, — эти растения будут также высоки, как и мы с вами. Но можно ли быть уверенными? Почему мы знаем, что это вещество — воздух? Может быть, это азот, может быть, даже углекислота!

— Это легко узнать, — промолвил Кавор, и тотчас приступил к испытанию.

Вынув из тюка большой кусок какой-то смятой бумаги, он зажег ее и поспешно выбросил через отверстие шара. Я наклонился вперед и стал внимательно следить через толстое стекло, какой вид имеет эта брошенная наружу бумага, и что станет с этим маленьким огоньком, от показания которого зависело так много!

Я заметил, что бумага медленно опустилась на снег и пламя как будто исчезло. На мгновение оно казалось совершенно угасшим... но затем я увидел на краю бумаги синеватый огненный язычок, который постепенно шел дальше и дальше!

Мало-помалу весь лист, за исключением места непосредственного соприкосновения со снегом, обугливался и съеживался, пуская вверх трепетавшие струйки дыма. Никакого сомнения не оставалось больше для меня: атмосфера луны состояла либо из чистого кислорода, либо из воздуха и, следовательно, способна была, если только не находилась в слишком разреженном состоянии, поддерживать нашу жизнь вне шара. Мы, значит, могли выйти из заключения и... жить!

Я уселся у самого выхода и собирался уже отвинчивать крышку, но Кавор остановил меня.

— Погодите! Сначала нужна маленькая предосторожность.

Он сказал, что хотя это, несомненно, была атмосфера, содержащая

кислород, но, может быть, настолько разреженная, что могла причинить нам серьезный вред; при этом Кавор напомнил мне о горной болезни и кровотечении, которому часто подвергаются воздухоплаватели при слишком быстром подъеме аэростата; затем он принялся изготовлять какой-то лекарственный напиток, который и заставил меня выпить вместе с ним. Я почувствовал некоторое оцепенение от этого снадобья, однако оно не произвело на меня особого действия. Тогда лишь он позволил мне начать отвинчивать.

Едва только стеклянная крышка у горловины подалась немного, как более плотный воздух изнутри нашего шара начал быстро вытекать наружу по нарезу винта, с пением, похожим на гуденье котла перед закипанием воды.

Тогда Кавор уговорил меня отказаться от моего намерения. Скоро сделалось очевидным, что атмосферное давление вне шара значительно меньше, чем давление внутри. Насколько оно было меньше, этого мы не могли определить.

Я сидел, ухватившись обеими руками за штопор, готовясь снова закрыть его, если, вопреки нашей пламенной надежде, лунная атмосфера окажется чересчур разреженной для нас; Кавор же сидел с цилиндром сгущенного кислорода в руке, — для восстановления нормального давления. Мы смотрели друг на друга в молчании, поглядывая по временам на фантастическую растительность, все развивавшуюся бесшумно на наших глазах. Резкий свист вырывавшегося наружу воздуха не продолжался попрежнему.

Кровеносные сосуды уже начали трепетать в моих ушах, и звуки от движений Кавора делались все слабее, вследствие разрежения воздуха.

В то время, как наш воздух с шипением вырывался наружу через нарезы винта, содержащиеся в нем водяные пары сгущались в маленькие клубы.

Я начал испытывать затруднительность дыхания, что продолжалось в течение всего времени, пока мы подвергались действию внешней лунной атмосферы; но бывшее у меня неприятное ощущение в ушах, под ногтями и в горле прошло.

Взамен того последовало головокружение, сопровождавшееся тошнотой и лишавшее меня бодрости духа. Я завернул наполовину крышку от выхода, сделав поспешное заявление Кавору; но он оказался бодрее меня. Он ответил мне голосом, казавшимся крайне тихим и отдаленным, вследствие разреженности воздуха, доносившего звук. Он рекомендовал мне выпить рюмку водки, и сам первый подал пример; проделав то же, я

почувствовал себя несколько лучше. Я опять отвернул штопор обратно. Шум в ушах сразу усилился, и затем мне показалось, что шипение вырывающегося из шара воздуха прекратилось. Некоторое время я не был уверен, действительно ли это так.

— Ну что? — спросил Кавор чуть слышным голосом.

— Ну что? — ответил и я то же самое.

— Идти ли нам вперед?

Я подумал.

— Это все? — спросил я...

— Если вы можете выдержать.

Вместо ответа я принялся совершенно отвинчивать крышку. Я снял ее и бережно положил на тюк. Несколько хлопьев снега закружились и исчезли, когда этот непривычный нам разреженный воздух наполнил наш шар. Я стал на колени, уселся у края отверстия и выглянул оттуда.

Внизу, на расстоянии одного ярда от моего лица, лежал чистый, не попиравшийся еще ничьей ногой, снег луны.

Наступила небольшая пауза. Взоры наши встретились.

— Ну, как вы себя чувствуете? Ваши легкие не очень страдают? — спросил Кавор.

— Нет, — отвечал я. — Я могу это выносить.

Кавор протянул руку за своим одеялом, просунул голову в дыру посредине и, завернувшись как следует, сел на краю отверстия, спустив ноги до расстояния в каких-нибудь шесть дюймов от лунного снега. С минуту он колебался, потом бросился вперед и стал на девственную, никем еще не попиравшуюся почву луны.

Когда он шагнул вперед, фигура его представилась мне в фантастическом виде, от преломления лучей у края стекла. Постояв с минуту и осмотрев окружающую вблизи местность, он собрался с духом и... прыгнул.

Изогнутое стекло показывало все в искаженном виде, и тут прыжок Кавора показался мне страшно большим, унесшим его на громадное расстояние, по крайней мере футов на двадцать или на тридцать от меня. Он стоял высоко на скалистой массе и делал какие-то знаки в мою сторону; может быть, он и кричал мне, но звук его голоса не долетал до меня. Однако, черт побери, как же это он сделал такой гигантский прыжок? Я испытывал чувство, как человек, сейчас увидавший новый, кажущийся волшебством, фокус.

Едва придя в себя от удивления, я тоже спустился через отверстие шара. Как раз напротив меня снежный сугроб провалился, образовав что-то

вроде канавы. Я сделал шаг и прыгнул.

Я оказался летящим по воздуху к скале, на которой стоял Кавор, сделавший в этот момент шаг вперед, мне навстречу, и ухватился за выступ скалы в состоянии бесконечного удивления и смущения. Кавор наклонился и кричал мне свистящими звуками, что следует быть осторожным.

Я забыл, что на луне, масса которой в восемь раз меньше массы нашей земли, а диаметр в четыре раза меньше массы земного, мой вес составлял всего только шестую часть той величины, которую он имел на земле. Но теперь мой полет напомнил мне об этом факте.

— Мы ведь здесь без помочей, на которых нас водила мать-земля, — сказал Кавор.

С большими усилиями, двигаясь так же осторожно, как человек, страдающий ревматизмом, я поднялся на вершину скалы и стал рядом с Кавором, под палящими лучами солнца. Шар наш лежал позади, на тающем сугробе снега, футах в тридцати от нас.

Насколько можно было окинуть взором огромный хаос беспорядочно разбросанных скал, образовавших дно кратера, повсюду такой же колючий хворостник, как и непосредственно окружавший нас, вступал в жизнь, разнообразимый там и сям толстыми кактусообразными растениями да алыми и пурпурными лишаями, которые росли так быстро, как будто ползли по камню. Все пространство кратера показалось мне тогда однообразной пустыней, вплоть до подошвы окружающих скалистых стен.

Стены эти, повидимому лишенные растительности, за исключением основания их, имели множество контрфорсов, террас и платформ, которые в то время не особенно привлекали наше внимание. Они тянулись на несколько миль от нас по всем направлениям; повидимому, мы находились почти в центре кратера, и видели отдаленные предметы сквозь легкий туман, подгоняемый ветром. Теперь тут в разреженном воздухе дул быстрый, хотя и слабый ветерок, очень холодный, но оказывавший весьма легкое давление. Он дул по окружности кратера, направляясь, повидимому, к жаркой, освещенной его стороне из туманного мрака противоположной стены. Трудно было глядеть на этот расстилавшийся на востоке туман; приходилось смотреть, прищуриваясь, прикрывая рукой глаза, вследствие ослепительного блеска неподвижного солнца.

— Тут, повидимому, пустыня, — сказал Кавор, — совершенная пустыня.

Я снова стал обозревать окрестное пространство. Меня все еще не покидала надежда увидеть какой-нибудь признак quasi-человеческого существования, какую-либо верхушку строения, какой-нибудь дом или

орудие, но куда ни обращал я взоры, всюду те же нагроможденные беспорядочно скалы, в виде пиков и гребней, тот же колючий хворостник, те же уродливые кактусы, все спесивее и спесивее раздувавшиеся, словом — полное как будто разрушение надежды на человеческую жизнь.

— Похоже на то, что эти растения существуют лишь сами для себя, — сказал я, — я не вижу тут ни малейшего следа какого либо иного создания.

— Ни насекомых, ни птиц! Никакого следа, ни кусочка и ни частички животной жизни. Да если бы и были животные, что стали бы они делать в здешнюю бесконечную ночь?.. Нет, очевидно, тут только и есть одни эти растения.

Я прикрыл глаза рукой.

— Это походит на фантастический ландшафт, созданный сновидением. Эти предметы менее похожи на земные сухопутные растения, чем растительные формы, которые мы воображаем пробивающимися меж скал, на дне моря. Посмотрите хоть вон на тот кактус, что ли! Можно подумать, что это ящерица, преображенная в растение. А какой ослепительно яркий свет!

— А между тем, ведь это еще только прохладное утро, — сказал Кавор. Он вздохнул и поглядел вокруг себя. — Нет, здешний мир не пригоден для людей, — промолвил он, — и, однако в некоторых отношениях... он не лишен интереса.

Он умолк на некоторое время и погрузился в размышления, сопровождаемые его обычным в таких случаях гудением. Я вздрогнул от нежного прикосновения чего-то: оказалось, что тонкий листик растущего лишая вполз мне на ботинку. Я стряхнул его, он рассыпался прахом, и каждый кусочек его тотчас же начал опять расти. Затем я услышал резкое восклицание Кавора, уколовшегося, как оказалось, об острый шип колючего кустика.

Он, видимо, колебался; глаза его искали чего-то среди окружающих скал. В эту минуту я увидел невдалеке от меня какой-то цветок, похожий на гвоздику.

— Посмотрите! — сказал я, оборачиваясь, но Кавор исчез.

В испуге я поспешно пошел посмотреть с края скалы. Но, пораженный внезапным исчезновением Кавора, я снова забыл, что мы на луне. Широкий шаг, сделанный мною, перенес бы меня при земной обстановке не более, чем на ярд; на луне же он перенес за шесть или, по меньшей мере, за пять ярдов через край скалы. Впечатление было похоже на кошмар, когда чудится, что падаешь все ниже и ниже. Ибо в то время, как на земле падающее тело проходит в первую секунду шестнадцать футов, на луне оно

проходит всего два фута, имея притом вес в шесть раз меньший сравнительно с весом, имевшимся на земле. Я упал или, вернее сказать, спрыгнул футов на тридцать. Мне показалось, что это заняло много времени — пять или шесть секунд, как полагаю. Я летел по воздуху и упал, как перо, увязнув по колена в снежный сугроб на дне оврага, среди синевато-серых скал с белыми прожилками.

Я осмотрелся кругом.

— Кавор! — крикнул я, но никакого Кавора не было видно. — Кавор! — завопил я еще громче, но лишь горное эхо откликнулось на мой отчаянный призыв.

Вскарабкавшись на вершину скалы, я опять стал кричать со всей мочи: «Кавор! Кавор!». Крик мой напоминал блеяние заблудившегося ягненка.

Шара тоже не было видно, и на минуту меня охватило страшное ощущение одиночества среди чужого, неведомого мира.

Наконец, я увидел Кавора. Он смеялся и жестикулировал, чтобы привлечь мое внимание. Он стоял на площадке скалы, ярдах в двадцати или тридцати от меня. Я не мог слышать его голоса, но жесты его говорили: «Прыгай!». Я поколебался — расстояние казалось огромным. Однако, я рассудил, что, наверное, буду в состоянии махнуть на большее расстояние, чем сам Кавор.

Я отступил шаг назад, собрался с духом и прыгнул изо всей силы. Казалось, я прыгнул прямо вверх, в воздух, как будто мне уже никогда и не нужно спускаться вниз...

Было жутко и вместе с тем очень приятно нестись таким образом прямо по воздуху. Мой скачок оказался слишком большим. Я пролетел над головой Кавора и увидел под собой усаженный колючими растениями овраг, куда мне предстояло свалиться. В испуге я крикнул, простер вперед руки и растопырил ноги.

При падении я шлепнулся на огромный гриб, который лопнул подо мной, развеяв по всем направлениям массу оранжевых спор и обдав меня оранжевой пылью; затем я скатился на дно оврага.

Вскоре я увидел маленькое круглое лицо Кавора, выглядывавшего из-за колючей изгороди. Он кричал, что-то спрашивая у меня. Я пытался тоже крикнуть ему, но не мог этого сделать, потому что чересчур запыхался. Он направлялся меж тем ко мне, осторожно раздвигая кусты.

— Нам нужно держаться на-стороже, — сказал он, — Эта луна не признает никакой дисциплины. Она даст нам разбиться вдребезги, — Он помог мне встать на ноги. — Вы чересчур напрягали силы, — сказал он, смахивая рукой желтую пыль с моей одежды.

Я стоял смирно, лишь тяжело дыша и позволяя ему счищать с моих колен и локтей прилипшее студенистое вещество и читать мне нотации по поводу моих злоключений.

— Мы должны приноровляться к здешнему притяжению. Наши мускулы еще недостаточно приучены. Необходимо попрактиковаться. Когда у вас восстановится правильное дыхание...

Я вытащил из руки два или три вонзившихся в нее шипа и присел в изнеможении на камень. Руки и ноги у меня дрожали; я испытывал такое же чувство разочарования, какое охватывает при первом падении учащегося ездить на велосипеде у нас на земле.

Кавору вдруг пришло на мысль, что холодный воздух на дне оврага после солнечного зноя может породить у меня лихорадку, и мы вскарабкались на вершину скалы, озаренную солнцем. Оказалось, что, кроме нескольких ссадин, я не получил никаких серьезных ушибов при падении, и теперь, по предложению Кавора, мы высматривали безопасное и удобное место спуска для нашего следующего прыжка. Мы выбрали, наконец, площадку на скале, в расстоянии около десяти ярдов, отделенную от нас целой чащей темно-зеленых колосьев.

— Прыгнем отсюда, — сказал Кавор, разыгрывавший роль инструктора, и указал на место футах в четырех от носков моих гамашей.

Этот скачок я совершил без труда и, должен сознаться, не без удовольствия увидел, что Кавор не допрыгнул на один фут или около того и свалился в колючий кустарник.

— Видите, как надо быть осторожным! — сказал он, вытаскивая шипы, вонзившиеся ему в лицо и руки; с этого момента он перестал менторствовать и сделался моим товарищем, таким же, как я, учеником в искусстве лунного передвижения.

После этого мы выбрали еще более легкий прыжок и совершили его шутя, затем отпрыгнули назад, потом снова вперед, и повторили это упражнение несколько раз, приучая наши мускулы к новой норме. Я никогда не поверил бы, если бы не узнал по собственному опыту, как быстро усваивается это приспособление. В самом деле, в весьма короткое время, после двадцати или двадцати пяти прыжков мы могли уже определять усилие, необходимое для данного расстояния, почти с земною уверенностью.

И все это время лунная растительность быстро развивалась вокруг нас, становилась выше и гуще, — все эти колючие колосья и толстые, мясистые кактусы, грибы и лишай, поражавшие своими необычайными формами. Однако, мы были так поглощены нашими упражнениями в прыгании, что

не обращали пока ни малейшего внимания на это буйное развитие лунных растений.

Сильнейшая экзальтация овладела нами. Отчасти, я думаю, это было чувство радости по случаю нашего освобождения из продолжительного плена в тесном шаре; но главным образом тут действовала приятная мягкость и свежесть лунного воздуха, который, я уверен, содержит гораздо большую пропорцию кислорода, чем наша земная атмосфера. Не взирая на странный вид и необычайные свойства всего, нас окружающего, я чувствовал себя столь же отважным и опытным, как любой лондонский хулиган, очутившийся впервые среди гор, не думаю, чтобы кто-либо из нас обоих, хотя и лицом к лицу с неведомым, испытывал особенный страх.

Нас обуревал дух предприимчивости. Мы выбрали обросший мхом пригорок, находившийся от нас ярдах в пятнадцати, и благополучно перемахнули друг за другом на его вершину.

Кавор сделал три шага и отправился на манивший прохладною снежный скат. Я оставался с минуту неподвижным, пораженный уморительным видом его парящей в воздухе фигуры в грязной, измятой спортивной фуражке, с взъерошенными волосами и маленьким круглым туловищем, с длиннейшими руками и подкорченными под себя тоненькими, козлиными ножками, — фигурки, составлявшей такой резкий контраст с волшебными декорациями обширной лунной панорамы. Я громко расхохотался и последовал сам за своим забавным товарищем. Скок! — и я очутился рядом с ним.

Мы сделали несколько исполинских шагов, на подобие Гаргантюа, скакнули еще раза три-четыре и уселись, наконец, в поросшей мхом ложине. Наши легкие работали с большим трудом. Мы сидели спокойно, тяжело переводя дух и вопросительно поглядывая друг на друга. Кавор бормотал что-то об «удивительных ощущениях». Затем мне пришла в голову одна мысль. В тот момент мысль эта не была особенно ужасной — она была лишь естественным вопросом, который возникал сам собою из данного положения.

— Кстати, — сказал я, — а где же наш шар?

Кавор посмотрел на меня.

— Как?

Я вдруг понял все значение того, о чем зашла речь, и ужаснулся.

— Кавор, — вскричал я, кладя руку ему на плечо, — где же наш шар?

Глава X

Заблудившиеся люди на Луне

На лице Кавора отразился до некоторой степени мой испуг. Он встал и начал внимательно осматривать окружающий нас, быстро разраставшийся кустарник. В смущение он приложил руку к устам и заговорил без своей обычной уверенности:

— Мне кажется, — сказал он, запинаясь, — мы оставили его... где-то... вон *там*... — Его дрожащий указательный палец поворачивался по дуге круга. — Не знаю наверно, — продолжал он с возрастающим смущением во взорах, — во всяком случае, это не может быть далеко отсюда.

Мы оба встали, перекидываясь незначущими фразами; глаза наши напряженно искали в переплетавшейся и сгущавшейся чаще.

Повсюду кругом нас, на освещенных солнцем скатах виднелись лишь колючие кусты, пухлые кактусы, ползущие лишай, да кое-где, в местах, оставшихся в тени, лежали еще снежные сугробы. На север, на юг, на восток и на запад, во все стороны расстилалась однообразная пелена необычных для нас растительных форм. И где-то, уже погребенный среди этого хаоса неистовой лунной растительности, лежал наш шар, наш дом, наша единственная провизия, единая наша надежда выбраться из этой фантастической пустыни, покрытой эфемерными растениями.

— Я думаю, — промолвил вдруг Кавор, указывая пальцем в северном направлении, — что он, вероятно, остался вон там.

— Нет, — возразил я, — мы двигались по кривой линии. Смотрите, вот отпечатки моих каблуков. Ясно, что шар должен быть восточнее, много восточнее. Нет, он должен быть вон там.

— Мне кажется, — заметил Кавор, — что солнце все время было у меня вправо.

— А мне сдается, — возразил я, — что при каждом прыжке моя тень бежала прямо передо мной.

Мы посмотрели вопросительно друг на друга. Дно кратера приняло в нашем воображении громадные размеры, чащи кустарника казались нам непроходимо густыми.

— Боже мой, как безрассудно мы поступили.

— Очевидно, нам надо найти наш шар, — сказал Кавор, — и найти как

можно скорей. Солнце печет все сильнее. Мы уже изнемогали бы от жары, если бы не было так сухо тут в воздухе. К тому же... я проголодался.

Я посмотрел на него с изумлением. Доселе я и не подозревал еще этой стороны дела, но теперь моментально почувствовал также волчий аппетит.

— Да, — воскликнул я, — и я тоже голоден.

Кавор встал с решимостью во взоре.

— Разумеется, нам надо отыскать наш шар!

Спокойно, насколько это было возможно при нашем тревожном состоянии духа, мы обзревали бесконечные каменистые гряды, чащи кустарника, составлявшие дно кратера, взвешивая молча, каждый про себя, шансы найти наш шар, прежде чем зной и голод окончательно нас обессилят.

— Это не может быть далее каких-нибудь пятидесяти ярдов отсюда, — промолвил Кавор, с нерешительными жестами. — Единственное средство — кружиться по близости, пока не нападём на шар.

— Да, это все, что можно сделать в нашем положении, — согласился я, не выказывая, однако, особого рвения начать наши поиски. — Хоть бы этот проклятый колючий кустарник не разрастался так быстро.

— Вполне присоединяюсь к вашему желанию, — сказал Кавор. — Но ведь шар наш покоился на снежном сугробе.

Я внимательно осматривал окружающую местность, в тщетной надежде узнать какой-нибудь бугорок или куст вблизи нашего шара. Но повсюду взор встречал одно и то же: стремящиеся кверху кусты, раздувающиеся грибы, тающие и постоянно меняющие форму снежные сугробы. Солнце палило нестерпимо; слабость, при истощении сил от голода, еще более увеличивала затруднительность нашего критического положения. И в тот момент, когда мы стояли так, смущенные и затерянные, среди неведомой природы, мы услышали впервые на луне звук несколько иной, нежели шелест растений, дуновение ветра или наши собственные звуки.

«Бум!.. Бум!.. Бум!»

Он вырывался из-под наших ног, прямо из-под почвы. Нам сдавалось, что мы ощущаем его столько же ногами, сколько ушами. Никакой умопостигаемый звук не мог бы удивить нас более, или преобразить полнее свойство окружающих нас предметов. Ибо этот звук, густой, медленный и мерный, не мог быть ничем иным, казалось нам, как только ударами какого-то гигантского погребенного колокола:

«Бум!.. Бум!.. Бум!»

Звук, напоминавший колокольный звон тихого монастыря или ночной

гул многолюдного города, таинственно разносился по этой фантастической пустыне. На взгляд ничего не изменилось в окружающей местности: однообразные кусты и кактусы, колыхавшиеся от ветра, тянулись без перерыва до самых отдаленных утесов; на исполинском темном куполе неба висело палящее солнце. Но среди этой обстановки раздавался, как будто предостережение или угроза, новый загадочный звук:

«Бум!.. Бум!.. Бум!»

Мы спрашивали друг друга слабым, упавшим голосом:

— Это колокол?

— Похоже на колокол.

— Что же это такое?

— Что бы это могло быть?

— Считайте! — сказал Кавор, но предположение его запоздало, так как при этом слове удары колокола прекратились.

Столь неожиданно наступившее безмолвие было для нас как бы новым ударом. На минуту можно было усомниться, действительно ли мы слышали так поразившие нас таинственные звуки.

Я почувствовал прикосновение руки Кавора к моему плечу. Он говорил вполголоса, словно боясь разбудить какое-то спящее существо.

— Отправимся скорее на поиски нашего шара. Нам надо вернуться к шару. Эти загадочные звуки непостижимы для нас.

— В какую же сторону нам отправиться?

Он колебался. Убеждение в присутствии вокруг и вблизи нас каких-то невидимых существ овладело нашим умом. Что это за существа? Где они пребывают? Эта окружающая нас пустыня, то мерзлая, то опаленная, не представляет ли она только внешнюю кору и личину какого-нибудь подлунного мира? А если так, какого рода этот мир? Каких обитателей может он изрыгнуть на нас?

И вдруг, пронизывая удручающую тишину, раздались, как неожиданный громовой удар, звон и треск, как будто разом распахнулись громадные металлические ворота.

Это остановило наши шаги. Мы стояли с беспомощно разинутыми ртами. Затем Кавор тихонько подкрался ко мне.

— Не понимаю! — прошептал он мне над самым ухом. Он неопределенно махал рукой по направлению к небу, — смутное выражение еще более смутных мыслей. — Убежище. На случай чего-нибудь...

Я осмотрелся кругом и кивнул головой, в знак согласия.

Мы пустились на поиски шара, двигаясь втихомолку, с преувеличенной осторожностью, производя как можно меньше шума. Мы

направились к ближайшей чаще кустарника. Но раздавшийся снова откуда-то звон, похожий на то, как будто молоты ударяли по котлу, заставил нас ускорить шаги.

— Надо пробираться ползком! — прошептал Кавор.

Нижние листья колючих растений, уже осеняемые свежеею верхней листвою, начинали вянуть и свертываться, так что мы могли пробираться между утолщающимися стеблями без особенного вреда для наших особ. На уколы в лицо или руку мы уже не обращали внимания. В середине чащи я остановился и тревожно уставился в лицо Кавора.

— Подлунные, — прошептал он.

— Они могут вылезть наружу.

— Нам надо найти наш шар!

— Да, — отозвался я, — но как его найти?

— Надо ползать, пока на него не наткнемся.

— А коли не наткнемся?

— Прячьтесь! Высматривайте, что это за существа!

— Мы будем держаться вместе, — сказал я.

Он подумал.

— Какой путь нам избрать?

— Надо идти наудачу.

Осмотрев внимательно местность, мы поползли через нижние заросли, делая, по возможности, круг, останавливаясь над каждым грибом, при каждом звуке, имея в мыслях только наш шар, из которого мы так легкомысленно выскочили. По временам из почвы под нами исходили сотрясение, толчки, странные, необъяснимые механические созвучия; а иногда слышался какой-то слабый треск и гул, доносившиеся к нам через воздух. Но под влиянием обуявшего нас страха мы не дерзали взобраться на какое-нибудь возвышение, откуда бы можно было обозреть кратер. Долгое время мы не замечали никаких признаков присутствия или близости существ, отзвуки которых были так многочисленны и упорны. Когда бы не мучительное чувство голода и жажды, испытываемое нами, то наше ползание походило бы на яркое сновидение. Так это было нереально. Единственным элементом, имеющим намек на реальность, были эти таинственные звуки.

Вообразите себе всю фантастическую обстановку! Кругом нас безмолвные чащи зелени, кусты с колючей листвою на верхушке, под нашими руками и коленями ползучие, ярко окрашенные лишай, волнуемые энергичным их ростом, так же как волнуется ковер, колеблемый ветром. По временам исполинские грибы, как пузыри, раздуваемые жгучими лучами

солнца, лопались и обдавали нас брызгами своих спор. Время от времени встречались новые, еще невиданные растительные формы с яркой окраской. Самые клеточки, образующие эти растения, были величиной с мой большой палец и напоминали цветные стеклянные бусы. Все эти предметы были озарены ярким блеском солнца, и отчетливо рисовались на темносинем небе, где, несмотря на солнечный свет, сверкали еще немногие, пережившие своих померкших сестер, звезды. Самые камни обладали какими-то странными формами и строением. Все было странное: и самочувствие было новое, необычное, и всякое движение заканчивалось каким-либо сюрпризом. Дыхание было тяжелое, кровь прилиwała к голове, в ушах шумело...

А время от времени доносились откуда-то разные звуки, словно удары молота, колокольный звон, грохот машин, и, наконец, мычание каких-то громадных животных!

Глава XI

Пастбища лунных чудовищ

Таким образом мы, двое несчастных земных путешественников, затерянных в этой непроходимой лунной чаще, ползали в неописуемом страхе перед доносившимися до нас таинственными звуками. Ползли мы, как нам казалось, уж долгое время, но все не видали ни одного лунного жителя, селенита, ни лунных животных, хотя мычание и хрюканье последних доносилось до нас все яснее и яснее. Мы ползли через каменистые овраги, через снежные сугробы, по грибам, лопавшимся под нами, как тонкие пузыри, и выпускавшим из себя водянистую жидкость; мы ползли, так сказать, по мостовой из грибов, под нескончаемой сетью кустарников, и наши взоры все безнадежно высматривали покинутый нами шар. Шум, доносившийся от лунных животных, был то продолжительный, ровный звук, похожий на мычание теленка, то энергичный гневный рев, как будто эти невидимые существа мычали все сразу, разыскивая себе корм.

В первый раз они промелькнули так далеко, что мы не могли разглядеть их хорошенько. Кавор в это время полз впереди, и первый заметил их близость. Он остановился, сделав мне знак тоже не шевелиться.

Треск веток, хрустевших под ногами лунных животных, двигался, повидимому, прямо на нас; и пока мы сидели на корточках, прислушиваясь и стараясь определить близость и направление этого шума, вдруг страшное мычание раздалось позади нас, и до того сильное, что верхушки колючего кустарника закачались от вызванного им сотрясения воздуха, и мы почувствовали горячее и влажное дыхание животного, издававшего эти оглушительные звуки. Обернувшись, мы смутно увидели сквозь чащу качавшихся стеблей длинные очертания туловища у лунного чудовища.

Само собой разумеется, мне трудно сказать, что именно я увидел в то время, так как тогдашние мои первые впечатления были исправлены и дополнены последующими наблюдениями. Прежде всего мне бросились в глаза огромные размеры животного: обхват его тела, казалось, был не менее восьмидесяти, а длина туловища не менее двухсот футов. Бока его вздувались и опадали от тяжкого дыхания. Я заметил, что его исполинское мягкое, лишенное почти всякой упругости тело покоилось во всю длину на земле, и кожа у него была морщинистая, в складках, и белого цвета, только на спине черная. Ног же его не было видно. Мне кажется, что мы видели

еще тогда хотя профиль его почти безмозглой головы, с толстенной шеей, мокрым, всепожирающим ртом, маленькими ноздрями и крепко зажмуренными глазами (это чудовище всегда закрывает глаза от солнечного света). Мы мельком видели его необъятную красную пасть, когда оно разинуло рот, чтобы поблеть и помычать немного; мы ощущали дыхание этой пасти; затем чудовище поплелось дальше, как судно, которое волокут по отмели, стягивая в бесчисленные складки всю свою шкуру; таким образом оно прошло мимо нас, проложив тропу среди кустарника и быстро скрывшись из наших глаз в густой чаще. За ним появилось другое такое же чудовище, на большем от нас расстоянии, за ним еще и еще несколько, и, наконец, промелькнул селенит, как будто направлявший эти одушевленные массы говядины к пастбищу. Я судорожно уцепился за ногу Кавора при виде этого лунного обитателя; мы замерли на месте и долго смотрели в ту сторону, когда он уже скрылся у нас из виду.

В сравнении с чудовищами он казался пигмеем, муравьем, едва ли достигавшим 5 футов роста. На нем была одежда из какого-то особого вещества вроде кожи, так что никакой части его тела не было видно; но тогда мы об этом, конечно, не знали. Он имел вид плотного щетинистого существа, представлявшего какое-то подобие суставчатого насекомого, с длинными бичеобразными щупальцами и доходившими до пят руками, вылезавшими из цилиндрического туловища. Форма его головы была скрыта огромным, усаженным острыми гвоздями, шлемом — впоследствии мы узнали, что он пользовался этими остриями для бодания упрямых чудовищ, — и на металлическом забрале красовались окуляры из темного стекла. Долговязые руки его болтались по бокам, и он бодро держался на коротких ногах, которые, хотя и были обернуты чем-то, казались, на наш земной взгляд, крайне неуклюжими. У них были слишком короткие бедра, неимоверно длинные голени и маленькие ступни.

Несмотря на это, повидимому, тяжелое одеяние, он шел, с земной точки зрения, очень большими шагами и размахивал все время руками. Его походка в ту минуту, когда он проходил вдали мимо нас, изобличала поспешность и некоторый гнев; вскоре после того, как мы потеряли его из виду, протяжное мычание чудовища перешло вдруг в короткий и резкий визг. Звуки удалялись от нас, становились все тише и, наконец, совсем смолкли, вероятно, потому, что пастбища были достигнуты.

Мы прислушивались — везде в лунном мире царила тишь; тогда мы поползли снова, в поисках за пропавшим шаром.

Когда мы опять увидели чудовищ, они находились довольно близко от нас, на громадном обвале. Пологие бока скал густо поросли каким-то

растением, с зелеными, пятнистыми листьями, которые и ошипывались чудовищами. Мы остановились на опушке чащи, по которой ползли, в виду чудовищ, наблюдая их и посматривая кругом, нет ли где селенита. Чудовища лениво развалились, жадно и шумно пожирая корм. Они представлялись жирными тушами, крайне неуклюжими и неповоротливыми, так что смитфильдский бык в сравнении с ними был бы образцом проворства. Их искривленные, жующие рты и зажмуренные глаза, вместе с аппетитными звуками чавканья, производили впечатление животного наслаждения, которое подействовало на нас очень возбуждающе при наших пустых желудках.

— Это свиньи! — воскликнул Кавор, с необычайной живостью. — Отвратительнейшие свиньи!

И бросив на чудовищ сердитый и завистливый взгляд, он пополз через кусты вправо. Я же задержался достаточно долго, чтобы убедиться, что растение, пожираемое чудовищами, совершенно непригодно для человеческого питания; затем я пополз вслед за Кавором, грызя конец стебля от этого растения.

Теперь мы были опять остановлены появлением вблизи нас селенита, и на этот раз могли лучше его рассмотреть. Мы увидели, что верхний покров его действительно был костюмом, а не скорлупой, как у раковидных животных. По виду он был совершенно похож на ранее виденного нами мельком селенита, с той лишь разницей, что у этого еще на затылке болтались какие-то косички. Он стоял на выступе скалы и поворачивал голову в ту и другую сторону, как бы осматривая кратер. Мы притаились неподвижно, боясь привлечь его внимание нашим ползанием. Постояв несколько времени, он повернулся и исчез.

Далее мы наткнулись на другое стадо мычавших чудовищ, поднимавшееся по скату оврага; потом мы проходили через место, где раздавались звуки, похожие на стук машин, как будто какая-то огромная фабрика находилась недалеко от поверхности. Пока эти звуки еще доносились до нас, мы достигли окраины большого открытого пространства, пожалуй до двухсот ярдов в диаметре. Если не считать лишаев, кое-где высунувшихся мысками по краям его, вся площадь была совсем голая, усеянная лишь желтоватой пылью. Сначала мы боялись пуститься по этой пыльной равнине, но так как она представляла менее препятствий нашему ползанию, чем непролазный колючий кустарник, то мы, наконец, решились спуститься на нее, и начали осторожно прокрадываться вдоль края.

На некоторое время подземный гул прекратился, и всюду, помимо

слабого шороха от быстро развивавшейся буйной растительности, было совсем тихо. Потом вдруг раздался снова стук, более громкий и более резкий, чем слышанный ранее. Стук этот, несомненно, исходил откуда-то снизу. Инстинктивно мы плотно прижались к почве, готовые при малейшей опасности нырнуть в соседнюю чащу. Каждый удар вибрировал, как будто пронизывая наши тела. Все громче и громче становился стук, и все усиливалась эта порывистая вибрация, пока, наконец, весь лунный мир не пришел в какое-то мерное содрогание, подобное биению пульса.

— Прячьтесь! — прошептал Кавор, и я шмыгнул по направлению к кустам.

В этот момент раздался оглушительный удар, словно выстрел из пушки, и затем... произошел эпизод, воспоминание о котором и теперь еще часто тревожит меня в сновидениях... Я повернул голову, чтобы посмотреть на Кавора, и по обыкновению протянул руку вперед, но — о ужас! — рука моя не встретила ничего, погрузилась внезапно в зияющую бездну!

Я ударился грудью о что-то твердое, и мой подбородок очутился на краю неизмеримой пропасти, внезапно разверзшейся подо мною; моя рука была протянута в пустое пространство. Вся эта плоская, кругообразная равнина была ни что иное, как гигантская крышка, сдвигающаяся теперь с шахты, которую она прикрывала, в приготовленную для нее выемку.

Если бы не Кавор, поспешивший ко мне на помощь, я, вероятно, так и остался бы, оцепенелый, в этом положении, повиснув на краю огромной пропасти, пока бы не был увлечен в ее бездну. Но Кавор, по счастью, не испытал впечатления, парализовавшего меня. Он был немного далее меня от края, когда крышка начала отодвигаться, и, заметив опасное положение, в котором я очутился, схватил меня за ноги и оттащил в сторону. Я пополз прочь от края на четвереньках, затем привстал, шатаясь, и побежал за Кавором по гремящему и трясущемуся металлическому листу. Повидимому, это было колебание с постоянно возрастающей скоростью, и кусты впереди меня как будто уносились в сторону, по мере того, как я бежал.

Вскоре спина Кавора исчезла в густой чаще, и пока я карабкался вслед за ним, чудовищная покрывка со звоном задвинулась совершенно. Долгое время лежали мы, затаив дыхание и не смея приблизиться к отверстию шахты.

Но, наконец, как нельзя осторожнее, мы приползли на позицию, откуда можно было посмотреть вниз. Кусты вокруг нас трещали и колыхались от ветра, дувшего в шахту. Сначала мы не видели ничего, кроме гладких,

отвесных скал, падавших в непроницаемый мрак; но потом понемногу заметили внизу массу едва уловимых огоньков, перебежавших туда и сюда.

На время эта таинственная пропасть поглотила все наше внимание, так что мы даже забыли о нашем шаре. Когда глаза наши достаточно привыкли к темноте, мы могли разглядеть крохотные прозрачные фигурки, двигавшиеся между этими тускло светящимися точками. Ошеломленные, не веря своим глазам, мы молча наблюдали это явление, настолько непонятное для нас, что мы не знали, что и подумать. Мы не могли различить ничего, что бы дало нам указание на значение этих копошившихся на дне пропасти фигурок.

— Что бы это могло быть? — спросил я.

— Горный промысел!.. Они, должно быть, проводят ночь в этих пещерах, а днем выходят на поверхность.

— Кавор, — сказал я, — может быть, это некоторое подобие людей?

— Нет, это не люди. Нельзя особенно рисковать!

— Нам нельзя ничего делать, пока не найдем шара.

Он согласился со вздохом и, осмотревшись кругом, указал управление. Мы стали пробираться вновь через чащу. Первое время мы ползли решительно, но затем энергия наша стала ослабевать. Вдруг между большими кустами послышались топот и раздались крики вокруг нас. Мы приостановились и легли пластом; звуки долго раздавались то тут, то там, и временами очень близко к нам подходили. Но в это время мы не видали ничего. Я попробовал было шепнуть Кавору, что едва ли долго буду в состоянии продолжать путь без пищи, но мой рот чересчур пересох для шептания.

— Кавор, — сказал я, — мне нужно подкрепиться.

Он обернулся и с ужасом посмотрел на меня.

— Надо потерпеть! — сказал он.

— Но мне необходимо утолить жажду, — настаивал я. — Взгляните на мои губы!

— Я тоже иногда чувствую жажду.

— Ах, если бы остался хоть кусочек того снега!

— Нет, он растаял весь до-чиста! Мы перенеслись из арктического пояса в тропический, со скоростью одного градуса в минуту...

Я стал глотать руку.

— *Шар!* — сказал Кавор. — В нем одно наше спасение.

Подстрекаемые надеждой отыскать шар, мы с удвоенной энергией пустились в дальнейшее странствование ползком. Мои мысли были

всецело устремлены на различные яства, на шипучие и пенистые прохладительные напитки; в особенности мне страстно хотелось пива. Я вспомнил о ящике пива, который остался у меня на погребке в Лимпне. Припомнилась мне также и соседняя кладовая с съестными припасами, между которыми были особенно соблазнительны для меня в ту минуту кусок говядины и паштет из почек, т. е. нежный бифштекс и пирог, полный почек, с густой и сочной подливой. Припадки голодной зевоты начали одолевать меня чаще и чаще. Мы выбрались на ровные места, покрытые красными, мясистыми растениями, на подобие коралла, которые с треском разламывались от легкого толчка. Я поглядел на поверхность излома. Проклятое растение, несомненно, имело удобнокусаемую ткань. Затем мне показалось, что оно и пахнет весьма недурно.

Я отломил сучок и стал его нюхать.

— Кавор! — воскликнул я хриплым голосом.

Он взглянул на меня. Лицо его искривилось в улыбку.

— Нельзя, — сказал он.

Я бросил сучок, и мы продолжали пробираться ползком через эти заманчивые мясистые растения.

— Кавор, — спросил я, — почему *нельзя*?

— Это ядовитые растения, — ответил он, не оборачиваясь.

Мы проползли еще порядочное пространство, наконец, я не решился.

— Я все-таки попробую, — сказал я.

Он сделал запоздалый жест, чтобы отклонить меня от моего намерения. Но я уже набил себе полный рот. Он присел, наблюдая мое лицо; его собственное лицо страшно исказилось.

— Это недурно, — сказал я.

— О, Господи! — вскричал он.

Он наблюдал, как аппетитно я чавкаю; на лице его выражалось колебание между желанием и запретом; наконец, он не выдержал и, в свою очередь, жадно накинулся на эту предательскую снедь.

Пожираемое нами растение несколько походило на земные грибы, но ткань его была гораздо более рыхлая, и при проглатывании оно першило в горле. В начале мы испытывали просто механическое удовлетворение от наполнения пустоты в желудке, потом кровь у нас стала двигаться быстрее, и мы ощутили зуд на губах и в пальцах; затем новые и довольно несуразные идеи ключом забили в нашем мозгу.

— Тут хорошо, — сказал я, — адски хорошо! Какое прекрасное жилище для избытка нашего населения! Для нашего несчастного лишнего населения!

И я наломал себе новую приличную порцию.

Мысль, что на луне есть такая хорошая пища, наполнила мою душу несказанным восторгом. Удрученное состояние духа, вызванное голодом, сменилось теперь беспричинною радостью и веселостью. Страх и скверное состояние, в котором я жил до этого времени, исчезли бесследно. Я смотрел уже на луну не как на планету, с которой желательно бы поскорее убраться, а как на чудное прибежище для обездоленного человечества. Я, кажется, забыл совершенно о селенитах и о лунных чудовищах, и о проклятой крышке шахты и о пугавших нас звуках, едва только отведал лунных грибов.

Кавор в ответ на мое повторенное в третий раз замечание об «избыточном населении», ответил словами одобрения. Я почувствовал головокружение, но приписал это возбуждающему действию пищи после долгого поста.

— Великолепное открытие ваше, Кавор! — сказал я. — Оно уступает только картофелю.

— Что вы хотите сказать? — удивился Кавор. — Открытие луны, уступающее только картофелю?!

Я посмотрел на него, удивленный хрипотой его голоса и несвязным выговором произносимых им слов. Я мигом сообразил, что он опьянел, вероятно, от этого предательского гриба. Я сообразил также, что он заблуждается, полагая, будто открыл луну, — он только добрался до нее. Я положил руку на его плечо и попробовал разъяснить ему это обстоятельство, но мои объяснения оказались слишком мудреными для его мозга. Да и мне было трудненько объясняться. После минутной тщетной попытки уразуметь мои слова — припоминаю, что от грибов глаза у меня, как и у него, стали похожи на рыбы, — он пустился в разглагольствование на свою собственную тему.

— Мы, — объявил он, торжественно икая при этом, — существа, созидаемые нашей пищей и питием.

Он повторил эту сентенцию, и так как я в этот момент был в настроении, склонном к лукавому мудрствованию, то решил оспаривать такое положение. Возможно, что я немного уклонился в сторону от предмета, но Кавор все равно вовсе не слушал меня. Он с усилием поднялся на ноги, опираясь рукой о мою голову, и стоял, озираясь кругом, повидимому, вполне чуждый страха перед лунными обитателями.

Я пытался доказывать, что так стоять опасно, по причине, не особенно ясной для меня самого; но слово «опасно» как-то спуталось у меня со словом «нескромно» и вышло что-то похожее на слово «нахально»;

попытавшись распутать эти понятия, я резюмировал свои доводы, обращаясь преимущественно к посторонним, но более внимательным слушателям — к коралловидным растениям, стоявшим по обе стороны нашего привала. Я чувствовал, что необходимо разом выяснить эту путаницу между луной и картофелем, и пустился в пространные рассуждения о важности точного определения употребляемых в доказательство выражений. При этом я старался игнорировать тот факт, что мои физические ощущения не были уже так приятны, как в первый момент после трапезы.

Каким-то путем, не припомню, мой ум вновь вернулся к проекту колонизации.

— Мы должны аннексировать эту луну, — сказал я. — Тут не должно быть никаких сомнений и колебаний. Это часть миссии белого человека. Кавор, мы — *his!* — сатапы!.. Я хочу сказать сатрапы. Это империя, о какой не мечтал даже Цезарь... Будет пропечатано во всех газетах. Ко... компания Кавореция. Бедфордеция. Бедфордеция. *His* — ограниченная... Я хочу сказать — неограниченная.

Очевидно, я был пьян. Я пустился в перечисление всех бесконечных благодеяний, которые наше прибытие может принести луне, причем запутался в сложных доказательствах, что прибытие Колумба было, в конце концов, благотельно для Америки; наконец, я забыл, что, собственно, намеревался доказать и продолжал повторять: «Подобно Колумбу, подобно Колумбу», чтобы заполнить паузу.

С этого момента мои воспоминания о действиях гнусного гриба становятся туманными. Я едва помню, что мы выказали намерение не выносить глупых выходок со стороны каких-то идиотских насекомых, и решили, что для нас позорно прятаться здесь, на каком-то *спутнике* земли; помню также, что мы запаслись большими охапками коралловых грибов, не знаю, для метательных ли целей или так, просто, на всякий случай, и, не обращая внимания на уколы колючих кустарников, пустились в дальнейшее странствие к солнечному свету.

Почти тотчас же нам пришлось натолкнуться на лунных жителей — селенитов. Их было шестеро, они шли гуськом по каменистой равнине, издавая несодеятельный писк и визг. Повидимому, они сразу заметили нас, мгновенно все смолкли и остановились, как вкопанные, повернувшись лицом в нашу сторону.

Я вмиг отрезвился.

— Насекомые, — пробормотал Кавор, — насекомые! И они воображают, что я буду ползать перед ними на животе, на моем

позвоночном животе! На животе! — повторил он с негодованием.

Затем вдруг с бешеным криком он сделал три размашистых шага и прыгнул по направлению к селенитам. Прыгнул он неважно: несколько раз перекувырнулся в воздухе, покружился как раз над самыми насекомыми, и исчез, громко шлепнувшись где-то среди пузатых кактусов. Как отнеслись селениты к этому ошеломившему их и, на мой взгляд, неблагородному вторжению непрошенного гостя с иной планеты — не сумею сказать. Припоминается мне только вид их спин, когда они разбежались в различные стороны... а впрочем, не утверждаю это положительно. Все последние инциденты перед наступившим у меня потом беспамятством оставили в моем мозгу очень слабое и неясное впечатление. Знаю только, что я сделал шаг, чтобы последовать за Кавором, но споткнулся и растянулся во весь рост между камнями. Нет сомнения, мне внезапно сделалось дурно, и я утратил сознание. Кажется, происходила жесткая схватка, отчаянная борьба, и в результате я очутился в каких-то железных объятиях.

.....

Мои последующие ясные воспоминания застают нас уже пленниками на неведомой глубине под лунной поверхностью; мы пребывали в непроглядном мраке, среди странных, неведь откуда исходивших звуков; тело у нас было покрыто царапинами и шишками, голова же трещала от боли.

Глава XII

Лицо селенита

Я очутился сидящим на корточках во мраке, наполненном шумом. Долго я не мог понять, где я и как я попал в это затруднительное положение. Я вспомнил о чулане, в который меня иногда запирали в детстве, затем о темной и шумной спальне, в которой я лежал однажды, когда был болен. Но эти раздававшиеся кругом меня звуки не были похожи ни на какой мне известный; кроме того, здесь в воздухе было распространено благовоние, напоминавшее запах скотного двора. Затем мне показалось, что мы еще за работой над сооружением шара и что я за чем-то вошел в погреб Каворова дома. Но тут я припомнил, что мы уже кончили наш шар, и я подумал, что мы, должно быть, еще в шаре и странствуем по поднебесью.

— Кавор, — сказал я, — нельзя ли нам осветиться?

Ответа не последовало.

— Кавор! — настаивал я.

Вместо ответа слышались стоны.

— Моя голова! — прошептал он. — Ох, как болит у меня голова!

Я хотел было приложить руки ко лбу, тоже сильно болевшему, но оказалось, что они у меня связаны. Это страшно испугало меня. Я поднес их к губам, и почувствовал прикосновение холодного гладкого металла. Руки мои были скованы. Я попробовал раздвинуть ноги, но и они оказались в оковах; затем я убедился, что, кроме того, я был прикован к полу еще более толстой цепью, обернутой вокруг моего туловища.

Меня охватил такой страх, какого я еще ни разу не испытывал в прежних наших похождениях и несчастьях.

— Кавор, — громко завопил я, — почему я связан? Зачем вы связали меня по рукам и по ногам?

— Я не связывал вас, — отвечал он. — Это — селениты.

Селениты! Мой ум уцепился за это слово на некоторое время. Затем и вся память вернулась ко мне: безжизненная снежная пустыня, таяние мерзлого воздуха, быстрое прозябанье растений, наше странное прыгание либо ползание среди скал и растительности кратера. Вся тягость наших неистовых поисков за исчезнувшим шаром отчетливо вспомнилась мне... Наконец, открывание большой крышки, находившейся над шахтой!

Затем, когда я силился припомнить наши последние действия вплоть до печального положения, в котором мы очутились, моя головная боль стала совсем нестерпимой. Я уперся как бы в неодолимую преграду, в безвыходный тупик.

— Кавор!

— Что?

— Где мы?

— Почему я знаю.

— Мы умерли?

— Какая чушь!

— Значит, они нас взяли в плен?

Он ничего не ответил, только сердито проворчал что-то. Продолжавшееся еще легкое действие яда сделало его, повидимому, крайне раздражительным.

— Что вы намерены делать?

— Почему же я знаю.

— Да, конечно, — пролепетал я и замолчал.

Однако, я вышел из оцепенения, в котором пребывал так долго.

— Боже мой, — вскричал я, — хоть бы вы прекратили ваше гуденье!

Мы снова погрузились в молчание, прислушиваясь к глухому сочетанию странных звуков, напоминавшему гул многолюдной улицы или фабрики. Сначала я не мог разобраться в этом хаосе, но после долгого прислушиванья стал различать новый и более резкий элемент, выделявшийся среди других звуков. Это был ряд последовательных, довольно неопределенных созвучий, легких ударов и шорохов, вроде шуршания неподвязанной ветки плюща, бьющейся об окно, или порхания птицы в клетке. Мы прислушивались и напрягали зрение, стараясь разобрать что-нибудь, но темень была непроглядная. Затем послышался звук, напоминавший осторожное повертывание ключа в замке. И, наконец, передо мной сверкнула, как бы вися в бездне мрака, тонкая светлая линия.

— Смотрите! — тихо прошептал Кавор.

— Что это такое?

— Не знаю.

Мы вытаращили глаза.

Тонкая светлая линия превратилась в более широкую полосу и стала бледнее. Явление приняло вид голубоватых лучей, падающих на белую стену. Бока светлой полосы перестали быть параллельными; образовалась глубокая выемка на одной стороне. Я обернулся, чтоб указать на это Кавору, и был немало поражен, увидав его ухо ярко освещенным, — вся же

остальная фигура оставалась в тени. Я повертывал голову, насколько мне позволяли мои оковы.

— Кавор, — проговорил я, — это за нами.

Ухо его исчезло, уступив место глазу.

Вдруг щель, пропускавшая свет, еще больше расширилась и оказалась просветом отворяющейся двери. Снаружи распахнулась яхонтовая перспектива, и в дверях стояла странная фигура, силуэт которой резко обрисовывался при ярком свете.

Мы оба делали судорожные усилия, чтобы повернуться, и, не успев в этом, сидели, глаза через плечо на диковинное явление. Сначала, по первому впечатлению, я подумал, что перед нами стоит какое-нибудь неуклюжее четвероногое с опущенной вниз головой; но вскоре разглядел, что это была тщедушная фигура селенита, с короткими и чрезвычайно тонкими, кривыми ногами, с головой, вдавленной меж плечами. Этот был без шлема и без верхней одежды.

Мы видели перед собой лишь темную фигуру, но инстинктивно наше воображение наделяло ее человеческими атрибутами. Я заметил, что он несколько сутуловат, что лоб у него высокий, а лицо продолговатое. Селенит сделал три шага вперед и остановился на минуту. Движения его были совершенно бесшумны. Затем он еще чуть-чуть подвинулся. Ходил он по-птичьи — ноги его ступали одна перед другой. Он вышел из полосы света, проникавшего через дверь, и словно утонул в тени. Некоторое время мои глаза тщетно искали его; потом я увидел его стоящим уже против нас в ярком свете. Однако, человеческие черты, какие я ему приписывал, совершенно отсутствовали. Передняя часть его лица как будто провалилась и представляла из себя впадину. Конечно, я должен был ожидать этого, но все-таки не приготовился, и такое открытие ошеломило меня. Казалось, что это совсем не лицо, а какая-то безобразная маска, похожая скорее на шлем с забралом... Я не умею лучше объяснить описываемое мною зрелище. Случалось ли вам видеть голову какого-нибудь насекомого в большом увеличении? Тут не было ни носа, ни малейшего выражения, все выглядело блестяще, жестко и окаменело, с выпуклыми, шарообразными глазами, которые сначала, на тени, я принял было за уши... Я пробовал нарисовать такую голову, но это мне решительно не удавалось. Главное затруднение тут — это полнейшее отсутствие выражения или, вернее сказать, полнейшее отсутствие перемен в выражении. Похоже было, как будто перед нами стоит и смотрит на нас машина. Таков был субъект, явившийся и уставившийся прямо на нас! Но если я говорю об отсутствии изменчивости в выражении, то это не значит, чтобы на лице селенита не было своего рода

определенного, застывшего выражения, как есть своего рода известная мина у угольного ящика или у парового вентилятора. Тут выделялся особенно рот, вроде человеческого, на свирепом глядевшем лице...

Шея, на которой болталась голова, расчленялась на три сустава, очень напоминавшие короткие членики в ноге краба. Суставов в конечностях у селенита я не мог видеть: они были обмотаны чем-то вроде ремней или полосок какой-то ткани, составлявших единственную одежду нашего визитера.

В то время мой ум весь был поглощен мыслью о нелепой фигуре этого создания. Полагаю, что и селенит был изумлен — может быть даже, с большим основанием, чем мы. Только он, негодяй, не выказывал этого! Мы понимали, чем вызвано это свидание несовместимых существ. Вообразите, как были бы, например, поражены почтенные лондонцы, натолкнувшиеся на пару живых существ, величиною с человека, но абсолютно не похожих ни на какое земное животное и бегущих среди овец в Гайд-парке!

Такое же изумление должен был испытывать и он при виде нас, пришельцев с другой планеты.

Представьте же себе нас в нашем тогдашнем виде! Скованные по рукам и ногам, измученные и грязные, обросшие длинной бородой, с исцарапанными до крови лицами. Кавора вы должны вообразить в его велосипедных брюках, продранных во многих местах шипами колючего кустарника, в его егеровской рубашке из сосновой шерсти и в старенькой фуражке крикетиста, со взъерошенными волосами, беспорядочно торчащими во все четыре страны света. При тамошнем голубом освещении лицо его выглядело не красным, как обыкновенно, а совершенно темным; его губы и запекшаяся кровь у него на руках казались вовсе черными. Я, если возможно, находился еще в худшем виде, чем он, потому что был вдобавок ко всему осыпан желтыми спорами грибовидных растений, среди которых мне пришлось рыскать. Пиджаки наши были расстегнуты, штиблеты сняты и лежали у наших ног. Мы сидели спиной к фантастическому голубоватому свету, уставившись глазами в чудовище, какое разве только Дюрер мог измыслить.

Кавор первый прервал молчание, он начал что-то говорить, но у него страшно хрипело в горле, и он стал отхаркиваться. Тогда снаружи раздалось вдруг боязливое мычанье, словно какой-нибудь лунный теленок испугался чего-то. Мычанье закончилось пронзительным визгом, и снова кругом воцарилась мертвая тишина.

Селенит повернулся, юркнул снова в тень, показался на миг у входа, спиною к нам, и захлопнул дверь за собою. Мы опять очутились в

таинственном мраке, наполненном странными звуками, во мраке, приветствовавшем наше печальное пробуждение.

Глава XIII

Мистер Кавор высказывает кое-какие соображения

Некоторое время никто из нас не говорил ни слова. В общем все, что мы навлекли на себя, казалось мне выше моего понимания.

— Они нас поддели, — проговорил я, наконец.

— А все этот гриб.

— А если б я не съел его, мы б ослабели и подохли.

— Мы могли бы отыскать шар.

Я вышел из терпения от упрямства Кавора и выругался про себя. Некоторое время мы молча ненавидели друг друга. Я барабанил пальцами по почве, находившейся у меня под ногами, и тер одно о другое звенья моих кандалов. Наконец, я вынужден был заговорить снова.

— Во всяком случае, что же вы думаете делать? — смиренно спросил я Кавора.

— Это — разумные существа, они умеют устраивать различные штуки и производят нечто. Эти огоньки, виденные нами...

Он запнулся. Было ясно, что отсюда он ничего не мог вывести.

Когда он заговорил снова, то признал только следующее:

— В конце концов они более человечны, нежели мы вправе были ожидать. Я полагаю...

И Кавор умолк, раздражая мое нетерпение.

— Да?

— Вообще я полагаю, что на всякой планете, где есть разумные существа, они имеют вертикальную грудную клетку и обладают руками и ходят выпрямившись... — Затем его мысли переменили направление. — Мы находимся некоторым образом внутри планеты, на глубине нескольких тысяч футов, если не более.

— Почему?

— Здесь холоднее. И наши голоса раздаются в соответственной мере громче. Ощущенье усталости также исчезло, и шум в ушах, и спазмы в горле.

Я этого раньше не замечал, но теперь убедился, что он прав.

— Да.

— Воздух сделался гуще; мы находимся, вероятно, на большой

глубине, пожалуй, даже на расстоянии мили от поверхности луны.

— А мы ведь и не вообразаем, что существует целый мир внутри луны.

— Нет.

— Да и как мы могли бы?

— О, мы бы могли, только ум любит действовать по привычке! — Кавор задумался на некоторое время. — Теперь, — сказал он, — это представляется само собою неоспоримым. У луны имеется, должно быть, множество пещер с атмосферой внутри их; а в центре этих пещер расположено озеро. Все знали, что луна имеет меньший удельный вес, чем земля, знали, что снаружи у нее не особенно много воздуха или воды, знали также, что это — планета, родственная земле, и невероятно, чтобы она имела иной состав. Масса трубчатого вида логически вытекала отсюда, ясно, как день; однако же, никто не признал этого факта. Кеплер, конечно... — В тоне Кавора послышался теперь интерес человека, напавшего на любопытный вывод в своих размышлениях. — Да, — проговорил он, — Кеплер со своими *подпочвенными* пустотами оказался в конце концов прав.

— Хорошо бы было, если б вы побеспокоились об этом раньше.

Он ничего не отвечал, только тихонько гудел про себя, отдавшись, повидимому, течению своих мыслей. Мое терпение подходило к концу.

— Что же, однако, вы думаете, произошло с шаром? — донимал я Кавора.

— Потерялся, — ответил он, как человек, отделяющийся от неинтересного вопроса.

— Среди тех кустарников?

— Если только *они* не нашли его.

— И тогда?

— Почему я знаю.

— Кавор, — проговорил я с истерической нотой, — дело представляется в очень блестящем виде для моей Компании...

Он не ответил ни слова.

— Боже милосердный, — воскликнул я, — только подумать обо всех тягостях, перенесенных нами ради того, чтобы попасть в эту яму! Что же теперь с нами станет? Куда нам деваться? Что такое луна для нас или мы для луны? Мы захотели слишком многого, покусились чересчур дерзко. Нам бы следовало начать с более мелких предприятий. Это вы предложили луну. С ними каворит мигом бы справился. Я уверен, что мы могли бы воспользоваться им для земных целей. Ну да, разумеется! Поняли ли вы на

самом деле, что я предлагал? Стальной цилиндр...

— Чушь! — возразил Кавор.

Мы прекратили разговор.

Спустя некоторое время Кавор стал продолжать прерванный монолог, хотя без особенного содействия с моей стороны.

— Если они найдут шар, — начал он, — если они найдут его... что они будут с ним делать? Да, *вот в чем вопрос*; в этом-то именно и есть вопрос... Они, во всяком случае, не поймут, что это такое. Если бы они понимали такого рода вещи, то уж давно бы примчались к нам на землю. А полетели бы они? Почему же нет! Или прислали бы что-нибудь к нам? Они не могли бы удержаться от подобной возможности. Нет; но они станут разглядывать шар. Несомненно, что это разумные и вдумчивые существа; они станут разглядывать его, войдут внутрь, начнут играть кнопками и фррр... то есть луна останется для нас обиталищем на всю жизнь! Какие странные существа! Какие странные сведения!..

— Что касается странных сведений... — проговорил я, но язык застрял у меня в горле.

— Послушайте же, Бедфорд, — сказал Кавор, — ведь вы отправились в эту экспедицию по собственной доброй воле.

— Вы толковали мне о ней, называя это исследованием.

— Но всегда же есть риск в исследованиях.

— В особенности когда их предпринимают, ничем не вооружившись и не думая о возможных последствиях.

— Я всецело был поглощен мыслью о шаре, когда события застигли нас и отшвырнули от цели.

— Застигли *меня*, хотите вы сказать.

— И меня точно так же. Как мог я знать, принимаясь за исследования по молекулярной физике, что судьба забросит меня сюда, в такую даль от всего?

— И все эта проклятая наука! — завопил я. — Она сущий дьявол! Средневековые фанатики и священники были правы, а современное человечество в заблуждении. Вы обращаетесь к науке, как к целебному средству, и она же подносит вам яд, и едва вы его приняли, вас разрывает на куски самым неожиданным образом. Это старые страсти, но с новым оружием. То они ниспровергают всю вашу религию, то социальные идеи, то повергают вас, как теперь, в отчаяние и муки!

— Во всяком случае, вам не из-за чего со мною ссориться. Эти существа, эти селениты, или как бы мы их не называли, поймали нас, связав по рукам и ногам. Какое бы средство мы ни избрали, чтобы

освободиться, во всяком случае надо с этим считаться... Нам предстоят опыты, требующие всего нашего хладнокровия.

Кавор остановился, как бы ожидая от меня подтверждения, но я сидел, насупясь.

— Будь она проклята, ваша наука! — пробормотал я.

— Задача состоит теперь в установлении общения. Жесты, как я опасаясь, окажутся здесь непохожими на наши. Указывание, например. Ни одно существо, кроме человека и обезьяны, не указывает пальцем.

По моему, это было совершенно неверно.

— Но почти каждое животное, — закричал я, — указывает глазами или носом!

Кавор задумался над этим.

— Да, — согласился он, наконец, — а мы так не делаем; тут столько различий, столько различий!.. Следовало бы... но как я стану разговаривать? У них есть речь — звуки, производимые ими, что-то вроде свиста или писка. Не знаю, как мы сумеем подражать; это ведь их разговор, такие звуки. Но у них могут быть также иные внешние чувства и средства к общению. Конечно, у селенитов есть души, и у нас тоже есть; так должно же оказаться что-нибудь общее; но кто знает, как далеко мы сможем зайти в понимании друг друга.

— Это для нас недоступно, — проговорил я. — Они более от нас отличаются, чем самые диковинные животные на земле. У них совсем другой тип. Нечего и толковать тут.

Кавор задумался.

— Я этого не скажу; раз у них есть души, то, наверное, есть что-нибудь *схожее* с нами, хоть они и живут на другой планете. Конечно, если бы тут шла речь только об инстинкте, если бы мы или они были только животными...

— Да они и есть, пожалуй, только животные; они гораздо более похожи на муравьев, поставленных на задние лапки, нежели на человеческие существа. А кто же когда-нибудь мог установить духовное общение с муравьями?

— Но эти приспособления и одежды... нет, я не согласен с вами, Бедфорд; разница, конечно, велика...

— Она неодолима.

— Но сходство должно пересилить. Я припоминаю, что читал когда-то статью покойного профессора Гальтона о возможности сообщения между планетами. К сожалению, в то время мне не казалось вероятным, чтобы отсюда могла проистечь для меня материальная польза, и боюсь, что я не

оказал ей должного внимания, ввиду нынешнего стечения обстоятельств, однако... дайте мне теперь ее припомнить. Мысль Гальтона была та, что надо начать с общеизвестных истин, которые доступны всякому разумному существу и составляют основу его мышления. Так можно начать с великих принципов геометрии. Он предлагал взять какую-нибудь основную теорему Евклида и показать построением, что ее справедливость нам известна. Доказать, например, что углы у оснований равнобедренного треугольника равны, так что если начертить равные стороны, то углы будут одинаковы; или что квадрат гипотенузы прямоугольного треугольника равен сумме квадратов двух других сторон. Обнаруживая знание подобных вещей, мы покажем вместе с тем, что обладаем логическим разумом. Теперь предположите, что я... я мог бы начертить геометрическую фигуру мокрым пальцем или даже обозначить ее в воздухе...

Кавор запнулся и замолчал. Я сидел, обдумывая его слова. Некоторое время его безумная надежда на общение, на взаимное понимание с этими сказочными существами увлекла и меня; но затем злобное отчаяние, возникшее отчасти от моей усталости и физического недомогания, одержало окончательно верх: я ощутил внезапно с новою силой все крайнее сумасбродство того, что я сделал.

— Осел! — твердил я себе, — ах ты осел, неисправимый осел!.. Ты создан как будто лишь для того, чтобы жить задним умом... Зачем мы вылезли из шара?.. В надежде на патенты и концессии в лунных кратерах? Хоть бы у нас хватило смысла прицепить платок на палку, чтобы заметить место, где мы оставили шар...

И я замолчал, злясь невообразимо.

— Несомненно, — философствовал Кавор, — это разумные существа; поэтому можно установить заранее известные положения. Если они не убили нас сразу, то у них должно быть понятие о милосердии. Милосердие? Или, по крайней мере, о сдержанности; быть может, об обмене мыслей. Они могут к нам снова явиться. А эти пещеры и виденный нами пастух, а эти кандалы!.. Все высокая степень развития...

— Клянусь небом, — закричал я. — Мне пора бы одуматься! Одна ерунда за другою. Сначала одно сумасбродное путешествие, а затем и другое. Но я доверился вам! Зачем я не корпел над своей пьесой! Вот к чему я был действительно способен; это была моя сфера, та жизнь, что я вел прежде, я мог бы окончить пьесу, я в том уверен, это была бы отличная пьеса! Сценарий у меня уж был почти готов, а тут... Подумайте только, скакнуть на луну! В практическом отношении я загубил свою жизнь. У той старухи в кентерберийском трактире было гораздо более здравого

смысла...

Но я взглянул вверх и замер среди своих сентенций. Мрак снова сменился голубоватым светом. Дверь была раскрыта, и несколько селенитов бесшумно вступили уж в комнату. Я совершенно притих, уставившись на их личинкообразные бесстрастные лица.

И вдруг тяжелое ощущение этой дикой галиматьи сменилось живым интересом: я заметил, что передний селенит и следующий за ним несут чаши. Насущную потребность, по крайней мере, наш ум постигал одинаковым образом. Это были чаши из какого-то металла, казавшиеся, как и наши кандалы, темными среди голубоватого света, и каждая заключала в себе некоторое количество белесоватых кусков. Все мрачные, тоскливые мысли, осаждавшие меня, вдруг исчезли, уступив место голоду. Я волчьими глазами впился в эти чаши, и — как будто все это происходило во сне — в те время мне не казалось особенно важным, что на конце рук, протягивавших мне эту чашу, находились не целые кисти, а лишь ладонь с большим пальцем, как на конце у слоновьего хобота.

Содержимое чаши была студенистая масса светло-бурого цвета, напоминавшая немного куски холодного воздушного пирога, притом с легким запахом, словно грибным. Судя по виденным нами тут же отделенным частям лунного зверя, я склонен думать, что мы лакомились чем-то вроде лунной телятины.

Мои руки были так крепко скованы, что я едва мог протянуть их к чаше, но когда селениты заметили делавшиеся мною усилия, то двое из них ловко ослабили некоторые звенья цепи, обвивавшей мою кисть. Их щупальцы-руки, касавшиеся меня, были мягки и холодны. Я тотчас ухватил горсть пищи. Она была такого же студенистого состава, как все, повидимому, органические ткани на луне; вкусом немного похожа на вафлю или влажный меренг, но во всяком случае была недурна. Я зацепил еще две горсти.

— Я хочу есть! — завопил я, хватая еще больший ком...

Некоторое время мы ели совершенно ни о чем не думая, просто ели и пили, как бродяги на кухне. Никогда в жизни, ни прежде, ни после, я не был голоден до такой степени, и, кроме того, я убедился на опыте, чему бы никогда прежде не поверил, что за четверть миллиона миль от нашего земного мира, среди ужасной душевной тревоги, окруженный со всех сторон зоркой стражей и чувствуя прикосновение существ, более несуразных и чуждых человеческого подобия, нежели самые дикие порождения кошмара, я все-таки был в состоянии есть, совершенно забыв о всем прочем. Селениты стояли вокруг нас, следя за нами и издавая время от

времени легкое, едва уловимое чириканье, заменявшее им, надо полагать, словесную речь. Я даже не вздрагивал при их прикосновении, а когда первый пыл насыщения миновал, я был в состоянии убедиться, что и Кавор уплетает с подобным же бесстыдством и непринужденностью.

Глава XIV

Опыты относительно обмена мыслей

Когда, наконец, мы окончили трапезу, селениты снова крепко скрутили нам руки, но распустили слегка цепи вокруг наших ног и вновь закрепили их так, чтобы дать нам некоторую свободу движений; затем они сняли цепи у нас с поясницы. Все это время они обращались с нами совершенно свободно; порою одна из их причудливых голов приближалась вплотную к моему лицу, и мягкие щупальцы трогали мою голову, либо шею. Мне не помнится, чтобы я пугался или чувствовал отвращения от такой близости. Я думаю, что наш неизлечимый антропоморфизм заставлял нас и тут воображать себе человеческие головы вместо жестких суставчатых масок. Кожа их, как и все прочее здесь, выглядела голубоватой, но это происходило от освещения; она была жесткая и блестящая, как тараканьи крылья. Она не обладала ни мягкостью, ни влажностью, ни волосистостью, как кожа у позвоночных животных. Вдоль головного гребня шел невысокий ряд беловатой щетины, от затылка до самого лба, и еще более широкие полосы щетины осеняли по обеим сторонам глаза. Развязывавший меня селенит пускал в ход и челюсти, помогая рукам.

— Они, повидимому, освобождают нас, — сказал Кавор, — помните же, что вы на луне; не делайте резких движений.

— А вы не попытаете пустить в ход свою геометрию?

— Если к тому будет случай; но, разумеется, они могут сделать первый шаг в этом направлении.

Мы оставались неподвижными, а селениты, окончив свои приготовления, стояли позади нас и, кажется, на нас глазели. Я сказал «кажется» потому что их глаза были по бокам, а не спереди головы, и направление их взглядов было так же трудно определить, как, например, у курицы или у рыбы. Они разговаривали друг с другом своими шуршащими звуками, которые мне представлялось невозможным воспроизвести или описать. Дверь позади нас раскрылась шире, и, глянув через плечо, я увидел широкое пустое пространство, в котором стояла, повидимому, небольшая кучка селенитов.

— Не желают ли они, чтоб мы воспроизвели эти звуки? — спросил я Кавора.

— Не думаю, — возразил он.

— Мне кажется, что они силятся что-то нам растолковать.

— Я не могу проделать ни одного из их жестов. Вы заметили, как один из них все время ерзает головой, точно человек с слишком узким воротником?

— Дернем и мы своими головами по направлению к нему.

Мы сделали это и, найдя недостаточным, попытались перенять некоторые другие движения селенитов. Это как будто их заинтересовало; во всяком случае, они все повторяли одни и те же самые движения; но так как это, повидимому, ни к чему не приводило, мы, наконец, прекратили свое занятие, и они тоже, заведя опять, пересвистываясь друг с другом, какую-то беседу. Затем один из них, немного поменьше и потолще прочих, с особенно громадным ртом, неожиданно шлепнулся на землю близ Кавора и сложил свои руки и ноги точно так же, как тот; затем ловким движением он встал во весь рост.

— Кавор, — воскликнул я, — они хотят, чтоб мы встали!

Тот глядел на них, разиня рот.

— Да, это правда, — проговорил он.

С большим трудом и с кряхтением, потому что руки у нас были связаны, мы попытались встать на ноги. Селениты очистили место для наших слоновобразных туловищ и защелкали как будто еще быстрее. Едва мы встали, как тучный селенит подошел к нам, похлопал каждого из нас щупальцами по лицу и двинулся вперед к раскрытой двери. Это также было довольно понятно, и мы последовали за ним. Мы увидели, что четверо селенитов, стоявшие в дверях, были выше остальных ростом и одеты совершенно так же, как те, что мы видели в кратере, а именно: в заостренных круглых шляпах и цилиндрических латах. При этом каждый из них имел древко с острием на конце и скобой из того же темного металла, как и чаша. Эти четверо селенитов конвоировали каждого из нас с обеих сторон, в то время как мы выходили из темницы в пещеру, откуда к нам проникал свет.

Пещера эта не произвела на нас ни малейшего впечатления: все наше внимание было поглощено движениями и позами селенитов, следовавших за нами по пятам, и необходимостью контролировать собственные наши движения; иначе мы могли бы метнуться вдаль, встревожив их и себя излишней стремительностью. Нами предводительствовало то же маленькое и толстое существо, которое разрешило задачу, как уговорить нас встать на ноги; оно двигалось с жестами, которые почти все нам казались понятными и приглашали следовать за ним. Его грибовидная физиономия поворачивалась то к одному из нас, то к другому, с быстротою, в которой

явно чувствовалось любопытство. Некоторое время, я повторяю, мы были всецело захвачены такого рода подробностями.

Но, наконец, перед нами открылась обширная площадь, составлявшая цель нашего странствия. Тут сделалось очевидным, что источником многих звуков, по крайней мере гула, наполнявшего наш слух с тех пор, как мы очнулись от опьянения грибом, являлось множество машин, находящихся в действии. Их взлетающие и вертящиеся составные части неясно виднелись через головы и просветы между туловищами селенитов, толпившихся вокруг нас; от этих механизмов исходило не только сплетение звуков, наполнявших собою воздух, но и особый голубой свет, озарявший всю площадь. Мы отнеслись, как к совершенно естественному явлению, к тому, что подпочвенные пещеры освещаются искусственным светом; даже теперь, хотя факт был у меня перед глазами, я не улавливал, в сущности, его серьезного значения, до тех пор, пока не наступил потом мрак. Системы и устройства большого виденного нами аппарата я не смогу объяснить: ни один из нас не изучал, что это была за история и как она работала. Крупные металлические валы мелькали один за другим, руководимые центром, и их концы описывали, как мне казалось, параболическую линию. Каждый из таких валов ударял по какому-то движущемуся стержню, в то время как тот поднимался до самого верха, и погружал его обратно в вертикальный цилиндр, опускавшийся в свою очередь, под этим давлением; когда каждый из трех поршней падал, раздавались звон, треск, и из вершины вертикального цилиндра выбрызгивало светящееся вещество, которое озаряло всю площадь, переливаясь через край, как молоко из кипятившегося горшка, и струилось сверкающим потоком в блестящий бассейн, расположенный внизу. Это был холодный голубой свет, напоминавший сияние фосфора, но несравненно ярче; а из бассейна, куда впадал поток, он распространялся через каналы по всей пещере.

Дзуд, дзуд, дзуд, шумели мелькающие поршни этого непостижимого аппарата, и со свистом выбрасывалось сверкающее вещество. Сначала все это показалось мне не особенно обширным и похожим на наши аппараты, но затем я увидел, как необычайно малы были селениты в сравнении с этим механизмом, и я постиг громаднейшие размеры пещеры и световой машины. Перед этим содрогающимся чудовищем я с особым уважением поглядел на лица селенитов и остановился, так же как Кавор, чтобы рассмотреть удивительный механизм.

— Но это поразительно! — воскликнул я. — Что это такое может быть?

Озаренное голубоватым светом, лицо Кавора было полно

благоговейного раздумья.

— Нет, я не брежу; несомненно, эти существа... люди не могут создать ничего подобного. Взгляните на эти поршни! Есть ли меж ними соединительные стержни?

Толстенький селенит прошел, между тем, не обращая внимания, несколько шагов вперед. Затем он вернулся обратно и встал между нами и громадной машиной. Я предпочитал не смотреть на него, так как предчувствовал до некоторой степени, что он намеревается гнать нас вперед. Он снова двинулся в том же направлении, в каком желал, чтобы мы шли, вновь вернулся и потрогал наши лица, чтобы обратить на себя внимание.

Кавор и я молча переглянулись.

— Нельзя ли нам показать ему, что мы заинтересованы машиной? — проговорил я.

— Да, — отвечал Кавор, — попробуем.

Он обратился к нашему проводнику и улыбнулся, показывая на машину; затем еще раз; потом показал на свою голову и снова на машину. Какое-то, очевидно ложное соображение, внушило ему мысль, что ломаный английский язык может помочь его жестам.

— Мой глядит на него, — заговорил Кавор, — мой думает его очень сильным, да.

Его выходки как будто удержали на миг селенитов от желания гнать нас вперед. Они переглянулись друг с другом, их странные головы зашевелились, чирикающие голоса быстро затараторили. Затем один из селенитов, сухое, долговязое существо, с какой-то мантией на придачу к наряду, облекавшему остальных, обвинил за талию Кавора своим слоновым хоботом, взамен руки, и нежно начал тащить его вслед за нашим проводником, который снова двинулся вперед.

Но Кавор упорствовал.

— Мы можем именно теперь приступить к объяснениям; они, быть может, воображают, что мы какая-нибудь новая порода животных, новый сорт лунных телят, чего доброго. В высшей степени важно, чтобы мы сразу обнаружили перед ними свои умственные интересы. — И Кавор стал энергично мотать головой. — Нет, нет, — говорил он, — мой не пойти, одна минут! Мой смотрит на него.

— Нет ли какой-нибудь геометрической теоремы, которую бы вы кстати могли привести им по этому поводу? — внушил я Кавору, когда селениты вновь остановились.

— Разве что о параболе, — начал он, но вдруг пронзительно вскрикнул

и подскочил на шесть футов, если не более.

Один из четверых вооруженных жителей луны кольнул его копьем! Я обернулся к копьеносцу, стоявшему сзади меня, с резким и угрожающим жестом. Тот отпрянул назад. Это, в соединении с внезапным криком и прыжком Кавора, явно ошеломило всех селенитов. Они быстро метнулись в различные стороны и вылупили на нас свои нелепые, неподвижные глаза. И вот один момент, длившийся как будто бы целую вечность, мы стояли, громко протестуя, среди рассыпавшихся около нас полукругом нечеловеческих образин.

— Он уколол меня! — воскликнул Кавор прерывающимся от волнения голосом.

— Я видел, — отозвался я. — Ах, вы проклятые! — обратился я к селенитам. — Мы этого терпеть не намерены! За какого чорта вы нас принимаете?

Я быстро оглянулся по сторонам и далеко, в голубом сумраке пещеры, увидел множество новых селенитов, уже бежавших по направлению к нам. Пещера раскидывалась необъятно вширь и вглубь; ее окраины всюду тонули во мраке. Своды же, как сейчас помню, точно давили нас всею этою тяжелою массою каменных глыб, оказавшихся нашей тюрьмой. Сверху и снизу и по всем направлениям расстиралось неведомое пространство, населенное странными тварями, угрожавшими нам теперь копьями и своими погаными лапами, в то время как нам не откуда было ждать поддержки!

Глава XV

Головокружительный мост

Эта враждебная пауза длилась не более мгновения. Я полагаю, что и мы оба, и селениты очень скоро одумались. Моим самым неотразимым впечатлением было, что бежать уж решительно некуда: нас окружают и убьют. Невероятное легкомыслие нашего появления здесь предстало опять передо мной в виде колоссального мрачного упрека. С чего я пустился в это безумное нечеловеческое предприятие! Кавор подошел ко мне сбоку и положил руку мне на плечо. Его бледное, перепуганное лицо казалось привидением при голубом свете.

— Нам ничего тут не поделать, — проговорил он. — Это недоразумение, они не понимают. Приходится идти, раз они желают этого.

Я взглянул на него и затем на новых селенитов, прибывавших на помощь к товарищам.

— Ах, если б у меня руки были свободны!

— Это ни к чему не приведет, — порывисто возразил он.

— Неправда.

— Пойдемте же!

Он повернулся и пошел по направлению указанного нам пути. Я двинулся за ним следом, стараясь казаться как можно покорнее и ощупывая меж тем кандалы, сковывавшие мне руки. Кровь во мне так и кипела. Я ничего больше не видел в этой пещере, хотя протекло, вероятно, немало времени, пока мы прошли ее насквозь, или если я видел что-нибудь, то тотчас забывал. Мои мысли были сосредоточены, должны быть, на моих оковах, на селенитах, в особенности на тех, что носили шлемы и копья. Сперва они шли параллельно с нами и на почтительном расстоянии, но теперь к ним присоединилось еще трое стражей, и они начали пододвигаться ближе, до тех пор, пока не очутились на расстоянии руки от нас. Я бесился, как прищипориваемая лошадь, когда они к нам подступали. Маленький, толстенький селенит поместился было справа от меня, но теперь снова пошел впереди.

Как отчетливо отпечатлелась у меня в мозгу картина этого шествия: и затылок понуренной головы Кавора, приходившийся как раз против моего лица, и его опустившиеся усталые плечи, и пучеглазая, ежеминутно оглядывающаяся физиономия нашего проводника, и копыеносцы с каждой

стороны, бдительные, хотя и с разинутыми ртами, — все сплошь голубые фигуры. В конце концов припоминаю и еще одну вещь, помимо моих чисто личных обстоятельств, а именно, какое-то подобие ручья на дне пещеры, сбоку от того скалистого пространства, по которой мы ступали; и ручей этот был полон того же светящегося ярко-голубого вещества, которое выплескивалось из огромной машины. Я шел совсем рядом с этим каналом и могу удостоверить, что от него не исходило ни малейшего тепла: он только ярко светился, но не был сам ни теплее, ни холоднее, чем все остальное в пещере.

«Кланг, кланг, кланг!»... раздалось над нами, и вот мы очутились снова под шумными рычагами другой необъятной машины; наконец, дошли до широкого туннеля, в котором могли даже слышать шлепанье своих босых ног и который, за исключением тонкой голубой полосы, справа от нас был совершенно погружен во мрак. Тени превращали в гигантов наши несчастные фигуры, так же как и фигуры селенитов, отражавшиеся на неровной стене и сводах туннеля. Время от времени сверкали по бокам какие-то кристаллы, вроде драгоценных камней; время от времени туннель превращался в сталактитовую пещеру или отделял от себя узкие ходы, пропадавшие во мраке.

Мы шли по этому туннелю, вероятно, немалое время. «Трик, трик»... журчал тихонько светящийся ручеек, и наши шаги, вместе с отдающимся эхом, производили неравномерный шум. Моя мысль вновь обратилась к вопросу о кандалах. Если бы мне удалось сдвинуть одно звено таким образом и затем повернуть его так... Но если б я пытался сделать это постепенно, то они увидели бы, что я высвобождаю руку из цепи. В таком случае, что бы они сделали?

— Бедфорд, — проговорил Кавор, — туннель направляется вниз, он непрерывно идет книзу.

Его замечание вывело меня из угрюмой задумчивости.

— Если бы они хотели убить нас, — продолжал Кавор, отступая назад, чтобы идти со мной рядом, — то нет ни малейшей причины, почему они раньше не сделали этого.

— Да, — согласился я, — это верно.

— Они не понимают нас, — проговорил Кавор, — они думают, мы просто странные животные, какая-нибудь дикая порода, выродившаяся, должно быть, из лунных телят. Лишь когда они лучше понаблюдадут за нами, они признают, что мы не лишены разума.

— Если б вы им начертили ваши геометрические построения, — заметил я.

— Можно и это.

Мы шли молча некоторое время.

— Видите ли, — разглагольствовал Кавор, — это, может быть, селениты низшего разряда.

— Ужасные болваны! — проговорил я, со злобой глядя на их возмутительные физиономии.

— Потерпим пока то, что они с нами проделывают...

— Нам приходится терпеть.

— А затем могут встретиться и другие селениты, не такие глупые. Тут еще не самые глубокие места в их планете. Мы будем спускаться все ниже и ниже, через пещеры, проходы, туннели, все вглубь, пока не придем к озеру, находящемуся на сотни миль под поверхностью.

Его слова заставили меня задуматься о каменистом слое, толщиной в милю с лишком, и о пещере, находящейся уже, пожалуй, над нашими головами. Эта грандиозная тяжесть как будто легла мне на плечи.

— Мы далеко от солнца, от открытого воздуха, — сказал я, — но в шахте всего на полмилю глубиною уже становится душно.

— А здесь этого нет; тут происходит, вероятно, вентиляция! Воздух должен устремляться от темной стороны луны к солнечному свету; вся углекислота должна извергаться наружу при этом и питать лунные растения. Вверху этого туннеля, например, чувствуется настоящий морской бриз. Что же это за мир? Первые сведения, полученные нами в этой пещере, эти машины...

— И это копьё, — добавил я. — Не забывайте про копьё.

Кавор мигом ушел вперед от меня, но пробормотал:

— Даже и это копьё.

— Как?

— Я обозлился в первую минуту, но, может статься, было необходимо нас подстрекнуть; у них, быть может, иная кожа и, вероятно, совсем иные нервы. Они могут не понимать нашей обидчивости, точно так же, как, например, какому-нибудь жителю Марса может не понравиться наша земная привычка подталкивать локтем.

— Но они станут осторожнее, когда попробуют толкнуть меня.

— Что же касается геометрии... то, в сущности, и их путь есть также путь вразумления, только насчет составных элементов их жизни, а не мысли. Пища, принуждение, боль — они начинают с существенного.

— Это вне всякого сомнения, — проговорил я.

Кавор пустился в толкования о громадном и полном чудес мире, в котором мы очутились. Я мало-по-малу убедился из его тона, что даже и

теперь он не был приведен в полное отчаяние перспективой спускаться все глубже и глубже, в самые недра безлюдной планеты. Его мысль витала среди машин и изобретений с целью выяснения тысячи загадочных предметов. Не то, чтобы он хотел найти какое-нибудь применение этим предметам, нет, он просто желал лишь познать их.

— В конце концов, — говорил он, — это прекрасный случай! Тут происходит встреча двух миров, и чего только мы не увидим! Вообразите себе, что теперь находится под нами.

— Особенно много мы не увидим, если свет не сделается ярче.

— Здесь только внешняя оболочка, там, внизу, в этом же направлении — там будет всякая штука; там будут товары, которыми мы нагрузимся при обратном пути.

— Только какая-нибудь редкая порода животных, — проговорил я, — могла бы удовольствоваться лишь тем, что приблизилась к самой сути... Но отсюда не следует, чтобы нам показали эту суть.

— Если они убедятся, что мы разумные существа, — возразил Кавор, — то захотят узнать в свою очередь что-нибудь о земле; даже если у них и нет великодушных побуждений, они начнут нас учить, чтобы самим научиться... А какие удивительные вещи они должны знать! Никем не предугаданные вещи.

Кавор стал соображать о возможности познания таких вещей, каких он не надеялся никогда постигнуть на земле. Он фантазировал таким образом, несмотря на порядочную рану от копья, уже попортившего его кожу. Много из сказанного им я забыл, так как мое внимание было отвлечено тем фактом, что туннель, по которому мы двигались, становился все шире и шире. Судя по колебанию воздуха, мы вышли как будто на открытое пространство; но насколько оно было велико в действительности, этого мы не могли сказать, потому что оно не было освещено. Наш светлый ручеек бежал узкой, извивающейся нитью, теряясь из виду далеко впереди; теперь и каменные стены по бокам исчезли. Ничего не было видно, кроме ближайшей к нам почвы да извивающегося быстрого потока, искрящегося голубоватым светом. Фигуры Кавора и вожака-селенита вырисовывались также передо мною. Бока их ног и головы, обращенные к ручейку, были отчетливо видны и казались ярко-голубыми. Теневые же стороны, так как отблеск туннеля не освещал их более, бесследно тонули в окружающем мраке. Вскоре я заметил, что мы подходим к какой-то покатости, так как голубой ручеек мгновенно пропал из виду.

В следующую минуту, когда он вновь появился, мы подошли уже к началу обрыва. Сверкающий поток образовывал тут как бы колеблющийся

изгиб и затем круто низвергался вниз. Он падал на такую глубину, что звуки этого падения совершенно не доходили до нашего слуха. Тьма, пронизавшая его светлую нитью, стала теперь еще гуще и непрогляднее; виднелась лишь какая-то штучка вроде перекладины, переброшенной от края бездны и тянувшейся вдаль, теряясь и исчезая во мраке.

На мгновение мы с Кавором подошли к самому краю и решились взглянуть в эту темную пропасть; но тут наш проводник схватил меня за руку, затем оставил меня, подошел к концу дощечки и начал ступать по ней, озираясь все время назад. Убедившись, что мы на него смотрим, он повернулся к нам спиною и зашагал по перекладине с такой же уверенностью, как мы по твердой земле. Один миг фигура его была видима, затем превратилась в голубое пятно и утонула во мраке. Мы помолчали.

— Сомневаться нельзя — пробормотал Кавор.

Один из прочих селенитов также сделал несколько шагов по перекладине и, обернувшись, без всякой опаски, пристально посмотрел на нас. Остальные были готовы следовать за ним. Появился опять проводник с выжидательной миной. Он вернулся взглянуть, почему мы не двигаемся.

— Мы не можем тут пройти ни за что на свете, — проговорил я.

— Я бы не смог и трех шагов ступить, — подтвердил Кавор. — когда бы даже мои руки были свободны.

Мы взглянули на вытянутые лица друг друга в полнейшем отчаянии.

— Они не в состоянии понять, что такое головокружение, — продолжал Кавор.

— Для нас совершенно немыслимо ходить по таким жердочкам.

— Вряд ли у них зрение такое же, как у нас; я наблюдал за ними. Они, верно, не понимают, что для нас тут полнейшая тьма. Как бы нам растолковать им это?

Мы толковали об этих обстоятельствах, как я полагаю, со смутною полу-надеждою, что селениты как-нибудь поймут нас. Я как нельзя яснее сознавал, что вся суть в том, чтобы им растолковать это, но взглянув в их бесстрастные лица, я убедился, что растолковать нельзя и думать. Именно тут обнаруживалось, что сходство их с нами не в состоянии перевесить отличий. Ну, как бы то ни было, я не намерен был идти по их дощечке. Я быстро просунул руку через ослабленный узел цепи и начал дергать кандалы в противоположные стороны. Я стоял близ перекладины, и, когда начал так делать, двое селенитов схватили меня и тихонько потащили к их мостику. Я яростно замотал головою.

— Не пойду, — говорил я, — напрасно! Вы не понимаете?

Еще один селенит присоединил свои усилия. Я должен был двинуться вперед.

— Смотрите, — кричал я, — остановитесь! Все это очень хорошо для вас... — и я отпрыгнул назад, повернувшись на каблуках. Но тотчас же разразился проклятиями, потому что один из вооруженных селенитов кольнул меня сзади копьем. Высвобождая свои кулаки из сдерживавших их оков, я напустился на копыеносца.

— Будь ты проклят! — кричал я. — Говорил я тебе! На кой чорт, ты думаешь, я создан, чтобы шпиговать меня таким образом? Если ты еще раз меня тронешь...

Вместо ответа он снова кольнул меня.

Я услышал голос Кавора, тревожный и умоляющий. Даже и тут, повидимому, он хотел идти на компромиссы с этими тварями, но вторичный укол копьем как будто разрядил во мне накопившуюся энергию. В один миг звено цепи упало и вместе с ним рушились все соображения, державшие нас безответными в лапах этих лунных уродов. В это мгновение, обезумев от боли и гнева, я не раздумывал о последствиях. Цепь обвилась вокруг моего кулака...

Но тут произошел снова один из тех адских сюрпризов, которых не перечесть в лунном мире.

Мой броненосный кулак прошел как будто прямо насквозь чрез селенита, и он лопнул, как яйцо. Это было вроде того, как если бы ляпнуть какое-нибудь сухое пирожное с жидким содержимым. Он раскололся, его студенистое тело потекло, расползаясь на дюжину ярдов и шлепнулось с легким звуком. Я был ошеломлен; мне не верилось, что какое-нибудь живое существо могло быть таким жидким. На мгновение мне показалось, что все, происходящее со мной, сон.

Но оно опять сделалось грозной действительностью. Ни Кавор, ни прочие селениты, повидимому, не шевельнулись с того момента, как я повернулся, и до той поры, как мертвый селенит рухнул на землю. Каждый стоял позади нас обоих, каждый держался наготове. Это затишье длилось по крайней мере секунду после того, как селенит свалился. Каждый, должно быть, старался сообразить, в чем дело, и я тоже, помню, стоял, слегка согнув свою руку и также пытаюсь сообразить. «Что же дальше? — вопил мой рассудок. — Что дальше?» Дальше — в одно мгновение все зашевелилось.

Я понял, что мы должны сбросить свои оковы, но прежде, чем мы окажемся в состоянии это сделать, селениты должны быть отогнаны. Я сурово взглянул на группу троих копыеносцев, и вдруг один из них метнул в

меня копьем. Оно просвистело у меня над головой и упало, я думаю, в пропасть, находившуюся позади. Я прыгнул прямо на селенита с такой же стремительностью, как копье, промчавшееся надо мною. Он пустился удирать от моего прыжка, но я его сшиб и пошел прямо по его телу; поскользнулся в его разлезшихся внутренностях и упал. Я очутился на корточках. По обе стороны виднелись голубые бока селенитов, скрывавшихся во тьме. Я отогнул со всей силы звено цепи, охватывавшей мои щиколотки, разнял ее и вскочил на ноги, держа цепь в руке. Другое копье просвистело около меня, как дротик, и я ринулся опять в темноту, из которой сейчас только выступил. Затем я вернулся вновь к Кавору, все еще стоявшему около светящегося ручейка, у его излучины, и судорожно трудившемуся над своими кандалами.

— Ступайте сюда! — крикнул я.

— Но мои руки... — отвечал он.

Однако сообразив, что я не решаюсь к нему возвращаться, потому что мои плохо рассчитанные шаги могли бы перенести меня через край бездны, он пополз ко мне, волоча свои ноги и протягивая вперед беспомощные руки. Я тотчас схватил его цепи, чтобы освободить его от них.

— Где селениты? — пролепетал он.

— Убежали прочь, но они вернутся. Это — мстительные существа. Какой путь мы изберем?

— Пойдем по направлению света, к туннелю, а?

— Хорошо, — сказал я, и его руки были свободны.

Я встал на колени и пригнулся, работая над его ножными кандалами. Бац! Шлепнулось неизвестно что и расплескало голубоватый ручеек, обдавший нас брызгами. Где-то, вправо от нас, послышалось снова свистание и чириканье.

Я сорвал цепь с ног Кавора и сунул ее ему в руку.

— Бейте вот этим! — проговорил я и, не дожидаясь ответа, пустился огромными прыжками обратно по тому пути, которым мы явились. Я слышал шум от прыжков Кавора вслед за моими.

Мы пробежали так громадное пространство, но этот бег, как вы должны понять, был совсем нечто иное, чем на земле. На земле, если прыгнешь, то почти тотчас снова касаешься почвы; на луне же несешься по воздуху несколько секунд, прежде чем снова опустишься вниз. Несмотря на нашу отчаянную спешку, это производило как бы длинные паузы, в течение которых можно было просчитать до семи или восьми. Шаг — и вы взлетаете на воздух. Всякого рода вопросы проносятся за это время в мозгу: «Где же теперь селениты? Что они станут делать? Доберемся ли мы

до туннеля? Далеко ли позади Кавор? Уж не отрезали ли они его от меня?» Затем бумс! И вот новый прыжок и новая пауза, до следующей передышки.

Я увидел вдруг селенита, бежавшего передо мною. Его ноги двигались совершенно так же, как у человека, ходящего по земле. Я увидел, как он оглянулся через плечо на меня, услышал, как он вскрикнул и бросился в сторону, скрывшись во мраке. Мне кажется, что это был наш проводник, однако, не ручаюсь. Затем, при другом дальнем полете мелькнули каменные стены по бокам, и еще через два прыжка я уже был в туннеле и двигался, умеряя прыжки, вследствие низких сводов. Достигнув поворота, я остановился, взглянул назад и — плюх, плюх, плюх, — показался вдали Кавор, разбрызгивая при каждом прыжке струи голубоватого света. Вот он стал вырисовываться яснее и яснее и, наконец, совсем налетел на меня. Мы стояли, схватившись один за другого. Хотя на миг мы отделались от гонителей и были одни.

Оба мы страшно запыхались; говорили отрывисто, короткими фразами.

— Что нам делать?

— Спрятаться.

— Где?

— В одной из боковых пещер.

— А затем?

— Думать.

— Хорошо; шевелитесь!

Мы снова метнулись в пространство и добрались до темной пещеры, ветвящейся многими ходами. Кавор был впереди. После некоторого колебания, он выбрал темную нору, обещавшую, повидимому, хорошее убежище. Он двинулся вперед и, обертываясь ко мне, проговорил:

— Тут страшная темень.

— Ваши ноги посветят нам. Вы сплошь обрызганы светящейся жидкостью.

— Но...

Вдруг масса звуков, и в особенности звуки, напоминавшие удары гонга, приближавшиеся по главному туннелю, коснулись нашего слуха. Это было предвестием громадной погони. Мы ринулись дальше в темную боковую пещеру. Пока мы здесь мчались, наш путь озарялся лучами, исходившими от ног Кавора.

— Счастье, — пролепетал я, — что они стащили с нас сапоги, а то бы мы наполнили всю пещеру их стуком.

И мы пустились дальше, делая как можно меньше прыжки, чтобы не

удариться о своды. Через некоторое время мы как будто удалились от шумной толпы. Звуки становились все глуше, все реже и, наконец, совсем замерли. Я приостановился и, оглянувшись, опять услышал шлепанье Кавора, возвращавшегося ко мне. Затем и он остановился.

— Бедфорд, — прошептал он, — виднеется словно какой-то свет впереди нас.

Я взглянул, но сначала не мог ничего разобрать. Затем я различил голову и плечи Кавора, выступавшие темным пятном из более слабого сумрака. Я разобрал также, что эта смягченная мгла не была голубого оттенка, как вообще свет внутри луны, но слегка сероватого, страшно тусклого бледного оттенка, напоминавшего дневной рассвет. Кавор отметил эту разницу так же быстро, как я, если еще не быстрее, и его, как и меня, я полагаю, она наполнила той же дикой надеждой.

— Бедфорд, — шепнул он дрожащим голосом, — этот свет, этот свет, может быть, это...

Он не решался высказать, на что он надеялся. Тут наступила пауза. Вдруг я услышал по звуку его ног, что он устремился к белесоватому просвету. Я поспешил за ним с сильно бьющимся сердцем.

Глава XVI

Различные точки зрения

Свет все усиливался по мере того, как мы подвигались вперед. В короткое время он стал почти так же ярок, как фосфоресценция на ногах Кавора. Наш туннель, расширяясь, преобразился в пещеру, и этот новый свет брезжил на дальнем ее конце. Я заметил нечто такое, что наполнило мою душу ликующей надеждой.

— Кавор, — сказал я, — свет этот падает сверху! Я убежден, что он падает сверху!

Он ничего не ответил, только запрыгал еще быстрее.

Несомненно, это был сероватый серебристый свет.

Еще один миг, и нас уже обдавало лучами виденного света. Из трещины в стене пещеры сочилась вода, и в ту минуту, когда я рассматривал эту расселину, хлоп — огромная капля упала мне прямо на нос. Я отступил в сторону; послышалось падение другой капли на каменный пол.

— Кавор, — сказал я, — когда бы один из нас поднял другого, можно бы достать рукой трещину!

— Хорошо, я подниму вас, — ответил он и тотчас же легко поднял меня, как маленького ребенка.

Я запустил руку в щель, и сразу нащупал маленький выступ, за который можно было держаться. Отсюда видно было, как белый свет становился все ярче. Я притянулся выше, держась за выступ всего двумя пальцами, почти без всякого усилия, хотя на земле во мне более четырех с половиной пудов; затем ухватился рукою за более высокий угол скалы, и стал ногами на первом выступе. Укрепившись таким образом, я ощупывал пальцами камни стены; расселина понемногу расширялась кверху.

— Тут можно карабкаться, — сказал я Кавору. — Сумеете вы подпрыгнуть до моей руки, если я протяну ее к вам?

Я втиснулся между боками трещины, опираясь ступней и коленом о выступ и протянул руку вниз. Кавора я не мог видеть, но слышал легкий шум его движений, когда он присел, чтобы прыгнуть. Затем, скок — и он повис у меня на руке всем телом, которое было не тяжелее, чем тело котенка! Я начал тянуть его кверху, пока он не ухватился рукой за мой выступ, и таким образом мог освободить меня.

— Вот штука! — вырвалось у меня. — Здесь, на луне, пожалуй, сделаешься альпинистом!

С этими словами я пустился в дальнейшее восхождение. Прокарабкавшись еще несколько минут я взглянул вверх: расселина постепенно все расширялась, и свет становился все ярче. Только...

Это был совсем не дневной свет. Через секунду я разглядел уже, что это за свет, и готов был разбить себе голову о камни от горького разочарования, ибо я увидел перед собою лишь холмистое открытое пространство, на котором виднелся целый лес небольших булавовидных грибов, эффектно светившихся мягким серебристым светом. С минуту я постоял, любуясь их нежным сиянием, затем прыгнул в самую середину этой грибной поросли. Я сорвал с полдюжины грибов и с досадой разбил их о камни; затем уселся, смеясь горьким смехом, когда показалось красное лицо Кавора.

— Это опять фосфоресценция, — закричал я ему. — Нет надобности очень торопиться. Садитесь и будьте как дома!

Пока он пробормотал что-то по поводу постигшей нас неудачи, я принялся сшибать грибные макушки и сбрасывать их в расселину.

— Я думал, это — дневной свет, — проговорил Кавор.

— Ах, дневной свет! — воскликнул я. — Утренняя заря, закат солнца, облака, ветры! Увидим ли мы когда-нибудь все это?

В то время, как я произносил эти слова, перед моим умственным взором предстала картинка нашего мира так ясно и отчетливо, как задний план на какой-либо итальянской картине.

— Изменчивый колорит неба, изменчивый вид моря, зеленеющие холмы и роции, весело сверкающие на солнышке города и деревни! Вспомните, Кавор, хоть влажную от дождя крышу во время заката! Вспомните отблеск на окнах, выходящих на запад!

Он ничего не отвечал.

— А тут мы ползаем в норах, среди этого дьявольского мира; и что это за мир, с чернильным океаном, спрятанным в какой-то преисподней; а на поверхности: то палящий зной днем, то мертвящая ночная стужа! И все эти уроды, гонящиеся за нами, эти футлярные люди, люди-насекомые, порождения кошмара! Впрочем, в сущности они правы. Какое тут у нас дело, что мы пришли их тревожить и разорять? Судя по многому, теперь уж вся планета на ногах, и все гоняются за нами. Каждую минуту мы можем услышать их пицанье или концерт на гонгах. Что же нам делать? Куда деваться? Здесь нам так же прекрасно, как рыбе на песке!

Я снова принялся за истребление грибов. Потом вдруг я увидел что-то

и вскрикнул от радости:

— Кавор, да ведь наши цепи из золота!

Кавор сидел, погруженный в глубокие думы, подперев голову руками. Он медленно повернул лицо в мою сторону и равнодушно поглядел на меня; когда я повторил свои слова, он также равнодушно посмотрел на цепь, обмотанную вокруг его правой руки.

— Да, — сказал он, — действительно она из золота.

Отвлекаясь лишь на минуту, он снова предался своим размышлениям. Я тоже сидел несколько времени молча, удивляясь тому обстоятельству, что сейчас лишь заметил, из какого драгоценного металла сделаны наши оковы. Это неожиданное открытие дало новое направление моим мыслям, которое унесло меня далеко, далеко. Я забыл, что недавно лишь спрашивал, какое у нас дело на луне. Я грезил о золоте...

Кавор первый прервал молчание.

— Мне кажется, — сказал он, — существуют два выхода из нашего положения.

— А именно?

— Либо мы можем попытаться проложить себе путь — пробиться силой, если понадобится — обратно наружу, на поверхность луны и продолжать поиски нашего шара до тех пор, пока мы не найдем его, или, пока стужа нескончаемой ночи не положит конца нашему существованию, либо...

Он остановился.

— Верно, продолжайте, — подстрекнул я его, хотя знал наперед, что он скажет.

— Либо мы могли бы попытаться еще раз установить добрые отношения и взаимное понимание с обитателями луны.

— Что касается меня, то я предпочитаю первый выход, как более благоразумный.

— Я сомневаюсь в этом.

— А я не сомневаюсь.

— Видите ли, — пояснил Кавор, — я не думаю, чтобы можно было судить о селенитах по тем экземплярам, которые нам пришлось видеть. Их центральный мир, их цивилизованные страны находятся там, далеко внизу, в более глубоких пещерах вокруг их моря. Эта область лунной коры, в которой мы пребываем, лишь глухое захолустье, это область пастбищ. Те селениты, которых мы видели, должно быть, лишь пастухи и машинисты. Употребление ими копий, по всей вероятности, для погони скота, недостаток воображения, какой они выказали, ожидая, что мы можем

делать сплошь то же, что и они, их несомненная грубость — все, все, повидимому, указывает на их низкое социальное положение. Но если бы мы вынесли...

— Ни один из нас не в состоянии вынести длинного перехода по шестидюймовой перекладине через бездонную пропасть.

— Это верно, — сознался Кавор; но он пустился в новую сферу догадок. — Предположите, что мы заберемся в какой-нибудь уголок, где мы в состоянии будем отбиться от этого мужичья. Когда бы, например, мы могли бы продержаться на этой позиции с неделю или около того, то, вероятно, весть о нашем появлении мало-по-малу дошла бы и до более интеллигентных, более заселенных частей планеты...

— Если таковые существуют.

— Должны существовать; иначе откуда же взялись бы те грандиозные машины?

— Это возможно, но все же это оказалось бы худшим из двух шансов.

— Мы могли бы начертать надписи на стенах.

— А почему вы знаете, что их глаза увидят сделанные нами знаки?

— Ну, если мы вырежем их...

— Это возможно, конечно. — Мои мысли приняли другое направление. — Во всяком случае, — сказал я, — вы ведь не думаете, что эти селениты несравненно умнее людей?

— Они должны знать на много больше нас, чем мы, или, по крайней мере, знать много такого, чего мы не знаем.

— Да, но... — Я на минуту запнулся. — Думаю, вы вполне согласитесь со мною, Кавор, что вы человек исключительный.

— Как?

— Ну, вы... вы человек одинокий, то-есть были таким... Вы не женаты?

— Никогда не чувствовал к тому желания. Но почему вы заговорили об этом?

— И вы никогда не бывали богаче, чем в настоящее время?

— Никогда не имел и такого желания.

— Вы стремились лишь к знанию?

— Так что ж! Некоторое любопытство вполне естественно...

— Вы думаете? Вы думаете, что ум каждого человека жаждет познаний? Помню однажды, когда я спросил у вас, к чему вы делаете все эти изыскания, вы отвечали, что вам хотелось бы стать академиком, членом королевского общества, хотелось бы приготовить вещество, названное «каворитом», и тому подобное. Вы ведь отлично знаете, что занимались

своими исследованиями вовсе не ради этого; но в то время мой вопрос захватил вас врасплох, и вы чувствовали, что надо указать какую-нибудь достаточно побудительную причину. На самом же деле вы производили все изыскания лишь потому, что это неодолимая потребность вашего ума.

— Может быть, и так...

— Но вряд ли найдется хоть один человек на миллион, который бы имел такую потребность. Большинство людей желает, разумеется, разных вещей, но лишь очень немногие жаждут знания ради знания. И я не из числа этих немногих. Селениты, видимо, подвижные, деятельные существа, но почему вы знаете, что даже самые интеллигентные из них заинтересуются нами или нашим миром? Не думаю, чтобы они даже подозревали о существовании нашего мира. Ведь они никогда не выходят по ночам на поверхность, — они замерзли бы, если бы вышли. Они, наверное, никогда не видели ни одного небесного светила, кроме ярко сияющего, жгучего солнца. Как они могут знать, что существует другой мир? Да и какое им дело до этого мира, хотя бы они даже знали о нем? А если им и случалось видеть мельком немногие звезды или даже прибывающий мало-по-малу серп земли, так что же из этого? Мыслимо ли, чтобы народ, обитающий внутри планеты, дал себе труд наблюдать такого рода вещи? Ведь и люди не делали бы подобных наблюдений, когда бы это не понадобилось для определения времени года и для мореплавания; на что же лунным-то жителям наблюдать эти явления?.. Ну, предположим, что здесь отыщется несколько философов, подобных вам. Так это окажутся как раз те селениты, которые никогда и не услышат о нашем существовании. Предположите сами, что какой-нибудь селенит спустился бы на землю в то время, как вы проживали в Лимпне; ведь вы оказались бы последним человеком в мире, до которого достиг бы слух об этом событии! Вы никогда же не читаете газет. Итак, видите, все шансы против вас. А ради взвешивания этих шансов мы сидим тут, сложа руки, меж тем как драгоценное время уходит. Говорю вам, мы влопались в очень скверное положение. Мы явились сюда безоружными, мы потеряли наш шар, мы не добыли себе пищи; мы показались селенитам и дали им повод считать нас какими-то диковинными, сильными и опасными зверями; так если эти селениты не совсем глупы, они будут гоняться за нами, пока нас не найдут, а когда найдут, попробуют поймать нас, и поймают, если смогут, а коли им не удастся забрать нас живьем, то убьют, и конец всему делу! Поймав нас, они тоже, вероятно, убьют нас по какому-нибудь недоразумению. Ну, а когда мы погибнем, они может быть, потолкуют о нас между собою, но нам от этого не будет легче...

— Продолжайте!

— С другой стороны, золото здесь, повидимому, такой же обыкновенный металл, как у нас на земле чугун. Если бы нам удалось захватить его с собой некоторую толику желтенького металла, да разыскать наш шар, прежде чем «лунари» на него натолкнутся, да вернуться себе во-свояси, тогда...

— Что тогда?

— Тогда мы могли бы поставить дело на более солидную ногу. Могли бы вернуться сюда в шаре более крупных размеров, захватив с собой ружья и пушки.

— Боже милосердный! — вскричал Кавор, как будто мои слова заключали в себе нечто ужасное.

Я яростно швырнул в трещину новый светящийся гриб.

— Во всяком случае, — сказал я, — мне принадлежит половина решающих голосов в этом деле, а вопрос этот практического свойства. Я практический человек, а вы нет. Я не намерен доверять селенитам и геометрическим чертежам... Вот и все! Довольно с нас тайн. Бросьте всю эту чертовщину и двинемся дальше!

Кавор раздумывал.

— Когда я собрался на луну, — промолвил он, — мне следовало бы пуститься в это путешествие одному.

— Вопрос, подлежащий теперь обсуждению и решению собрания, — напомнил я, — это каким образом добраться до шара.

Некоторое время мы хранили молчание. Наконец, он как будто решил сдаться на мои доводы.

— Я думаю, — заговорил Кавор, — это можно сообразить по некоторым данным. Ясно, что когда солнце находится на здешней стороне луны, воздух должен устремляться через эту ноздреватую планету с темной стороны на сторону, освещенную солнцем. По этой стороне, во всяком случае, воздух должен расширяться и вытекает из лунных пещер в кратер... Прекрасно! Здесь должна быть известная тяга воздуха.

— Действительно, тяга есть.

— А это значит, что тут не глухой конец; где-нибудь позади нас расселина продолжается и идет кверху. Течение воздуха направляется снизу вверх, этот же путь следует и нам избрать. Если мы встретим какое-нибудь подобие трубы или жилья, то мы не только выберемся из этого лабиринта, где они нас ищут...

— Однако предположите, что ущелье окажется слишком узким...

— Тогда мы спустимся обратно.

— Тсс!.. — шепнул я, услыхав какой-то шум. — Что там такое?

Мы стали прислушиваться. Сначала это был неясный ропот, затем отчетливо донесся звон гонга.

— За коров они нас, что ли, принимают, — возмутился я, — если думают устроить нас подобною музыкою?

— Они идут вдоль туннеля, — проговорил Кавор.

— Должно быть, так.

— Но они не обратят внимания на эту трещину; они пройдут мимо.

Я прислушался.

— На этот раз, — прошептал я, — они, наверно, запаслись каким-нибудь оружием. — Затем вдруг я вскочил на ноги. — Боже мой, да они, наверное, нас выследят, Кавор! — вскричал я, — Они заметят грибы, которые я швырял вниз. Они...

Я не закончил фразы, повернулся и сделал прыжок через шляпки грибов к верхнему концу площади. Я увидел, что она возвышается дальше, а затем вновь обращается в ущелье, уходящее в непроницаемый мрак. Я уже собрался лезть в это ущелье, как вдруг счастливая мысль осенила меня, и я вернулся назад.

— Что вы делаете? — спросил Кавор.

— Полезайте вперед! — отвечал я; сам же пустился назад к грибной поросли, сорвал два светящихся экземпляра и сунул один, корнем вниз, в карман своего фланелевого жакета, для того, чтобы он освещал нам путь при нашем карабкании; затем я вернулся с другим грибом, для Кавора. Теперь шум, производимый селенитами, усилился до того, что казалось, они должны были находиться совсем уже близко, под самой расселиной. Но, может быть, им трудно было взобраться в нее или они не решались на это, боясь возможного сопротивления с нашей стороны. Во всяком случае, у нас было теперь успокоительное сознание громадного мускульного превосходства, дарованного нам рождением на другой планете. Через минуту уже я карабкался с богатырскою силою вслед за сверкающими синеватым светом пятками Кавора.

Глава XVII

Битва в пещере лунных мясников

Не знаю, какое пространство прошли мы, карабкаясь по бокам ущелья, пока не достигли решетки. Может быть, мы поднялись всего на несколько сот футов, но тогда мне казалось, что мы проделали целую милю, если не более, вертикального восхождения. Всякий раз, как я вспоминаю об этом, мне тотчас приходит на память звяканье наших золотых цепей, сопровождавшее каждое наше движение. Очень скоро у меня кожа на пальцах и на коленях была ободрана, а на щеке вскочила шишка от ушиба. Спустя некоторое время первоначальная стремительность наших движений немного уменьшилась, они стали более обдуманними и осторожными, менее трудными и мучительными. Шум преследовавшей нас погони селенитов затих где-то вдали. Должно быть, они не полезли по нашим следам в расселину, несмотря на выдававшую нас массу сорванных грибов, которые должны были лежать там внизу. По временам ущелье до того суживалось, что мы лишь с громадным трудом протискивались вверх; в других местах оно, напротив, расширялось, образуя большие пустоты, утыканные по стенам колючими остроугольными кристаллами или обросшие светящимися грибовидными растениями. Иногда проход закручивался, как улитка, иногда шел совершенно полого, почти в горизонтальном направлении. Время от времени слышалось мерное падение капель воды. Раз или два нам показалось, будто неподалеку от нас шуршат какие-то букашки, но мы их ни разу не видели. Пожалуй, это были какие-нибудь ядовитые твари, но они не делали нам вреда, а мы находились в таком напряженном состоянии, что нам было не до ползающих букашек. Наконец, далеко наверху показался знакомый нам синеватый свет, и мы увидели, что он идет из-за решетки, преградившей внезапно нам путь.

Сообщив шепотом друг другу об этом явлении, мы с удвоенной осторожностью продолжали наше карабканье. Добравшись вплотную до самой решетки, мы прижались лицом к ее перекладинам; я мог увидеть тогда часть пещеры, находившейся за решеткой. Это было, повидимому, обширное пространство, освещенное, без сомнения, каким-нибудь потоком того же синеватого света. Капельки воды тем временем мерно падали между перекладинами решетки, близко от моего лица.

Прежде всего я, разумеется, старался разглядеть, что находится на

полу пещеры, но наша решетка лежала в углублении, края которого скрывали все от наших взоров. Затем наше ослабевшее внимание было привлечено вновь различными звуками, и я разглядел множество бледных теней,двигающихся по тускло освещенной площадке высоко над нашими головами.

Несомненно, там было несколько селенитов, может быть, даже значительное число: мы слышали их гомон и какие-то слабые звуки, которые я объяснял себе, как шум их шагов. Кроме того, слышен был ряд правильно повторяющихся звуков, — чик, чик, чик! — который то возникал, то прекращался, звуков, похожих на то, как будто рубили ножом или сечкой что-нибудь мягкое. Потом раздавался резкий металлический звук вроде лязга цепей, какой-то свист и грохот, словно громыханье ломовой телеги по ухабистой дороге, и затем вновь прежнее: чик, чик, чик! По движению отбрасываемых теней видно было, что соответствующие им фигуры двигаются быстро и ритмически, в такт с доносящимся мерным звуком, и останавливаются, когда он прекращается.

Эта бесконечная аллея туш, предназначенных для продовольствия, свидетельствовала о густоте населения лунного мира и подтверждала наше первое впечатление от огромной шахты.

Сначала мне показалось, что селениты стоят на досках, положенных на козлы, но потом я увидел, что и настил, и подпорки, и топорики были такого же свинцового цвета, как и мои кандалы, пока я не разглядел их при белом свете. Кстати сказать, я не помню, чтобы мне случилось увидеть какие-нибудь деревянные вещи на Луне; двери, столы, вся обстановка, вроде нашей земной мебели, была сделана из металла и, кажется, по большей части из чистого золота, которое из всех металлов, конечно, заслуживает предпочтения — при прочих равных условиях — по легкости обработки, по ковкости и по прочности. На дне пещеры кое-где валялись толстые ломы — очевидно, для переворачивания мясных туш — длиной приблизительно в шесть футов и с рукояткой — очень подходящее для нас оружие. Пещера освещалась тремя ручьями синего цвета.

Мы долго лежали молча и наблюдали.

— Ну что? — спросил наконец Кавор.

Я сполз ниже и обернулся к нему. Меня осенила блестящая мысль.

— Если только они не спускают этих туш с помощью кранов, — сказал я, — то мы, очевидно, находимся недалеко от поверхности.

— Почему?

— Потому что лунные чудовища не могут прыгать, и у них нет крыльев.

Кавор выглянул из впадины, где мы лежали.

— Меня удивляет только... — начал он. — Впрочем, мы и не уходили далеко от поверхности.

Я дернул его за рукав, чтобы он замолчал: я услышал шум из расщелины под нами. Мы притаились и начали прислушиваться. Скоро у меня не осталось никакого сомнения, что кто-то тихо лез вверх по расщелине. Не торопясь, бесшумно я взял в руку обрывок цепи и ждал появления врага.

— Смотрите за теми молодцами с топорами, — сказал я.

— Они заняты своим делом, — ответил Кавор.

Я выбрал место для удара в отверстии решетки. Скоро я услышал тихое щебетание поднимавшихся селенитов, шорох их рук, цеплявшихся за камни, и падение щебня.

В темноте за решеткой что-то двигалось. Что-то блеснуло и направилось на меня. Я вскочил и отбил удар. Это было острие копья. Я понял потом, что длинное копье не попало в цель только благодаря недостатку места. Копье высунулось из решетки змеиным жалом и, промахнувшись, скрылось; потом снова вытянулось. Я ухватил и вырвал копье, но в меня направилось другое. Я вскрикнул от радости, когда почувствовал, что селенит, державший и не выпускавший копья, не выдержал. Тогда я стал наносить добытым трофеем удары сквозь решетку среди писка, раздававшегося в темноте. Кавор тоже вырвал копье и прыгал, размахивая им, но не попадая в цель. Кланг, кланг, — зазвенело о решетку, и по воздуху просвистел топор, ударившийся о скалу вблизи нас и напомнивший мне о мясниках над мясными тушами в пещере.

Я обернулся и увидел, что они, выстроившись, приближаются к нам, размахивая своими топорами. Это были толстые приземистые коротконожки с длинными руками, мало похожие на тех селенитов, которых мы видели раньше. Если они и не слышали о нас, то очень быстро поняли, в чем дело. Я, держа копье, смотрел на них.

— Охраняйте, Кавор, решетку! — крикнул я, и с ревом, чтобы утратить их, ринулся навстречу.

Двое из мясников метнули свои топоры, но промахнулись, а остальные мгновенно обратились в бегство. Затем и эти двое побежали вверх по пещере, прижав к туловищу руки и наклонив головы. Я никогда не видал, чтобы люди так убегали!

Захваченное мною копье оказалось плохим оружием, тонким и хрупким, слишком длинным, годным только для метания. Я преследовал селенитов до первой туши, потом остановился и поднял один из

брошенных ломов. Он оказался увесистым, хорошим оружием для разгрома селенитов. Я бросил копье и поднял второй лом для другой руки. Погрозив ломом кучке селенитов, которые остановились вдали в пещере, я обернулся к Кавору.

Он прыгал около решетки, грозно размахивая обломком копья. Все обстояло благополучно. Кавор отражал нападение селенитов снизу. Но что делать дальше?

Мы загнаны в тупик. Но мясники наверху, очевидно, захвачены врасплох; они, наверное, перепугались, и у них, кроме топориков, нет никакого оружия. Их коренастые фигуры (они были ниже ростом и толще, чем селениты-пастухи) были рассеяны среди пещеры, это свидетельствовало об их нерешительности. Я их напугал своей бешеной яростью. Но зато их было очень много. Селениты же внизу, несомненно, вооружены длинными копьями. Возможно, что они приготовили нам и другие сюрпризы... Черт возьми! Если мы ударим на мясников, то селениты с копьями останутся у нас в тылу, если же не атаковать, то их соберется еще больше. Кто знает, какие орудия разрушения — пушки, бомбы, минометы — может выслать для нашего истребления этот неведомый мир, находящийся у нас под ногами, этот обширный мир, до глубин которого мы еще не добрались. Нам ничего более не оставалось, как самим наступать на противника. Тем более, что скоро показались новые полчища селенитов, сбегавших вниз по пещере, по направлению к нам.

— Бедфорд! — крикнул Кавор и отскочил от решетки.

— Назад! — закричал я ему. — Что вы делаете?

— Они втащили какую-то пушку.

Между копий показалась голова и плечи селенита, несшего какой-то сложный аппарат.

Кавор не годился для такого боя. Несколько секунд я колебался, потом ринулся вперед, размахивая своими ломом, стараясь ревом испугать селенита, который целился вкось, прижав аппарат к животу. Свист... Это оказалась не пушка, а что-то вроде самострела. Выпущенный заряд попал прямо в меня среди прыжка.

Я не упал, а только опустился несколько раньше, чем следовало, и по ощущению в плече заключил, что заряд только слегка контузил меня. Я отбил древко и заметил, что стрела вонзилась чуть не наполовину в мое плечо. Подскочив, я ударил селенита ломом. Он рухнул, и голова его раскололась как яйцо.

Я бросил лом, выдернул стрелу из плеча и начал размахивать ломом в темноте. При каждом ударе под решеткой раздавался жалобный писк и

визг. Я метнул туда стрелу, схватил лом и кинулся на толпу в пещере.

— Бедфорд! — умолял Кавор, когда я пролетел мимо него, — Бедфорд!

Я слышал позади себя его шаги. Шаг, прыжок, толчок, снова прыжок...

Каждый прыжок, казалось, длился вечность. С каждым прыжком пещера расширялась, и число селенитов увеличивалось. Сначала они бегали, как муравьи в разоренном муравейнике, некоторые размахивали топориками, но большинство спасалось бегством, вперед или в сторону по аллее туш. Скоро показались селениты, вооруженные копьями. Я видел целую кучу рук и ног. В пещере становилось темней... Что-то просвистело над моей головой. Опять. Подпрыгнув, я увидел, что копье вонзилось в одну из туш влево от меня. Когда я опустился, то другое копье ударилось в грунт передо мной, и я услышал отдаленный треск. Целый ливень копий.

Я остановился как вкопанный.

Не думаю, чтобы я тогда отчетливо соображал. Но, помнится, в моем мозгу промелькнула стереотипная фраза: «Огневая завеса, под прикрытие!» Я встал между двумя тушами, тяжело дыша и чувствуя себя убийцей.

Я искал Кавора. Одно мгновение мне казалось, что он погиб, но вскоре он показался из темноты между тушами и каменной стеной пещеры. Я увидел его маленькое лицо, тусклое, синее, вспотевшее, выражавшее сильное волнение.

Он что-то сказал, но я не расслышал. Я решил, что нам лучше всего пробираться от туши к туше, вверх по пещере, пока не пробьемся наружу. Пробиться наружу, другого выхода нет.

— За мной! — сказал я и пошел вперед.

— Бедфорд! — кричал Кавор, но тщетно: я его не слушал.

Я обдумывал план спасения, поднимаясь по узкому проходу между тушами и стеной. Пещера закруглялась, и селениты не могли стрелять вдоль. Хотя в узком пространстве мы и не могли делать прыжков, однако благодаря нашей земной силе мы продвигались быстрее селенитов. Я решил, что скоро мы опять вступим с ними в бой. Когда мы ворвемся в их ряды, то они окажутся для нас не более опасными, чем черные тараканы. Однако сначала надо выдержать их обстрел, Я обдумывал стратегический план и на бегу скинул фланелевый жакет.

— Бедфорд! — задыхался сзади Кавор.

Я обернулся и спросил, что ему надо.

Он показывал вверх, через туши.

— Белый свет! — сказал он. — Опять белый свет!

Я взглянул вверх: действительно, вдалекеبرزжили белые призрачные

сумерки. Силы мои сразу удесятерились.

— Не отставайте! — крикнул я Кавору.

Длинный, плоский селенит высунулся из мрака, но тотчас же скрылся с писком. Я остановился и подал знак Кавору, чтобы и он не двигался. Затем повесил свой жакет на лом, спрятался за ближайшую тушу, положил жакет с ломом и высунулся на секунду.

Зз-зз! — просвистела стрела. Мы находились на очень близком расстоянии от селенитов, толстых, длинных и коротких, толпившихся кучей около батареи своих орудий, направленных в пещеру. Три или четыре стрелы последовали за первой: затем обстрел прекратился.

Я высунул голову и оказался на волосок от гибели. Просвистела целая дюжина стрел, раздались крики и чирикание селенитов, свидетельствовавшие об их возбуждении. Я поднял с полу жакет и лом.

— Теперь пора! — воскликнул я и выставил свой жакет.

Зз-зз! Зз-зз! В одно мгновение он был продырявлен тучей стрел, перелетавших через тушу над нашими головами. Я схватил лом, сбросил жакет, — он так и остался на Луне, — и ринулся в атаку.

С минуту длилась бойня. Я рассвирепел и не давал пощады. Селениты же, вероятно, перепугались и плохо защищались. У меня, как говорится, кровь бросилась в голову. Помню, что я пробивался между этими насекомообразными существами, как через высокую траву, кося и направо и налево — раз, два! Брызгала какая-то жидкость, под ногами что-то хрустело и пищало, рассыпаясь на куски. Толпа расступалась и снова смыкалась, как вода. Они сражались в беспорядке. Копья свистели вокруг меня; меня поранили в ухо, в руку и в щеку, но я заметил это потом, когда почувствовал на щеке запекшуюся кровь.

Что делал Кавор, я не знаю. Мне казалось, что этот бой длится целый век и никогда не кончится. И вдруг конец — остатки селенитов обратились в бегство... Я почти не пострадал. Пробежал вперед, крикнул и оглянулся.

Я был изумлен.

Я летел через них громадными скачками. Селениты остались позади или разбежались в разные стороны. Неожиданный конец боя, в который я бросился очертя голову, обрадовал меня. Мне казалось, что я победил не потому, что селениты оказались такими хрупкими, а потому, что я оказался таким сильным. И я самодовольно расхохотался. Ах, эта удивительная Луна!

Посмотрев на искрошенные и корчившиеся тела, разбросанные по пещере, я поспешил к Кавору.

Глава XVIII

На солнечном свете

Теперь мы увидали, что пещера, тянувшаяся перед нами, выходит на тускло освещенное пустое пространство. Спустя минуту мы попали в какую-то покатую галерею, которая вела в обширное круглое пространство, в огромную цилиндрическую шахту, идущую отвесно вверх и вниз. Вокруг этой шахты вилась покатая галерея, без всякого парапета или перил, и, сделав полтора оборота, повертывала опять вверх, на скалу. Кое-где галерея напомнила мне спиральный рельсовый путь через Сен-Готард. Стена была страшно высокая. Я не отваживаюсь изобразить вам титанические размеры всего этого места и титаническое впечатление, производимое им. Окинув глазами стены гигантской шахты, мы разглядели далеко вверху круглое отверстие, усеянное слабо мерцавшими звездами и озаренное наполовину ослепительным белым солнечным светом. При виде этого зрелища мы оба радостно вскрикнули.

— Идем скорее! — сказал я, пускаясь вперед.

— Но что же там? — промолвил Кавор и, осторожно ступая, пошел по краю галереи.

Я последовал его примеру и, поднимаясь по краю, отважился взглянуть вниз, но я был ослеплен верхним светом и мог видеть только бездонную тьму, с мелькавшими в ней яркими пятнами малинового и пурпурного цвета. Однако, если я не мог видеть, то я отлично мог слышать. Из этого мрака доносились к нам звуки — звуки, подобные сердитому жужжанию, которое услышишь, приложив ухо к пчелиному улью, звуки, исходившие из этой громадной пропасти, простиравшейся, быть может, на четыре мили вглубь под нашими ногами.

Я прислушался с минуту, затем подхватил свой лом и зашагал впереди вверх по галерее.

— Это, должно быть, шахта, в которую мы раньше заглядывали, — сказал Кавор, — под крышкой.

— А внизу та преисподняя, в которой мы видели мелькавшие огоньки.

— Огоньки? — сказал Кавор. — Да, огоньки того мира, которого уж никогда нам больше не увидеть.

— Отчего же? — возразил я. — Мы сюда вернемся. Теперь, когда мы избегли такой опасности, я преисполнился надежды, что мы найдем наш

пропавший шар.

Ответа Кавора я не расслышал.

— Что вы сказали? — переспросил я.

— Нет, ничего особенного, — ответил он, и мы торопливо зашагали вверх по галерее.

Этот обходный путь тянулся, полагаю, не менее четырех-пяти миль, даже не считая еще бугров, и поднимался так круто, что на земле восхождение было бы почти невозможно, но здесь, при лунных условиях, оно не представляло ни малейшего затруднения. В течение всей этой части нашего бегства мы видели только двух селенитов, да и те, едва только заметили нас, как стремглав убежали. Очевидно, молва о нашей силе и буйстве уже дошла и до них. Наша дорога к лунной поверхности неожиданно сделалась ровной и гладкой. Спиральная галерея вдруг превратилась в круто поднимающийся туннель, пол которого носил на себе обильные следы пребывания лунного скота, туннель, до такой степени прямой и отвесный в сравнении с обширными сводами, что почти ни одна часть его не была совсем темной. Почти тотчас же открылся просвет, и вверху показался блистающий ослепительным светом наружный выход туннеля. Тут виднелось подобие альпийской вершины, увенчанной гребнем из колючего кустарника, теперь уже выросшего, но поникшего долу, высохшего и помертвело, выступавшего в виде резкого силуэта на солнце.

И... странная вещь!.. Мы, люди, которым эта самая растительность недавно казалась такой ужасной, смотрели теперь на нее с чувством глубокого волнения радости, чувством, подобным тому, которое испытывает вернувшийся домой изгнанник при виде родных мест. Мы радостно приветствовали даже разреженность воздуха, затруднявшую нам дыхание и благодаря которой разговаривать было уже не так легко, как прежде: требовалось усилие, чтобы быть услышанным. Пространство, освещенное наверху солнцем, мало-помалу все расширялось, а внутренность туннеля погружалась в непроницаемый мрак. Видневшийся наверху колючий кустарник лишился уже всяких признаков зелени: он побурел и иссох; его густо переплетавшиеся верхние ветви прикрывали своей тенью нависшие скалы. У самого выхода из туннеля была широкая утоптанная дорога, по которой гоняли лунный скот.

Мы вышли, наконец, через эту дорогу на свет и зной, подействовавшие на нас угнетающим образом. Мы с трудом перешли через открытую палящим лучам солнца поляну и, вскарабкавшись по крутому пригорку, меж стеблями колючих растений, уселись, наконец, страшно

запахавшиеся, на его макушке, под тенью, даваемой выступом застывшей лавы. Но даже в тени скала была горячая.

Воздух, пыщащий зноем, словно раскаленный, повергал нас в сильнейшее физическое томление, зато мы не помнили себя от радости, что давивший нас так долго кошмар прекратился. Нам казалось, что мы опять очутились в нашем родном местечке, в подзвездном мире. Все страхи и трудности нашего бегства чрез мрачные пещеры и расселины в скалах теперь миновали. Последний бой и одержанная победа преисполнили нас громадной самоуверенностью относительно селенитов. Мы оглядывались почти недоверчиво на зияющее отверстие, из которого сейчас только вынырнули. Там, глубоко внизу, в лунных недрах при голубоватом свете, представлявшемся теперь в наших воспоминаниях ближайшей переходной ступенью к полнейшему мраку, мы встретились с тварями, представлявшими собою лишь глупую пародию на людей, эти насекомые со шлемообразными головами; а мы-то ходили в страхе перед ними и во всем покорялись, пока не произошла вооруженная схватка, положившая конец этому игу. И вот все эти гномы растаяли, как воск, рассыпались прахом, убежали, исчезли, как сонная греза!

Я протирал глаза, спрашивая себя, уж не спали ли мы, не пригрезились ли нам, в самом деле все эти вещи под опьяняющим действием съеденных нами грибов, но вдруг почувствовал кровь у себя на лице и убедился, что моя рубашка прилипла к плечу и руке так крепко, что больно было отодрать ее.

— Ах, чорт возьми! — проговорил я, ощупывая свои раны, и вдруг весь отдаленный туннель предстал в моем воображении под наблюдающим оком. — Кавор, — спросил я. — что они теперь намерены делать? И что теперь нам предпринять?

Он покачал головой, не отрывая глаз от темневшего выхода.

— Как знать, что они намереваются делать?

— Это зависит от понятия, которое они составили себе о нас, и я не вижу способа угадать это. Затем это зависит от того, что у них имеется в запасе. Верно, как вы говорите, Кавор: мы коснулись лишь верхней пленки этого лунного мира. У них есть, быть может, всякая штука там, внутри планеты. Даже своими самострелами они могут наделать нам немало вреда... Но при всем том, — резюмировал я в заключение, — если бы даже нам и не посчастливилось отыскать наш шар сразу, мы все-таки имеем шансы. Мы можем выдержать здешние условия, даже здешнюю длинную ночь. Мы можем для этого сойти опять вниз и отвоевать себе место.

Потом я начал осматривать испытующим взором окружающую нас

местность. Характер пейзажа резко менялся, вследствие прежнего буйного роста и теперешнего увядания кустарника. Высокий холм, на котором мы сидели, господствовал над обширной долиной кратера, сплошь покрытой уже увядшею, сухою растительностью в этот период лунного дня, соответствующий поздней осени. Один за другим тянулись пологие бугры, чередовавшиеся с полями, где пасся скот: вдали целое стадо грелось, подремывая, на солнце. Но нигде не было видно ни малейших признаков селенитов. Убежали ли они при нашем появлении на поверхность или просто у них было обыкновение уходить после выгона скота на пастьбу — не могу решить. В то время я предполагал первое.

— Если бы пустить огонь по этой высохшей поросли, — сказал я, — то мы, пожалуй, нашли бы наш шар между пеплом.

Кавор, повидимому, не слышал моих слов. Он внимательно смотрел, прикрыв глаза рукой, на звезды, которые, не взирая на яркий солнечный свет, были еще во множестве видны на небосводе.

— Как вы думаете, сколько времени мы уже пробыли здесь? — спросил он, наконец.

— Где здесь?

— На луне.

— Два дня, вероятно.

— Нет, около десяти дней. Солнце уже перешло зенит и склоняется теперь к западу. Дня через четыре, а может, и скорее того наступит ночь.

— Но ведь за все время нашего пребывания здесь мы ели только один раз!

— Знаю. И... Но так по звездам!

— Однако, почему же время должно представляться иным вследствие нахождения нашего на меньшей планете?

— Не знаю. Но это так!

— Как же следует считать время?

— Голод... утомление... все здесь иное. Все здесь по новому, не так, как на земле. Мне казалось, что со времени нашего выхода из шара прошло всего лишь несколько часов, несколько добрых часов, не более.

— Десять дней! — сказал я, — Значит, нам остается... — я взглянул на солнце, — оно уже прошло полпути от зенита до западного края горизонта, — остается всего только четыре дня!.. Кавор, нам нельзя дремать, нельзя сидеть тут, сложа руки. Как вы думаете, с чего нам начать наши поиски? — Я встал. — Надо наметить какой-нибудь определенный и издалека видимый пункт; можно вывесить флаг или платок, или что-нибудь в этом роде, затем разбить ближайшую местность соответственно четырем

странам света и обходить ее систематически, каждый в своем участке.

Он поднялся и стал рядом со мною.

— Да, — подтвердил он, — нам ничего более не остается, как снова начать охоту за нашим шаром. Ничего более. Может быть, мы найдем его, разумеется, мы найдем. А если нет...

— Мы должны продолжать наши поиски.

Он огляделся кругом во все стороны, посмотрел вверх, на небо, вниз, на туннель, и немало удивил меня внезапным нетерпеливым движением.

— Как глупы мы, что попали в этот туннель! Подумайте только, что бы могло быть и каких бы дел мы могли бы натворить там!

— Мы и теперь можем кое-что сделать.

— Но никогда нам не сделать того, что мы могли тогда. Ведь тут, под нашими ногами, *целый мир*. Подумайте, как он должен быть интересен! Вспомните о машине, которую мы видели, о шахте с ее крышкой! Но это еще были начальные, находящиеся лишь у поверхности вещи. И те несчастные твари, которых мы видели и с которыми сражались, не больше, как невежественная чернь, захолустные жители, пастухи и мясники, мало чем превосходящие животных. А что встречалось бы нам ниже? Наверное, пещеры на пещерах, и туннели, и различные сооружения, и пути сообщения... Ведь эти внутренние области должны иметь все более и более простора, по мере их углубления. Наконец, еще ниже должно находиться центральное море, омывающее самую сердцевину луны. Подумайте о его темных, как чернила, волнах, при скудном освещении! Да и нуждаются ли, впрочем, их глаза каком-нибудь свете! Подумайте о многоводных, бегущих каскадами реках, питающих этот внутренний океан! Подумайте о приливах и отливах, происходящих на его поверхности! Быть может, у них там есть и корабли, плавающие по этому «черному» морю, быть может, там, в самых недрах планеты, есть многолюдные могущественные города и пестреющие народом пути сообщения; быть может, там, царят мудрость и порядок, превосходящие человеческий разум! А мы, пожалуй, умрем здесь и никогда не увидим властелинов, какими они должны быть, — мудрецов, правящих этим внутренним миром луны! Нам легко тут замерзнуть и испустить дух; и воздух замерзнет на нас, и вновь оттает; и тогда... тогда они случайно набредут на нас, натолкнутся на наши окоченелые, безмолвные трупы, найдут и шар, который нам не удастся сыскать, и поймут, наконец, хотя слишком поздно, сколько мыслей и благородных усилий погибло здесь так бесплодно!

Голос его во время этого монолога звучал, как голос разговаривающего в телефоне, доносясь слабо, как будто издалека.

— Но этот мрак? — проговорил я.

— Ну, это препятствие преодолимое.

— Каким образом?

— Не знаю, мало ли как. Откуда я могу знать? Можно носить факел, захватить с собой лампу или фонарь! Можно бы придумать и другие способы.

Он постоял с минуту с опустившимися руками и печальным лицом, уныло глядя в пространство; затем, с жестом, выражавшим покорность судьбе, он обратился ко мне с предложением о систематических поисках затерянного шара.

— Мы ведь можем потом вернуться обратно, — проговорил я.

— Прежде всего нам надо вернуться на землю.

— Мы можем потом привезти с собой лампы и железные крючья для лазания, и сотню других необходимых вещей.

— Да, — согласился Кавор.

— Мы захватим отсюда, как залог успеха, все это золото.

Он посмотрел на мои золотые ломы, но ничего не промолвил. Он стоял, заложив за спину руки и обводя грустным взором окружность кратера. Наконец, он вздохнул и повел такую речь:

— Да, я отыскал сюда дорогу, но найти путь не всегда означает быть его хозяином. Если я привезу свою тайну обратно на землю, то что произойдет отсюда? Я не вижу возможности сохранить секрет своего изобретения в течение года, даже неполного года. Рано или поздно оно должно обнаружиться, или другие люди вторично откроют его. А тогда... правительства и державы всеми силами начнут стараться сюда проникнуть; они передерутся между собой из-за притязаний на лунные территории, вступят в драку и с этим лунным народом; это только распространит вооруженную борьбу и увеличит поводы к распрям. В скором, весьма скором времени, если я оглашу мой секрет, эта планета, вплоть до глубочайших внутренних галерей, будет усеяна сплошь людскими трупами. В чем другом, а в этом нельзя ни мгновение сомневаться... И не то, чтобы луна была нужна для чего-нибудь человеку. На что им луна? Да и из своей собственной что они сделали? Только лишь поле вечной битвы, арену вечной бессмыслицы! Нет, наука и так уже много трудилась над выковываньем смертельного оружия для безумцев! Пора приостановить эту работу. Пусть они снова додумаются сами в тысячелетний период времени!

— Есть способы сохранения тайны, — заметил я.

Кавор лишь посмотрел на меня и улыбнулся.

— Наконец, — сказал он, — из чего нам препираться? У нас так мало

шансов разыскать шар, а там внизу, тревога продолжается. Это лишь по человеческой привычке надеяться до самой последней минуты мы думаем о возвращении на землю. Наши затруднения только теперь начинаются. Мы причинили насилие этому лунному люду, мы дали почувствовать им свою силу и свирепость, и наши шансы не лучше шансов того тигра, который вырвался из клетки и загрыз человека в Гайд-Парке. Молва о нас, по всей вероятности, разносится из галереи в галерею и распространится до самых центральных внутренних областей... Никакие здравомыслящие существа никогда не допустят нас взять этот шар с собою обратно на землю после того, что они видели или слышали о наших подвигах.

— Но мы не улучшим наших шансов, расслаживая здесь, — сказал я.

Мы оба встали.

— В конце концов, — сказал Кавор, — мы должны разъединиться. Надо вывесить платок на верхушке одного из этих высоких стволов кустарника, крепко привязать его, и от этого пункта, как от центра, приняться за работу по всей площади кратера. Вы пойдете на запад, описывая полукруг в ту или иную сторону, по направлению к заходящему солнцу. Вы должны двигаться сначала так, чтобы ваша тень ложилась от вас вправо, до тех пор, пока она не будет пересекать под прямым углом путь от нашей вехи; а затем двигайтесь так, чтобы ваша тень ложилась влево от вас. Я буду проделывать то же самое в восточном направлении. Мы будем заглядывать в каждый овраг, осматривать каждую группу скал, мы приложим все усилия, чтобы отыскать наш шар. Увидав селенитов, постараемся от них спрятаться. Для утоления жажды можно глотать снег, а если почувствуется потребность в пище, надо убить первого встречного теленка, если это окажется возможным, и есть без церемонии его мясо сырым. Итак, каждый из нас двинется своей дорогой.

— А если один из двух натолкнется на шар?

— Он должен вернуться к вывешенному платку и стоять там, подавая сигналы другому.

— А если никто из нас...

Кавор взглянул на солнце.

— Мы будем искать шар до тех пор, пока нас не застигнет ночь и стужа.

— Предположите, что селениты нашли шар и спрятали.

Кавор пожал плечами.

— А если они теперь в погоне за нами?

Он также ничего не ответил.

— Запаситесь-ка лучше на всякий случай дубинкой, — сказал я.

Он кивнул отрицательно головой и устремил пристальный взор через расстилавшуюся перед нами пустыню.

— Ну, двинемся в поход! — проговорил он.

Но с минуту он сам не двигался, глядя смущенно на меня, и как будто колебался.

— До свидания! — сказал он, наконец.

Я почувствовал странное волнение при мысли о предстоящей разлуке и только-что хотел протянуть ему на прощание руку, как, глядь, он уже отпрыгнул далеко от меня, по направлению на север. Он неся по воздуху, как будто подхваченный ветром свернувшийся лист, плавно опустился на почву и сделал новый прыжок. Я постоял с минуту, наблюдая за его полетом, потом нехотя повернулся лицом на запад, выбрал место для скачка поудобнее, и с чувством, как у человека, собирающегося нырнуть в ледяную воду, устремился вперед для обзора моей пустынной половины лунного мира. Я спустился довольно неловко между скалами, постоял капельку, осматривая вокруг себя местность, затем вскарабкался на каменную площадку и прыгнул дальше. Когда теперь я начал искать глазами Кавора, он уже скрылся из виду; но платок ясно был виден на пригорке, ослепительно белый при блеске яркого солнца. Я решил не терять этого платка из виду, что бы ни случилось.

Глава XIX

Мистер Бедфорд в одиночестве

Спустя короткое время мне уже казалось, будто я всегда был один на луне. Сначала я охотился довольно усердно, но жара была еще очень сильная, а разреженность воздуха вызывала такое ощущение, как будто грудь была сдавлена обручем. Я пришел теперь в лощину, заросшую по краям щетиной высоких, бурых иссохших кустов, и уселся под их увядшей листвой, чтобы отдохнуть немного и простыть. Я предполагал посидеть тут очень короткое время; положил свои ломы около себя и сидел, подперши голову обеими руками. Обводя глазами окружающую местность, я увидел, что скалы лощины, кое-где покрытой полосами высохшего мха, были изрезаны жилами золота, и что там и сям из слоя каменных обломков и остатков растительности выглядывали округленные массы самородного металла; но я отнесся довольно равнодушно к этому открытию. В самом деле, какой интерес или значение могли иметь теперь для меня эти лунные сокровища? Я не верил, чтобы мы когда-нибудь нашли наш шар в этой сожженной солнцем пустыне. Мне казалось, что нет побудительной причины к дальнейшим стараниям, до тех пор, пока не появятся селениты. Затем я подумал, что должен напрягать все силы, повинаясь тому неразумному императиву, который побуждает человека прежде всего охранять и защищать свою жизнь, хотя, может быть, лишь для того, чтобы вскоре потом умереть более мучительной смертью.

Зачем мы пришли на луну?

Это представлялось мне очень трудной, едва ли когда-нибудь разрешимой загадкой. Какой это бес сидит в человеке, побуждающий его нередко навсегда отказаться от счастья и безмятежной жизни, трудиться, подвергать себя явным опасностям, даже идти на вернейшую гибель? Я начинал понимать здесь, на луне, то, что давно должен бы знать, что человек создан не затем лишь, чтобы заботиться о собственном благополучии, чтобы хорошо поесть, пользоваться комфортом и весело проводить время, и сам человек, когда представится к тому удобный случай, покажет, что это именно так. Сидя здесь, среди бесполезного лунного золота, в обстановке иного, чуждого мне мира, я стал сводить счеты всей моей жизни. Предполагая, что мне суждено умереть брошенным на луне, я задал себе вопрос: какой цели я добивался? Мне не

удалось уяснить себе этот пункт, но во всяком случае теперь мне стало яснее, чем когда-либо прежде, что во все время моего существования я никогда не служил целям моей личной жизни. Для чего — этого я не мог сказать. Я бросил раздумывать о цели нашей экскурсии на луну, и поставил вопрос шире: зачем я появился на землю?.. В конце концов я запутался в беспочвенных рассуждениях...

Мысли мои стали мешаться, сделались смутными, сбивчатыми, не развивавшимися более в определенных направлениях. Я не чувствовал тяжести или утомления — на луне это немыслимо, но все-таки, вероятно, я очень устал. Как бы то ни было, я заснул.

Сон, или вернее, дремота, подействовала на меня успокоительно; тем временем, пока я дремал, солнце спускалось все ниже и ниже; жара уменьшалась. Когда, наконец, какой-то отдаленный крик или шум разбудил меня, я почувствовал себя бодрым и способным к работе. Я протер глаза, расправил слегка одеревенелые члены и тотчас же решил возобновить свои поиски. Взвалив свои золотые дубины на плечи, я вышел из этого оврага, изобиловавшего драгоценным металлом.

Солнце, несомненно, стояло ниже, гораздо ниже, чем прежде; в воздухе сделалось несравненно холоднее. Очевидно, я спал довольно долго. Мне показалось, что над западными утесами висит синеватая дымка. Я вспрыгнул на ближайший холм и стал осматривать внутренность кратера. Не было видно ни малейшего признака скота или селенитов, не было видно и Кавора, но мой платок все еще развивался вдали, на более высокой ветке кустарника. Осмотревшись вокруг, я прыгнул на следующий удобный для наблюдения возвышенный пункт.

Я продолжал свой путь полукругами, постепенно все расширявшимися, что, правду сказать, было до крайности утомительно и безнадежно. В воздухе действительно стало гораздо прохладнее, и я заметил, что под западными утесами тень удлиняется и расширяется. Я то и дело останавливался и производил рекогносцировку, но по-прежнему не было никаких признаков Кавора, никаких признаков селенитов. Мне подумалось, что скот, вероятно, уже загнан внутрь планеты, так как нигде на полях его не было. У меня же все более и более усиливалось желание встретить Кавора. Солнце спустилось уже так низко, что отстояло от края горизонта не более как на диаметр своего диска. Меня тревожила мысль, что селениты теперь, пожалуй, закроют свои крышки и отдушины и оставят нас в жертву приближающейся ужасной лунной ночи. Мне казалось, что давным-давно пора уже прекратить поиски шара, и посоветоваться вместе, что нам делать. Мы должны решить этот вопрос как

можно скорее. Раз эти отдушины будут закрыты, мы пропали. Нам необходимо пробраться опять вглубь луны, хотя бы даже с опасностью жизни. В моем воображении уже рисовалась страшная перспектива нашего замерзания до смерти и бесплодных попыток стучаться, выбиваясь из сил, в крышу большой шахты.

В самом деле, я уже совсем забыл о шаре, я думал только, как бы поскорей найти Кавора. Я взвешивал своевременность быстрого возвращения к нашему платку, как вдруг — я увидел наш шар!

Не столько я нашел его, сколько он меня. Он лежал гораздо далее к западу от того места, куда я дошел, и наклонные лучи заходящего солнца, отражавшиеся от его стекол, выдали его присутствие. В первый момент я подумал, что это какая-нибудь новая хитрая затея против нас со стороны селенитов, затем вдруг понял и с радостными криками пустился к нему огромными прыжками. Я неверно рассчитал один из этих прыжков и шлепнулся в глубокий овраг, свернув себе слегка лодыжку на правой ноге; после того спотыкался почти при каждом прыжке. Я был в состоянии истерической ажитации, дрожал, как в лихорадке и совсем запыхался еще задолго до того, как достиг своей цели. Раза три, по крайней мере, я должен был останавливаться, чтобы передохнуть, и, несмотря на разреженность и сухость воздуха, пот лил с меня ручьями.

Но я не думал ни о чем, кроме шара, пока до него не добрался; я забыл даже свое беспокойство о местопребывании Кавора. Мой последний прыжок перенес меня прямо к шару; я прижался к нему тяжело дыша и тщетно пытаюсь закричать: «Кавор, здесь шар!» Я заглянул через толстое стекло внутрь шара; находившиеся там вещи, казалось, были сбиты в кучу. Когда, наконец, ко мне вернулась способность к движению, я просунул голову в горловину и увидел, что все было в целости, ничто не пострадало. Все лежало так, как мы оставили, когда вылезли из шара на снежные сугробы. Теперь я забрался внутрь и некоторое время был всецело занят переборкой нашего инвентаря. Всунув в тюк и свои золотые дубинки, я принял немного пищи — не столько потому, что чувствовал в ней потребность, сколько потому, что съестное попало мне на глаза. Затем мне пришло в голову, что пора выйти и подать сигнал Кавору.

Во всяком случае все шло хорошо! У нас еще будет время набрать много того магического вещества, которое дает возможность господствовать над людьми. Тут же, поблизости, золота не оберешься, а наш шар, даже наполовину нагруженный этим металлом, может двигаться так же легко и свободно, как если бы он был совсем пустой. Мы можем теперь возвратиться сами себе господами и властелинами нашего мира, и

тогда...

Я размечтался на эту тему. Какой монополист, какой император может сравниваться с людьми, владеющими луной?

Пробудившись от этих заманчивых грез, я вспомнил, что пора, наконец, сходить за Кавором. Нет сомнения, он уныло скитается где-нибудь там на востоке.

Я, наконец, выкарабкался из шара и огляделся вокруг. За буйным ростом растительности быстро следовало ее увядание, и весь вид окрестных скал изменился; но все-таки еще можно было узнать тот пригорок, на котором при нашем прибытии только что начали всходить молодые растения, и то скалистое возвышение, с которого мы впервые обозревали обширное дно кратера. Но колючий кустарник на склоне холма стоял уже бурый, иссохший, вытянувшись футов на 30 в высоту и отбрасывая длинные тени, а маленькие семена, висевшие пучками на его верхних ветках, уже почернели и совершенно созрели. Работа кустарника была сделана, и он готов был упасть и рассыпаться прахом под разрушительным действием ледящего воздуха, когда наступит длинная лунная ночь. А огромные кактусы, которых мы видели еще раздувавшимися, давно уже полопались, разбросав свои споры на все четыре стороны луны. Удивительный уголок во вселенной эта пристань первых людей! Хорошо бы было со временем поставить тут, среди кратера, столб с приличествующей надписью. Я подумал, что если бы только этот внутренний лунный мир знал всю важность момента, какая бы страшная тревога поднялась тут! Но пока он, кажется, еще и не подозревает, какое значение имеет наше прибытие, иначе этот кратер наверное бы стал теперь ареной яростной борьбы, а не оставался бы безмолвной пустыней! Я стал высматривать местечко поудобнее, откуда бы можно было подать сигнал Кавору, и увидел ту самую скалу, на которую он сделал свой первый прыжок, и которая и теперь являлась такой же голой и бесплодной, как в тот момент. С минуту я колебался, можно ли уходить так далеко от шара. Затем, устыдившись своего колебания, я прыгнул...

С этого наблюдательного пункта я начал вновь обозревать кратер. Далеко, у самой верхушки отбрасываемой мной тени, чуть виднелся лишь белый платок, развевавшийся на высоком кустарнике. Мне казалось, что Кавор тем временем должен уже был бы высматривать меня. Но его нигде не было видно.

Я стоял, выжидая и наблюдая, в надежде каждую секунду увидеть его. Вероятно, я простоял так долго. Пробовал кричать, но, разумеется, безуспешно, благодаря разреженности воздуха. Я сделал нерешительный

шаг назад к шару, но тайный страх перед селенитами заставил меня отказаться от осуществления мелькнувшей у меня мысли — подать сигнал о моем местонахождении, вывесить одно из наших одеял на соседнем кустарнике. Я снова принялся внимательно оглядывать кратер.

Царившая кругом пустынность и мертвая тишина нагоняли уныние на меня. Даже отдаленный гул, доносившийся из внутреннего лунного мира, теперь затих. Кроме слабого шелеста ближайших кустов, трепетавших от поднимавшегося легкого ветерка, не было слышно ни малейшего звука, ни тени звука. Дневная жара уже спала; ветерок был даже довольно свежий.

— Куда это запропастился Кавор?

Набрав как можно более воздуха, я приложил руки ко рту и заорал во все горло: «Кавор!». Изданный мною звук напоминал голос лилипута, кричащего издалека.

Я поглядел на сигнальный платок, поглядел на расширяющуюся тень западного утеса, поглядел из-под руки на солнце. Мне показалось, что оно почти заметно на глаз ползет вниз по небу.

Я сознавал, что должен действовать, не теряя минуты, если хочу спасти Кавора, и пустился по прямой линии к сигнальному платку. Расстояние до платка было, повидимому, около двух миль, дело лишь нескольких сот прыжков и больших размашистых шагов. При каждой остановке я искал Кавора и удивлялся, как и куда он мог деваться.

Последний прыжок, и я очутился в ложбине под платком; еще один большой шаг — и я был на нашем прежнем наблюдательном пункте. Стоя возле платка, я внимательно осматривал окружающее пространство. Далеко, у подошвы пологого склона, виднелось отверстие туннеля, через которое мы убежали; моя тень достигала его края.

Ни малейшего признака Кавора, ни малейшего звука, только усиливался шелест кустарников да расширялись лежащие тени. Вдруг меня стало знобить, как в лихорадке. «Кав...», попробовал я крикнуть и еще раз убедился в бесполезности человеческого голоса в этом разреженном воздухе.

Молчание. Молчание смерти.

Затем мой глаз уловил нечто, какую-то маленькую вещицу, лежавшую ярдах в пятидесяти от меня, у подошвы склона, среди поломанных веток. Что бы это было? Я знал, но, по некоторой причине, медлил в этом убедиться.

Я подошел ближе: это была шапочка крикетиста, которую носил Кавор.

Я увидел тогда, что разбросанные вокруг нее ветви были нещадно

поломаны и потоптаны. После минутного колебания я сделал несколько шагов вперед и поднял фуражку.

Я стоял с этой шапочкой в руке, рассматривая утопанную вокруг меня почву. На некоторых ветках видны были маленькие пятна какого-то вещества, к которым мне было страшно прикоснуться. В небольшом расстоянии от того места, где я стоял, поднявшийся порыв ветра вынес на свет что-то маленькое и ярко белое.

То был измятый, как будто крепко сжимавшийся клочок бумаги. Я поднял его; на нем виднелись какие-то красные пятна. Мой глаз уловил также бледные следы карандаша. Разгладив клочок, я увидел неровное и несвязное писанье, оканчивающееся кривой чертой через всю бумагу.

Я сел на ближайший камень и начал разбирать писанное.

«Я ранен около колена, кажется, у меня коленная чашка раздроблена, и я не могу ни бежать, ни ползти больше», так начиналась записка; это было написано довольно разборчиво. Затем, менее четко: «Они гнались за мной некоторое время, и теперь лишь вопрос...» повидимому, сначала было написано «времени», но затем зачеркнуто и заменено каким-то другим неразборчивым словом, «...когда они мной овладеют». Затем почерк делался судорожным. «Я могу слышать их», прочел я в догадке, но написанное вслед за тем было совершенно неразборчиво. Дальше шло несколько слов, довольно явственных: «Эти селениты другого сорта, повидимому, правители...», и опять было написано что-то непонятное. «Голова у них больше, и одеты они в платье, кажется, из тонких золотых пластинок; голоса их более приятны, движения обдуманы... Хотя я ранен и беспомощен, но их появление дает мне надежду».(Это похоже на Кавора) «Они не стреляли в меня и не покушались... вредить. Я намереваюсь...»

Затем проведена карандашом кривая черта поперек всей бумаги; бурые же пятна по краям и на оборотной стороне оказались кровавыми.

Пока я стоял, пораженный как громом, с этим изумительным сувениром в руке, что-то мягкое, очень мягкое, легкое и холодное прикоснулось на мгновение к моей руке и исчезло, какая-то белая пушинка мелькнула в воздухе, уносимая ветром. То были снежные хлопья, первые хлопья, предвестники наступающей ночи.

В испуге взглянул я наверх; небо все потемнело, почти почернело, и было усеяно множеством тускло мерцающих звезд. Я посмотрел на восток — горизонт принял темно-бронзовый оттенок, взглянул на запад — солнце, утратившее теперь, благодаря сгущавшейся белой мгле, половину своего жара и блеска, словно задевая за края кратера, скрывалось из виду, и все кусты и скалы вырисовывались на освещенном небосклоне в форме

беспорядочно разбросанных черных фигур. Холодный ветер приводил в содрогание весь кратер. В один миг я был окутан падающим снегом, и весь окружающий мир погрузился в туман.

Тогда я вдруг услышал не громкий и пронзительный, как в первый раз, а слабый и глухой, подобно замирающему голосу, звон колокола, тот самый, который приветствовал наступление лунного дня:

«Бум!.. Бум!.. Бум!..»

И вдруг зияющее отверстие туннеля сомкнулось, подобно глазу, и исчезло из виду.

На этот раз я очутился в полном одиночестве.

Надо мной и вокруг меня, охватывая со всех сторон, подступая ко мне все ближе и ближе, была раскинута вечность, та, что была уже перед началом всего сущего и переживет его конец, та необъятная пустота, в которой весь свет, и жизнь, и бытие лишь мимолетный блеск падающей звезды, вечный холод, безмолвие, бесконечная и беспросветная ночь пространства.

— Нет! — воскликнул я, — нет! Не теперь еще! Погоди, погоди!..

И, разъяренный, дрожа от холода и страха, я швырнул скомканную бумажку, вскарабкался снова на возвышение и изо всех сил прыгнул по направлению к оставленному мною знаку, еле заметному уже в туманной дали.

Прыг, прыг, прыг! Каждый прыжок казался длившимся целые века. Бледный диск солнца опускался передо мной все ниже и ниже, удлинявшаяся тень грозила поглотить шар, прежде чем я доберусь до него. Ноги мои скользили по нараставшему снегу; один раз я упал в иссохшие кусты, которые рассыпались в прах подо мною; в другой раз я споткнулся и скатился кубарем в овраг, исцарапав при этом до крови лицо и руки. Но такие случайности было ничто в сравнении с промежутками, с теми ужасными паузами, когда застреваешь на воздухе перед надвигающимся приливом ночи.

— Доберусь ли, о Боже мой, доберусь ли? — повторял я себе тысячу раз, пока этот мучительный вопрос не превратился в сплошную молитву, в какую-то ектенью.

Когда я достиг шара, он уже был засыпан густым слоем снега. Продрогший от холода, я влез скорее внутрь и окоченелыми пальцами принялся затворять ставни.

Пока я возился с затворами, долгое время безуспешно, — раньше мне никогда не приходилось производить эту операцию, — я мог смутно видеть через отпотевшее стекло красные лучи заходящего солнца, мерцавшие

через снежную бурю, и темные очертания кустарника, гнувшегося и ломавшегося под тяжестью утолщавшегося снежного покрова. Все гуще и гуще становился падавший и крутившийся в воздухе снег. Что, если и теперь ставни не поддадутся моим усилиям?

Наконец, что-то щелкнуло под моими руками, и вмиг это последнее видение лунного мира исчезло из моих глаз. Я погрузился в тишину и мрак междупланетного шара.

Глава XX

Мистер Бедфорд в бесконечном пространстве

Состояние мое было почти такое же, как если бы я был убит. Мне кажется, что человек, внезапно и насильственно убитый, должен чувствовать нечто подобное тому, что чувствовал я в это время. В первый момент муки агонии и ужас; в последующий — мрак и тишина: ни света, ни жизни, ни солнца, ни звезд, ни луны. Хотя это было совершенно моей собственной волей, хотя я испытывал уже нечто подобное в обществе Кавора, тем не менее, я был ошеломлен и потрясен. Мне казалось, что я несусь прямо ввысь, в бесконечную тьму. Я витал, как тень, в воздухе, пока не столкнулся с нашим тюком, заключавшим в себе, между прочим, золотую цепь и золотые палицы; он так же носился в пространстве, пока не встретил меня в нашем общем центре тяжести.

Не знаю, долго ли шло это круговращение. В шаре, конечно, еще более, чем на луне, чувство земного времени исчезает. Прикосновение тюка как бы пробудило меня от дремоты. Я тотчас же сообразил, что для того, чтобы сохранить бодрость, мне необходимо осветиться или открыть ставню. Кроме того, мне было очень холодно. Поэтому я оттолкнулся от тюка, уцепился за шнурки с внутренней стороны стенки, подполз к горловине и, кружась около тюка, задевая за что-то мягкое, также плававшее в пространстве, я, наконец, нащупал веревочки от кнопок и захватил их в руку. Прежде всего я зажег лампочку, чтобы посмотреть, с чем это я сталкивался, и открыл, что это старый экземпляр «Известий Ллойда», сорвавшийся с привязи и гулявший в пустом пространстве. Это вернуло меня из мира бесконечности к моим собственным реальным размерам. Я рассмеялся, отчего дыхание стало еще затруднительнее, чем прежде; это внушило мне мысль взять небольшое количество кислорода от одного из цилиндров, наполненных этим газом. Затем я привел в действие нагреватель, и, несколько обогревшись, подкрепил себя пищей. После того я начал весьма осторожно манипулировать каворитными затворами, чтобы посмотреть, нельзя ли каким образом угадать, где путешествует мой шар.

Первый открытый мною заслон я тотчас же захлопнул опять, ослепленный внезапно брызнувшей струей солнечного света. Подумав немного, я открыл окна, расположенные под прямым углом к первому, и

увидал исполинский полумесяц, а позади него маленький серповидный диск земли. Меня до крайности изумило, что шар уже так далеко улетел от луны. Я рассчитывал, что не только не получу здесь «пинка» вроде того, какой нам дан был земной атмосферой при нашем старте, или, по крайней мере, испытаю гораздо более слабый толчок, но кроме того «отлет» по касательной к поверхности луны должен был происходить по меньшей мере в двадцать восемь раз медленнее, чем на земле. Я ожидал увидеть шар еще висющим над нашим кратером, едва выходящим из области ночи, но все это было уже теперь лишь частью блестящего полукруглого диска, заполнявшего собой небосвод. А Кавор?..

Он стал бесконечно малой величиной.

Под вдохновляющим прикосновением кружившейся внутри шара газеты я снова сделался очень практичен на короткое время. Мне было совершенно ясно, что я должен делать, вернувшись на землю; но, насколько я мог видеть, шар, вместо того, чтобы приближаться, все больше и больше удалялся от нее. Что бы ни случилось с Кавором, я не мог помочь ему. Он находился там, живой или мертвый, за покровом непроглядной лунной ночи, и там он должен оставаться, пока я не получу возможности призвать его ближних, всех людей-братьев на выручку. Вот вкратце какой план созрел в моем уме: вернуться на землю и тогда, смотря потому, как окажется лучше, по более зрелом обсуждении, либо показать или объяснить устройство шара немногим известным скромностью лицам и действовать сообща с ними; либо сберечь мой секрет, продать золото, закупить оружия, припасов, найти помощника и вернуться с такой заручкой, чтобы бороться на равных условиях с убогим населением луны, и тогда или освободить Кавора, или добыть достаточное количество золота, чтобы поставить мои последующие предприятия на более твердую основу. Все это было как нельзя яснее, и я стал обдумывать, каким образом выполнить мое возвращение на землю.

Я придумал, наконец, что надо спуститься обратно к луне как можно ближе, затем закрыть все окна, промчаться мимо нее, а миновав луну, открыть лишь окна, обращенные к земле, направившись таким образом прямехонько к дому. Но достигну ли я этим способом когда-нибудь земли или просто лишь буду кружиться около нее, по гиперболе или параболе какой-нибудь, этого я не сумел бы сказать. Вскоре меня осенила счастливая мысль, что, открыв затем некоторые из окон, обращенных раньше к луне, сиявшей на небе, опережая землю, я поверну шар вбок и полечу прямо к земле; иначе, без подобного приема, я должен был, очевидно, миновать землю. Я долго ломал голову над этой задачей, так как я не математик, и

все-таки в конце концов уверен, что тут гораздо более мое счастье, чем умствования, помогло мне спуститься на землю. Знай я тогда, как знаю теперь, что большинство математических шансов было против меня, я, по всей вероятности, даже не дал бы себе труда коснуться кнопок, чтобы сделать попытку подобного рода. Придумав же решение задачи, я открыл тогда все обращенные к луне окна и, сидя на корточках, выжидал постепенного увеличения полумесяца, пока не почувствую, что шар достаточно приблизился к нему, чтобы можно было закрыть окна, пролететь мимо луны с приобретенной от нее скоростью и направиться прямым путем к земле.

Когда это было сделано, я закрыл от своих глаз панораму луны и, совершенно свободный от всякой тревоги и беспокойства, я сел в своей маленькой скорлупе, несущейся в бесконечном пространстве, оставаясь спокойно на-страже до тех пор, пока скорлупка не упадет на землю. Благодаря нагревателю, в шаре стало довольно тепло, воздух был освежен впускной мной струей кислорода, и если не считать легкого прилива крови к голове, продолжавшегося у меня во все время нахождения вне земли, я чувствовал полный физический комфорт. Свет я погасил, из опасения, чтобы не истощился окончательно его источник, и пребывал в полной темноте, если не считать сияния земного диска да мерцания звезд. Повсюду царила такая абсолютная тишина, что я мог воображать себя единственным существом во вселенной, и, однако, не странно ли, чувство одиночества или страха меня волновало не более, чем если бы я лежал в кровати на земле. Теперь это кажется особенно странным после того, как в последние часы моего пребывания в кратере луны я испытывал такое мучительное сознание одиночества...

Этот промежуток времени, проведенный мною в пространстве, не имеет никакой соразмерности со всякой другой полосой моей жизни. Иногда мне казалось, что я сижу уже целую вечность, точно какой-нибудь бог на листе лотоса; другой раз, напротив, представлялось, как будто прошла лишь минутная пауза после моего прыжка с луны на землю. В действительности это было несколько недель земного времени. Но за этот промежуток я не чувствовал ни забот, ни тревог, ни голода, ни страха. Я сидел, погруженный в думы о наших приключениях и о всей моей прежней жизни. Я казался самому себе растущим все выше и выше, утратившим всякую способность движения, парящим среди светил небесных, и непрестанно сознание ничтожных размеров земли и мимолетности моей земной жизни смутно проскальзывало в моих мыслях.

Не берусь объяснить всего происходившего тогда в моем уме. Без

сомнения, все, что там копошилось, должно быть приписано особым, исключительным физическим условиям, в которых я тогда находился. Всего любопытнее было возникшее у меня сомнение в своей личности. Я, если можно так выразиться, разобщился с Бедфордом, отпал от него; я смотрел на Бедфорда свысока, как на мелкое и ничтожное существо, с которым я лишь случайно был связан. Я видел в нем не более, как осла или иное жалкое животное, тогда как прежде склонен был взирать на него с гордостью, как на весьма умного и сильного человека. Теперь же я видел в нем не только осла, но потомка множества ослиных поколений. Я мысленно проследил его прошлое: его школьные годы, раннюю пору его зрелого возраста, его первую любовную встречу, — проследил не с большим интересом, чем если бы я вздумал проследить прошлое какого-нибудь муравья, копошащегося в песке... Кое-что из этого периода просветления, осталось у меня, к сожалению, и досель, и боюсь, что ко мне никогда вполне не возвратится прежняя самоудовлетворенность былого времени. Но в тот период обстоятельство это нимало не огорчало меня, так как я был убежден, что я столько же могу называться Бедфордом, как всякий другой человек, что я только дух, носящийся в тихом и ясном небесном пространстве. С какой стати мне огорчаться по поводу недостатков этого Бедфорда? Ведь я не ответствен ни за него, ни за них.

Некоторое время я боролся против этого самообмана. Я пробовал призвать себе на помощь воспоминания о каких-либо выдающихся моментах моей жизни, о нежных или сильных душевных волнениях; я чувствовал, что если бы мог припомнить какой-нибудь порыв страсти, то эта возрастающая рознь мгновенно бы прекратилась. Но этого не удалось мне. Я видел Бедфорда быстро шагающим вниз по Чансери-Лен, со шляпой на затылке, с развевающимися фалдами, стремящимся на публичный экзамен. Я видел, как он увертывался от столкновения со встречными прохожими, проталкивался между ними, даже приветствовал других подобных ему ничтожных созданий в этом движущемся канале людской толпы. Разве это был я? Я видел Бедфорда в тот же вечер в гостиной некоей дамы; шляпа его лежала на столе подле него, и он был весь в слезах. Неужели это был «я»? Далее, я видел, как он спешил в Лимпн сочинять драму, знакомился с Кавором, работал над сооружением шара; затем предпринял экскурсию в Кентербэри, из боязни отправиться с Кавором в задуманное путешествие. Неужели же это был «я»? Я не верил.

Я соображал, кроме того, что все это просто галлюцинация, происходящая от моего уединения и того факта, что я утратил всякий вес и чувство сопротивления. Я старался пробудить в себе это чувство, ударяясь

головой о стенку шара, щипля свой палец и хлопая в ладоши. Между прочим, я зажег лампочку, схватил истрепанный номер «Ллойда» и начал перечитывать красовавшиеся на его задней странице убеждающие в реальности объявления о велосипедах Кетанея, о «ложках и вилках», предлагаемых одною лэди, очутившейся в бедственном положении, и так далее. Е было никакого сомнения, авторы этих объявлений действительно существуют, и говорил я самому себе: «Ведь это твой мир, и ты Бедфорд, и возвращаешься туда, чтобы провести всю остальную жизнь среди этого мира». Но червь сомнения внутри меня не унимался: «Да это не ты читаешь, это читает Бедфорд, *но ведь ты не Бедфорд*. В этом кроется твоя ошибка».

— Чорт побери, — закричал я. — Если я не Бедфорд, так кто-же «я»?

Но на этот вопрос не было пролито ни одного луча света, хотя самые чудовищные фантазии проносились в моем мозгу, как бегущие тени, мелькающие вдали... У меня даже явилась мысль, что я действительно нечто, существующее не только вне земли, но вне всех миров, бытие вне пространства и времени, а бедный Бедфорд был только щелкой, через которую я смотрел на жизнь...

Бедфорд! Хотя я отрекался от него, однако я несомненно был с ним связан и знал, что чем бы я ни был, я должен ощущать силу его желаний, должен радоваться его радостям и печалиться его горестям, пока не кончится его жизнь. А когда Бедфорд умрет, что тогда?..

Но довольно об этой замечательной фазе пережитых мною впечатлений!

Я рассказываю здесь об этом просто лишь затем, чтобы показать, как уединение и разлука с земной планетой производит странное и неожиданное расстройство не только в отправлениях и ощущениях каждого телесного органа, но также и в умственной лаборатории.

Во продолжение большей части этого долгого странствования я думал исключительно лишь о подобных неестественных предметах, отрешившийся от себя. Безмятежный, витая в пустом пространстве среди звезд и планет; и не только тот мир, в который я возвращался, но и озаренные синеватым светом пещеры селенитов, их шлемомообразные головы, их гигантские, удивительные машины и участь Кавора, навеки канувшего в том мире, все это казалось мне бесконечно мелким, ничтожным, не стоящим никакого внимания...

До тех пор, пока, наконец, я начал ощущать на себе действие притягательной силы земли, которая влекла меня назад, к реальной, человеческой жизни. И тут мне начало представляться яснее и яснее, что я

все-таки Бедфорд, и возвращаюсь после изумительных приключений в свой мир, и легко может случиться, что я лишусь жизни при этом возвращении. Я начал выяснять себе условия, при которых мой шар должен грохнуться на землю.

Глава XXI

Мистер Бедфорд в Литльстоне

Направление моего полета было почти параллельно поверхности, когда я достиг верхних слоев атмосферы. Температура шара начала с этих пор повышаться. Я знал, что мне надо когда-нибудь спуститься. Но далеко подо мной, в темнеющем сумраке, раскинулось обширное морское пространство. Я открыл все окошки, какие мог. Постепенно я перешел из яркого солнечного света к вечерним сумеркам, и от сумерек к ночному мраку. Все шире и шире вырисовывалась подо мной земля по мере появления звезд, и серебристо-прозрачная, светящаяся ночным светом облачная вуаль стремилась окутать меня. Наконец, земля представлялась мне уже более не круглой, а плоской, потом даже вогнутой. Она уже не была больше планетой, носящейся во мраке, но целым миром, населенным людьми. Я закрыл все, кроме пространства около дюйма в окошке, обращенном к земле, и начал спускаться с ослабленной быстротой. Крепнущий ветер веял теперь уже так близко, что я мог видеть мрачный блеск волн, вздымавшихся мне навстречу. Я защелкнул последнюю полоску в окне и сидел, мрачно грызя пальцы, в ожидании спуска...

Шар шлепнулся об воду с громким всплеском. Вода разбрызгалась, должно быть, на несколько сажен кверху. Тогда я раскрыл вновь одно из каворитовых окошек и стал вновь спускаться, с каждым разом все медленнее и медленнее, пока не почувствовал, что шар прижимается к моим ногам и подскакивает все кверху, как пузырь. В конце концов я плавал, носясь по поверхности моря, и мое путешествие в пространстве пришло к концу.

Ночь была темная, без просвета. Две маленьких желтых точки указывали вдали на плывущие суда, а впереди маячил красный огонек, то появляясь, то исчезая. Если бы электричество моей лампочки не пришло к концу, я решил бы, пожалуй, подняться вверх снова. Но, несмотря на крайнюю усталость, я начинал чувствовать возбуждение, волнуемый лихорадочной, нетерпеливой надеждой, что мое странствие может окончиться.

В конце концов я перестал суетиться и сидел, упершись в колени и глядя пристально на этот далекий красный свет. Он вспыхивал и погасал, мерцая все время. Мое возбуждение мало-по-малу улеглось. Я вспомнил,

что мне придется провести, по крайней мере, еще одну ночь в шаре, почувствовал себя до крайности отяжеленным и утомленным и заснул вдруг мертвым сном.

Перемена ритмического укачивания пробудила меня. Я посмотрел через стекло окошка и увидел, что я выброшен на берег, на громадную песчаную мель. Далеко где-то мелькали на горизонте дома и деревья, а со стороны моря какие-то неполные, смутные очертания корабля выделялись из волн и мрака.

Я встал на ноги и начал вглядываться. Моим единственным желанием было выскочить из шара. Отверстие для выхода находилось вверху, и я стал вертеть штопор. Мало-по-малу горловина открывалась. Наконец, воздух засвистел, снова врываясь внутрь шара, как некогда он свистел, выходя наружу. Но на этот раз я не стал дожидаться, пока давление сделается равномерным.

Через минуту уже крышка была у меня в руках, и передо мной было открытое пространство, открытая даль с хорошо мне знакомым земным сумраком.

Воздух врывался мне в легкие, так что в первое мгновение я задохнулся. Громко вскрикнув, я бросил крышку, схватился руками за грудь и присел. Некоторое время я жестоко страдал; затем стал глубоко вдыхать воздух и, наконец, мог подняться и снова поползти вон из шара. Я попробовал сунуть свою голову в отверстие, но шар перевернулся и как будто что потянуло мою голову вниз, едва она выглянула на свет. Я снова нырнул обратно в шар, иначе бы мое лицо захлестнуло волною. Высовываясь и прячась так несколько раз, мне удалось, наконец, вылезти на песок, куда набегали еще время от времени отступавшие волны.

Я даже не пытался встать на ноги. Мне казалось, что мое тело сделалось внезапно как будто свинцовым. Матерь-земля уже цеплялась за меня теперь и никакой каворит не спасал от нее. Я сел на песок, не обращая внимания на воду, заливавшую слегка мои ноги.

Наступал вечер. Мглистые сумерки почти сплошь все окутали, оставляя лишь там и сям длинную серовато-зеленую полосу. Кое-где виднелся корабль, стоявший на якоре, то есть бледные очертания судна с желтым огоньком. Вода все продолжала сбегать длинными, пенистыми волнами. Вправо от меня вырисовывался изгибами берег, пустынная мель с несколькими лачугами, где выделялся лишь маяк, да поплавок, да песчаная стрелка. Влево же шел пологий песчаный откос, испещренный там и сям лужами и заканчивающийся на расстоянии около мили небольшим валом из щебня. К северо-западу виднелось какое-то укромное морское местечко:

ряд жалких лачужек, самых маленьких, какие только я видел на земле, словно темные капли в надвигающемся сумраке. Какие странные люди могли воздвигнуть эти узкие, вертикальные домики на таком малом пространстве, я не знаю. Это напоминало домики Брайтона, затерянные в пустыне.

Долгое время я сидел так, зевая и потирая свое лицо. Наконец, я попытался встать. Это вызвало во мне такое чувство, как будто я поднимаю тяжесть, но я все-таки поднялся.

Я поглядел на далекие домики. Первый раз со времени наших мучений среди кратера я вспомнил о земной пище. «Окорока, — прошептал я, — яичек, хорошей закуски и хорошего кофе... И на кой чорт я бросил все это в Лимпне?» Я подумал о том, где я теперь. Это был какой-нибудь восточный берег, но прежде чем опуститься, я видел перед собою Европу.

Я услышал скрип шагов по песку, и какой-то маленький, круглолицый добродушный человечек, во фланелевой рубашке, с купальным полотенцем на плечах и купальным костюмом, перекинутым через руку, показался на взморье. Я тотчас убедился, что, несомненно, нахожусь в Англии. Он посмотрел почти подозрительно на шар и на меня, и двинулся вперед, пристально вглядываясь. Я должен сознаться, что выглядел довольно дико и свирепо — грязный, нечесаный, оборванный до последней возможности, но в эту минуту я позабыл об этом. Незнакомец подошел ко мне ярдов на двадцать.

— Эй, послушайте, — обратился он, несколько нерешительно.

— Послушайте вы сами, — отвечал я.

Он приблизился, ободренный моим ответом.

— Что это за такое за штука? — спросил он меня.

— Можете ли вы сказать мне, где я нахожусь? — спросил я в свою очередь.

— Это Литльстон, — отвечал он, указывая на дома, — а это Денгенес. Вы только что высадились? Что это за штуку вы приволокли? Какая-нибудь машина?

— Да.

— Вы приплыли к берегу? Вы потерпели крушение или что-нибудь подобное? В чем дело?

Я быстро соображал, производя осмотр маленького человечка, оценивая его по мере приближения.

— Клянусь честью, — сказал он, — вы, верно, порядочно странствовали! Я думал, вы... Ну, где же вы потерпели крушение? Эта штука какой-нибудь пловучий снаряд для спасения жизни?

Я решился принять его толкование в эту минуту и слегка подтвердил его догадку.

— Я прошу помощи, — резко проговорил я. — Я хочу вытащить кое-что сюда на берег, — вещи, которых я не могу бросить.

Тут я заметил трех несколько милых юношей, тоже с полотенцами и костюмами, в соломенных шляпах; они спускались по берегу прямо ко мне. Очевидно, это была ранняя компания купальщиков из Литльстона.

— Помощи? — проговорил мой собеседник. — Сейчас! — Он неопределенно засуетился. — Что, собственно, вы желаете, чтобы было сделано? — Он вертелся жестикулируя.

Три юноши ускорили шаги. В минуту они уже были около меня и осыпали меня расспросами, на которые я не имел желания отвечать.

— Я расскажу все позже, — отговорился я. — Я выброшен на берег. Я потерпел несчастье.

— Пойдемте в отель, — проговорил раньше всех маленький человечек. — Затем мы посмотрим, что можно сделать.

Я колебался.

— Я не могу, — проговорил я. — В этом шаре находятся две больших золотых полосы.

Они недоверчиво посмотрели друг на друга, затем на меня, с сильным недоумением. Я направился к шару, остановился, влез внутрь, и вот перед ними лежали ломы селенитов и разорванная цепь. Если бы я не был так страшно утомлен, то мог бы вдоволь насмеяться. Они уставились на золото, как котята на таракана. Они не знали, как взяться за такую массу. Маленький жирный человек пригнулся и поднял за конец один из этих ломов, затем бросил его, издав порядочное кряхтенье, за ним и все остальные проделали это.

— Это свинец или золото? — проговорил один.

— О, это *золото*! — проговорил другой.

— Золото самое настоящее, — подтвердил третий.

Тогда они все впились в меня глазами, потом уставились на корабль, стоявший на якоре.

— Верно, я вам говорю! — воскликнул маленький человечек. — Но где вы это добыли?

Я слишком утомлен, чтобы придумывать ложь.

— Я добыл это на луне. — Я увидел, как они вытаращили глаза друг на друга. — Глядите сюда, — сказал я. — У меня теперь нет охоты вас убеждать. Помогите мне перенести эти золотые слитки в отель. Я полагаю, что двое из вас могут справиться с одним ломом, я же постараюсь снести

эту цепь, и расскажу вам побольше, когда немного поем.

— А как же насчет вот той штуки?

— Она тут не мешает, — проговорил я. — Во всяком случае, чорт с ней, пускай она тут остается. Когда придет время, она полетит как нельзя лучше.

С чувством величайшего удивления молодые люди послушно взвалили мои сокровища к себе на плечи и, передвигая ногами, как будто налитыми свинцом, я двинулся впереди этого оригинального шествия по направлению к отдаленному приморскому домику. На половине пути к нам присоединились еще две благоговейно ступавшие маленькие девочки, с садовыми лопатками в руках; потом появился мальчуган, перегнувшийся в три погибели и сопевший, как паровоз. Он был, помнится мне, сперва на велосипеде и конвоировал нас на некотором расстоянии, ярдов в двадцати, с правого боку; затем, я полагаю, он признал нас неинтересными, вскочил снова на велосипед и умчался по берегу вверх, в направлении к шару.

Я оглянулся на него.

— Он не тронет машины, — заметил мне толстый человечек успокоительным тоном; а я очень нуждался в успокоении.

Сперва серое утро как будто царило и в моей душе, но вот солнце выступило из облаков, столпившихся на горизонте, и озарило весь мир, придав свинцовому морю ярко-искрящуюся поверхность. Я воспрянул духом. Сознание важных подвигов, которые я совершил и какие еще мне предстояло совершить, проникло в мою душу вместе с солнечными лучами. Я громко расхохотался, глядя, как передний носильщик сгибался под тяжестью моего золота. Когда я не на шутку займу опять место в земном мире, как этот мир будет дивиться на меня.

Если бы не моя крайняя усталость, то владелец литльстонского отеля также позабавил бы меня; он долго колебался, глядя то на мое золото и почтенную свиту, то на мою весьма непрезентабельную внешность. Но в конце концов я очутился опять в земной ванной комнате, с теплой водой, чтобы омыться, и с переменной белья, хотя, повидимому, и слишком малого на мой рост, но все-таки чистого, одолженного мне находчивым маленьким человечком. Он дал мне и бритву, но я не мог решиться приступить к щетинистым аванпостам бороды, покрывавшей мою физиономию.

Я уселся за английский завтрак и начал уничтожать его с каким-то вялым аппетитом: он копился уже несколько недель и успел одряхлеть. Я отмалчивался на вопросы всех четырех юношей, но, наконец, сказал им правду.

— Ну, — проговорил я, — раз вы настаиваете, я достал все это на

луне.

— На луне?

— Да, на луне, которая на небе.

— Но что вы хотите сказать?

— То, что я говорю, черт побери!

— Что вы прибыли сюда прямо с луны?

— Именно, через пустое пространство на этом шаре, — и я с наслаждением проглотил яйцо; при этом я заметил про себя, что когда отправлюсь обратно на поиски Кавора, то захвачу с собой лукошко яиц.

Я ясно видел, что они не верят ни одному слову из того, что я говорил. Очевидно, они считали меня самым отъявленным лгуном, какого когда-либо встречали. Они переглянулись друг с другом и вновь сосредоточили блестящие взгляды на мне. Я думаю, они надеялись найти какие-нибудь разъяснения даже в том способе, как я солил свое кушанье. Казалось, они усматривали особое значение в том, как я начинял яйцо перцем. Эти странным образом выделанные массы золота, которые они несли на себе, не давали им покоя. Драгоценности эти лежали теперь передо мною, ценою каждая несколько тысяч фунтов; украсть их было также невысказанно, как похитить целый дом или участок земли. Поглядывая на их уморительные лица из-за своей чашки кофе, я подумал, в какие странные объяснения я должен им пуститься, чтобы меня вновь сделалось возможным понимать.

— Не понимаете же вы в самом деле... — начал было самый молодой из моих спутников, тоном, каким уговаривают маленьких упрямых детей.

— Пожалуйста, передайте мне блюдо с тартинками, — проговорил я, и быстро опустошил его.

— Однако, предупреждаю вас, — начал другой юноша. — мы ведь и не думаем этому верить.

— Так что же! — проговорил я, и пожал плечами.

— Он не желает нам рассказывать, — проговорил самый младший, как бы *a parte*, и затем с напускными совершеннейшим равнодушием хладнокровно спросил: — Вы позволите мне закурить?

Я дружески кивнул головой и продолжал свой завтрак. Двое других высунулись из окна, находившегося в некотором отдалении и тихо совещались друг с другом. Меня вдруг пронизала одна мысль.

— А ведь время бежит, — проговорил я.

Тут наступила пауза, как бы в ожидании, кто первый должен мне ответить.

— Приближается самое время отлива, — проговорил маленький человечек.

— Ну, во всяком случае, — проговорил я, — *он* не уплывет далеко.

Я разбил третье яйцо и обратился с небольшим спичем.

— Господа, — проговорил я. — Прошу вас, не думайте, как вы наверное делаете, будто я говорил вам несообразную ложь или что-нибудь подобное. Я вынужден лишь быть немного лаконичным и таинственным. Я вполне понимаю, что это может быть неприятно и что ваше воображение должно разыгрываться. Могу уверить вас, что вы живете в замечательное время; но я не могу вам теперь ничего разъяснить; это невозможно. Даю вам честное слово, что я явился с луны. Это все, что я могу сказать вам... Тем не менее, я бесконечно вам обязан. Понимаете вы, бесконечно. Надеюсь, что мое обхождение никоим образом вас не обидело?

— О нет, ни малейшим образом, — проговорил юнейший из юнцов, чрезвычайно любезно. — Мы это вполне понимаем. — И, глядя пристально все время на меня, он откачивался в кресле до тех пор, пока оно совсем почти опрокидывалось, и с некоторой ловкостью возвращался обратно.

— Ни капельки не обидели, — проговорил толстенький человечек, — и не думайте этого!

Затем все встали, рассыпались в разные стороны и стали прохаживаться, покуривая папироски и вообще стараясь показать, что они совершенно ко мне дружелюбны, ни мало не стеснены и вполне чужды малейшего любопытства относительно меня и моего шара.

— А все-таки я пойду поглядеть одним глазом на это судно, — услышал я, как проговорил вполголоса один из компании. И если б только они послушались собственного желания, то, я уверен, все бы ушли, оставив меня одного. Я, между тем, принялся за третье яйцо.

— Погода, — заметил толстенький человечек, — стояла великолепная, не правда ли. Я не запомню, когда у нас было такое лето...

— Ззззззз... — послышался звук, как от громадной ракеты. И где-то послышались осколки разбитого окна.

— Что это? — воскликнул я.

— А вдруг это... — воскликнул маленький человечек и бросился к угловому окну.

Все прочие побежали к окну, а я сидел, на них глядя.

Вдруг быстро вскочил и я, бросив третье яйцо, и тоже ринулся к окну. У меня промелькнула ужасная мысль.

— Ничего там не видно, — кричал маленький человечек, направляясь к двери.

— Не тот ли этот мальчуган? — закричал я, разражаясь бешеной яростью. — Это, наверное, проклятый мальчишка! — В суматохе я

оттолкнул слугу, который нес мне какое-то новое блюдо, и, стремглав выскочив из комнаты, сбегал по лестнице на маленькую веранду перед отелем.

Море, бывшее перед тем спокойным, вздымалось теперь бурными гребнями валов, и пространство, где прежде находился шар, было теперь залито kloкочущими волнами, как на месте только что спущенного корабля. А вверху кружилось маленькое легкое облачко, и три, четыре человека на взморье глазели, с недоумением в лицах, на это неожиданное явление. И это было все! Рыбаки и слуга, и четыре юноши в летних костюмах побежали все следом за мною. Из окон и из дверей слышались крики, и отовсюду высыпал суевающийся люд, с разинутыми ртами.

Некоторое время я стоял неподвижно, слишком ошеломленный такой неожиданной развязкой, чтобы думать о людях, меня окружавших.

— Кавор там, — бормотал я, — там, наверху. И не единой душе неизвестно, как изготовить его вещество. О, Боже милосердный!

Какое несчастье!

Я ощутил, как будто кто-нибудь из лейки поливает мой холодеющий затылок. Колени у меня подкосились. Да, этот проклятый мальчишка был там, в небесных высях. Я же остался совсем «одиноким». Тут было золото в столовой отеля, мое единственное имущество на земле; тут были мои кредиторы. О, Господи, что из всего этого выйдет? Общее впечатление сводилось к какой-то гигантской, неразрешимой путанице.

— Я вам говорю, — раздавался сзади меня голос маленького человечка. — я говорю вам, знаете...

Я обернулся и увидел человек двадцать или тридцать, нечто вроде иррегулярной осады; все они бомбардировали меня безмолвно вопросительными взглядами, исполненными сомнений и подозрений. Для меня стал невыносимым гнет этих взоров, и я громко выругался.

— Я не могу, — завопил я, — говорю вам, что не могу. Я не в силах. Вам остается лишь пялить глаза и убираться к чорту.

Я судорожно жестикулировал. Толстенький человечек отступил на шаг в сторону, когда я ему пригрозил. Я ринулся через толпу прямо в отель; вбежав снова в столовую, я бешено зазвонил. Я схватил за шиворот появившегося слугу.

— Слышите вы, — закричал я, — помогите мне стащить эти полосы тотчас же в мою комнату. — Он не сразу меня понял; я бешено кричал на него. Появился еще какой-то испуганный старичок в зеленом халате; потом еще двое юношей в фланелевых рубашках. Я кинулся к ним и попросил их услуг. Едва лишь золото было в моей комнате, как я почувствовал себя

свободным. — Теперь уходите! — закричал я, — уходите все прочь, если не желаете видеть человека, сходящего с ума у вас на глазах!

Я вытолкал слугу за плечи, когда он замялся. Затем, как только дверь за ними всеми была заперта на ключ, я сорвал с себя платье маленького человечка, разбросав его во все стороны, и тотчас улегся в постель. Тут я пролежал, ругаясь про себя и дрожа, как в лихорадке, довольно долгое время. Наконец, я достаточно успокоился, чтобы встать с постели, позвонил пучеглазого слугу и потребовал себе ночную сорочку, соду и виски да несколько хороших сигар. Когда все это было доставлено, я снова замкнул двери и постарался взглянуть прямо в лицо своему положению.

Общий результат грандиозного опыта сводился к полнейшему неукладу. Это было крушение, и я оказывался единственным лицом, оставшимся в живых. Это была полная неудача, увенчанная последним несчастьем. Ничего не оставалось теперь более, как лишь спастись самому, насколько можно, от последствий нашей неудачи. В силу одного рокового удара, все мои смутные надежды на возвращение и отыскание Кавора теперь рухнули. Мое намерение отправиться на выручку Кавора, или, по крайней мере, наполнить шар золотом и анализировать кусочек каворита, чтобы таким образом раскрыть его великую тайну, — все эти грезы рассыпались прахом.

Я остался один в живых, вот и все!

Я признал, что улечься в постель было одной из счастливейших мыслей, какая могла у меня явиться в данном случае. Действительно, я думаю, что мог бы или окончательно свихнуться, или совершить какой-нибудь непоправимый жестокий поступок. Но тут, запершись наглухо и оградив себя от вторжений, я мог обдумать свое положение, все его последствия и распорядиться как надо, без всякой помехи.

Разумеется, для меня было как нельзя более ясно, что произошло с мальчуганом. Он забрался в шар, стал играть кнопками, закрыл окошки каворита и взлетел на воздух. Было в высшей степени невероятно, чтобы он привинтил крышку горловины. А даже если он это и сделал, то все-таки была тысяча шансов против его возвращения назад. Представлялось вполне очевидным, что он направится к центру мировой сферы, да так и останется там, вне участия в обычных земных интересах, каким бы замечательным феноменом он ни казался для обитателей какого-нибудь отдаленного уголка в пространстве. Я очень быстро пришел к убеждению относительно этого пункта. Что же касается моей ответственности по этому поводу, то, чем более я размышлял, тем яснее мне становилось, что если только я буду оставаться спокойным, то мне не придется тревожиться на этот счет. Если

предо мною предстанут гневные родители, требуя возвращения погибшего мальчика, то я могу просто потребовать возвращения моего потерянного шара, или спросить, что они желают сказать. Сначала перед моим воображением мелькали было и плачущие родители, и полиция, и усложнения всякого рода, но потом я увидал, что мне просто лишь надо держать язык за зубами, и ничего тогда не случится. Действительно, чем дольше я лежал, покуривая и размышляя, тем более делалось очевидным, что самое мудрое — оставаться в покое. Всякий британский гражданин располагает правом, если только он никому не причинил ущерба или обиды, появиться внезапно, где ему вздумается, и каким угодно грязным оборванцем, и с каким угодно количеством чистого золота, какое он окажется способным привезти с собой. При этом никто не имеет малейшего права мешать или задерживать его в такого рода действиях. В конце концов я формулировал это себе и повторял непрерывно как известного рода лютую хартию вольностей.

Раз я отыскал такой выход с одной стороны, то мог воспрянуть духом и разобрать подобным же образом некоторые обстоятельства, о которых я едва решался перед тем думать. А именно, все, что касалось моего денежного банкротства. Но теперь, вникая в это дело спокойно и на досуге, я без труда увидал, что если только я скроюсь куда-нибудь, усвоив себе на время какое-нибудь менее известное имя и сохраню бороду, отросшую за два месяца, то риск относительно преследования меня несносными кредиторами, на которых уже я намекал прежде, делался весьма незначительным. Отсюда до известного рода разумных земных действий был всего один шаг.

Я распорядился, чтобы мне доставили письменные принадлежности, и написал письмо в новый Ромнейский банк, ближайший, как сообщил мне слуга отеля; я уведомлял директора банка, что хотел бы открыть у него текущий счет, и просил его прислать двух особ, заслуживающих доверия и с надлежащими полномочиями, в кебе с хорошей лошадью, чтобы отвезти несколько сот пудов золота, очутившихся в моем распоряжении. Я подписал письмо: «Г. Д. Уэльс», что показалось мне весьма почтенным именем. Покончив с этим, я отправился в контору, вызвал управляющего и попросил его прислать мне портного, чтобы снять мерку для суконной пары; велел, кроме того, принести мне чемодан, панталоны, сорочки, шляпы (для примерки); часовщику же заказал часы. Разослав все эти письма, я съел такой хороший завтрак, какой только отель мог изготовить, и лежал затем, посасывая сигару, до тех пор, пока, согласно моим инструкциям, явились два надлежаще уполномоченные клерка из банка,

свесили и забрали у меня золото. После этого я укрылся с головой одеялом, чтобы оградить себя от всякого стука в дверь, и заснул с величайшим комфортом.

Да, я предался сну. Без сомнения, это было несколько прозаично для первого человека, вернувшегося сейчас с луны, и мне не трудно представить, что какой-нибудь молодой, одаренный фантазией читатель найдет мое поведение подрывающим всякий интерес к моей личности, но я был до крайности утомлен и измучен, и, черт побери, что же мне еще оставалось делать? Ведь, разумеется, не было ни малейшего шанса, что мне поверят, когда бы я стал рассказывать свои похождения. Это, наверно, лишь подвергло бы меня множеству неприятностей.

Итак, я заснул. Проснувшись, наконец, я стал взирать на мир так, как я всегда привык это делать с тех пор, как начал жить сознательною жизнью. Я уехал из Литльстона в Италию, где и пишу эту историю. Если свет не захочет признать ее фактом, то пусть признает за небылицу; меня это не касается.

А теперь, когда счета покончены, я восхищаюсь при мысли, как гладко сошло и было закончено все приключение. Каждый убежден, что Кавор был не особенно даровитым научным исследователем, который спалил свой дом и самого себя в Лимпне; удар же, сопровождавший мое прибытие в Литльстон, объясняют в связи с опытами над взрывчатыми веществами, которые постоянно производятся в одном из лиддских казенных учреждений, за две мили от города. Я должен сознаться, что до сих пор не обнаружил своей прикосновенности к исчезновению Томми Симонса, — так звали мальчугана. Да это, пожалуй, и не легко было бы доказать, если бы я даже и попытался пуститься в разъяснения. Мое появление в лохмотьях, с двумя полосами чистейшего золота, на литльстонском берегу толкуется разными остроумными способами, и меня мало трогает, что вообще думают об этом. Иные говорят, что я нарочно сочинил всю историю, во избежание слишком подробных расспросов об источнике моего богатства. Хотел бы я видеть человека, который бы мог выдумать историю, настолько последовательную, как моя. Ну, они желают считать эту за выдумку, пусть так и будет!

Я поведал свои приключения, а теперь, полагаю, мне снова придется навалить на себя бремя земных забот. Даже человек, побывавший на луне, должен все-таки добывать себе пропитание. Вот я и работаю тут в Амальфи над сценарием той самой драмы, которую я набрасывал еще прежде, чем Кавор вторгся в мою жизнь. Однако, должен сознаться, что мне не легко сосредотачивать внимание на пьесе, когда лунный свет

проникает в мою рабочую комнату. Теперь полнолуние, и в прошлую ночь я целыми часами безумствовал, вперив взоры на этот сияющий светлый щит, который сулит так много. Представьте только себе и столы и стулья, и станки и палки из чистого золота! О, проклятие! Если бы хоть кто-нибудь вновь натолкнулся на этот каворит!.. Но подобные вещи не случаются два раза в жизни. Я живу тут немного получше, чем в Лимпне, вот и все. А Кавор покончил самоубийством более сложным образом, чем какое бы то ни было человеческое существо, и вся история разрешается в конце концов совершенно как сновидение. Она так мало вяжется с остальными жизненными происшествиями, столь многое в ней стоит вполне обособленно от человеческого опыта — прыганье, питание, дыхание, в этих сферах, лишаящих веса, — что в самом деле бывают моменты, когда, несмотря на лунное золото, я более чем наполовину готов поверить, что все происшедшее было сон.

Здесь оканчивается история в том виде, как мы ее первоначально получили. Но затем нам было доставлено до крайности странное сообщение, несомненно подтверждающее самым любопытным и неожиданным образом правдивость всего рассказа. Если верить нашему корреспонденту, то мистер Кавор еще жив на луне и посылает на землю депеши.

1900

Перевод В. П. Лачинова (1901).